БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Белорусское Общество Красного Креста

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО ГЛАЗАМИ БЕЛОРУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Материалы международного научного форума

Минск, 30 октября 2020 г.

МИНСК
БГУ
2020

УДК 341.3(081)
ББК 67.911.14я43
М43

Редакционная коллегия:
доктор юридических наук, профессор *Е. Ф. Довгань* (гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент *Н. О. Мороз*;
директор Центра международных исследований *О. Н. Лешенюк*;
специалист Центра международных исследований *Д. В. Махнач*

М43 **Международное** гуманитарное право глазами белорусской общественности : материалы междунар. науч. форума, Минск, 30 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. Ф. Довгань (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – 132 с.
ISBN 978-985-881-081-8.

Представлены статьи белорусских исследователей, молодых ученых, студентов, посвященные различным аспектам международного гуманитарного права, права прав человека, а также права международной безопасности.

Авторы самостоятельно обеспечивают соблюдение авторских и иных прав в отношении всех материалов. Ответственность за достоверность информации, приведенных фактов и сведений несут авторы. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 341.3(081)
ББК 67.911.14я43

ISBN 978-985-881-081-8

© БГУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие		4
Douhan Alena	COVID-19 pandemic: humanitarian concerns and negative impact of unilateral sanctions and their exemptions	6
Весельская К.С.	Белорусское Общество Красного Креста: распространение знаний о международном гуманитарном праве и Международном движении Красного Креста и Красного Полумесяца	10
Мороз Н.О.	Пропаганда войны в современном международном праве	16
Челядинский С.А.	О некоторых проблемах международно-правового статуса работников частных военных компаний	29
Меркушин В.В.	О некоторых проблемах международно-правового статуса частных военных и охранных кампаний (ЧВОК) и обоснование их отнесения к квази-субъектам транснациональной организованной преступности	35
Перепелица Е.В.	Основные информационные права и свободы человека: развитие в сетевом обществе	49
Сухопаров В.П.	Соотношение правовых статусов журналиста и блогера в районах вооруженных конфликтов	56
Шевко Н.М.	К вопросу о международной защите людей с инвалидностью в условиях вооруженных конфликтов	61
Рипинская А.А.	Влияние пандемии COVID-19 на борьбу с терроризмом	66
Анциферова Э.Ю.	Реализация свободы мнений, убеждений и их свободного выражения в условиях цифровизации	72
Махнач Д.В.	Обеспечение неприкосновенности личной жизни в период COVID-19	80
Дудко М.О.	Правовой механизм защиты персональных данных в сети Интернет	86
Кунец А.Г.	О защите персональных данных граждан при электронном голосовании	98
Аземша И.С.	К вопросу об эффективности и обоснованности применения санкция Советом Безопасности ООН для поддержания мира и безопасности	106
Коваленко В.	Вооруженные конфликты в период пандемии: новые вызовы международному гуманитарному праву	113
Бутич В.А.	Обеспечение прав иностранного инвестора в праве Содружества Независимых Государств	116
Бабахин Д.М.	Современные тенденции развития прав личности в зарубежных странах	125

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современном мире понятие безопасности носит комплексный характер. Оно включает не только военно-политические, но и экономические, социальные, демографические, информационные, технологические и иные аспекты. Все большее значение приобретают проблемы борьбы с международным терроризмом и правовой статус принимаемых в этой связи мер; развитие информационных технологий; широкое использование частных лиц и компаний для осуществления деятельности с их использованием; все более частое применение санкций государствами и региональными организациями, зачастую без санкции Совета Безопасности ООН; привлечение в вооруженные конфликты сотрудников частных военных (охранных) компаний и иные.

Так, например, Советом Безопасности ООН неоднократно признавалось, что не только акты международного терроризма, но и использование информационных технологий частными лицами и иными негосударственными субъектами может создавать угрозу международному миру и безопасности (резолюции 2419(2018), от 6 июня 2018, 2462(2019) от 28 марта 2019). В ноябре 2020 г. Совет Безопасности ООН в рамках формулы Ариа рассматривал воздействие односторонних санкций на поддержание международного мира и права человека. Соединенные Штаты Америки неоднократно заявляли о кибер вмешательстве в выборы. Все более активное использование онлайн ресурсов обостряет проблему защиты личных данных по всему миру. Многие из указанных вызовов оказывают непосредственное влияние на реализацию широкого круга прав человека, включая гражданские, экономические, политические, социальные, культурные права и даже право на развитие.

Пандемия Ковид-19 обострила многие из указанных вопросов. В марте 2020 г. Генеральный Секретарь ООН Антонио Гутерриш неоднократно указывал на угрозы пандемии и призывал все государства-члены мирового сообщества прекратить вооруженные конфликты и снять либо приостановить применение односторонних санкций для того, чтобы обеспечить по меньшей мере минимальные потребности гражданского населения в духе сотрудничества и солидарности.

Пандемия наложила свой отпечаток на все сферы жизни, затронув реализацию всех категорий прав человека, включая право на наивысший достижимый уровень здоровья, право на питание, запрет дискриминации, доступ к информации, право на образование, экономические и трудовые права, и даже право на жизнь. Наиболее уязвимые группы населения (особенно женщины, дети, медицинский персонал, лица на территории

вооруженных конфликтов, беднейшие слои населения, мигранты, лица, страдающие от хронических заболеваний) либо население государства в целом часто не имеют доступ к продуктам питания, медикаментам либо иными значимым для выживания товарам, и даже гуманитарной помощи.

В условиях короновируса гуманитарные вызовы затрагивают не только государства, на территории которых имеют место вооруженные конфликты, но Мировое сообщество в целом. Каждый человек сегодня крайне уязвим. Именно поэтому, 30 октября 2020 при поддержке Белорусского Общества Красного Креста на факультете международных отношений Белорусского государственного университета Центром исследований мира была организована онлайн конференция «Гуманитарные вызовы пандемии COVID-2019» для обсуждения наиболее важных направлений развития международного гуманитарного права и влияния пандемии на развитие права в целом. Настоящий сборник включает доклады молодых ученых по различным аспектам затрагиваемой тематики.

Пандемия короновируса четко продемонстрировала, что в современном взаимозависимом мире ни одно государство не может обеспечить безопасность своих граждан самостоятельно. Борьба с современными вызовами и угрозами, независимо от их характера, будет эффективной только, если она осуществляется на основании принципов солидарности, сотрудничества, обеспечения верховенства права.

Е.Ф. Довгань,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного частного и европейского права
Белорусского государственного университета,
директор Центра исследований мира

#COVID-19 Human Rights Guidance Note

COVID-19 pandemic: humanitarian concerns and negative impact of unilateral sanctions and their exemptions

Alena Douhan
Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights
10 December 2020

The COVID-19 pandemic constitutes a global challenge to the world community and the whole system of individual and collective human rights, including the rights to life, to personal security, to be free from suffering and discrimination, to fair trial, to due process, freedoms of opinion, expression, assembly, association, and religion and belief, to property, to health, to food, to decent labour, to freedom from poverty, to access information, to education and to development. It also challenges the ability of states and international organizations to work together in the spirit of multilateralism, cooperation and solidarity.

The devastating effects of unilateral sanctions as well as the need for solidarity and full respect for all human rights in the course of the pandemic have been repeatedly proclaimed by the United Nations and other governmental and non-governmental organizations. As the UN High Commissioner for Human Rights noted, the pandemic "is challenging the whole system of human rights, including such fundamental human rights as the right to life". In a UN policy brief, the Secretary General identified saving lives as the main UN priority in the time of COVID-19. Both of them, and I, have called for curtailing the use of sanctions that undermine the ability of targeted countries to fight the pandemic.

Unfortunately, the level of international solidarity and cooperation today is not sufficient as these calls did not have much result. A number of countries did not lift or minimise but rather expanded the application of unilateral sanctions using new forms, types, means and mechanisms, and affecting new types of targets.

The COVID-19 pandemic is affecting every person today. Unilateral sanctions, imposed against about 20 per cent of UN Member States, exacerbate the calamities it is causing and thus discriminate against populations in targeted countries, which appear to be more vulnerable than in other States. Unilateral sanctions negatively affect rights of all population groups in targeted states as well as third-state nationals. Due to the specifics of the COVID-19 emergency, children, women, medical personnel, refugees, migrants, internally displaced people, nationals abroad, the elderly and people suffering from chronic diseases appear to be the most at risk.

While welcoming every effort to provide humanitarian relief and deliver humanitarian aid, as well as documents aimed to make the procedures of delivering

humanitarian aid more clear and transparent – in particular the Guidance Note issued by the EU on 16 November 2020 on the Provision of Humanitarian Aid to Fight the COVID-19 Pandemic in Certain Environments Subject to EU Restrictive Measures, which recognize that the economic sanctions may increase hardships of non-targeted civilian populations as well as the illegality of the extraterritorial application of targeted measures – I have to underscore that humanitarian exemptions remain ineffective, inefficient and inadequate.

On 21 - 22 October 2020, I organized an expert consultation on unilateral sanctions as the serious obstacle to delivery of humanitarian aid. The event took place in Palais des Nations, Geneva and brought together 24 world leading humanitarian organizations, including faith based organisations. They discussed humanitarian exemptions, which apparently continued to remain ineffective, inefficient and inadequate. Moreover, experts examined the multiple forms of humanitarian exemptions and practical impediments they create for delivery of aid to the most vulnerable people, including in the context of COVID-19.

Humanitarian organizations refer to unilateral sanctions as the main obstacle to the delivery of aid, including medicine, medical equipment, protective kits, food and other essential goods. Multi-layered, confusing, non-transparent and extensive systems of unilateral sanctions; the expansion of secondary sanctions; and lengthy, complicated and expensive mechanisms of getting licenses impede trade in medicine, medical equipment and relevant software, food and other essential goods; result in the growing over-compliance from the side of banks, donors and delivery companies; stimulate enormous rises in the costs and length of time needed for bank transfers; make delivery of humanitarian aid more complicated; put enormous burden and risks on humanitarian operators; and affect their beneficiaries in targeted and other countries.

In this context, as the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, I call on States, other influential actors and stake holders to act in a spirit of cooperation, solidarity, respect for the rule of law, humanitarian principles and human rights standards, and to consider urgent steps to be taken internationally to prioritize saving lives in the course of COVID-19 over political, economic and other interests.

1. The COVID-19 pandemic, as a common threat, can only be fought by joint efforts of all States and international organizations in a spirit of multilateralism, cooperation and solidarity. International cooperation at the bilateral and multilateral levels shall be based on the principles of the rule of law in full compliance with obligations arising from the UN Charter, international humanitarian and human rights law, and other international obligations, especially in the situation of the global challenge created by the pandemic.

2. While states bear the primary responsibility to guarantee the well-being of their people, the ability of targeted countries to do so is undermined by the application of unilateral sanctions, with an especially negative impact from economic,

trade and sectoral ones. Therefore, the whole system of unilateral sanctions shall be reviewed in accordance with the rules of international law, including humanitarian, refugee and human rights law.

3. Sanctions regimes shall not be expanded; this will enable targeted states to respond to the humanitarian challenges of the COVID-19 pandemic and the growing economic crisis, to ensure the effective protection of their populations, to repair their economies and to guarantee the well-being of their people in the aftermath of the pandemic.

4. A preliminary humanitarian assessment analogous to those currently done in the environmental area shall always be made before any unilateral measures are taken. Saving lives shall be the priority of any unilateral activity in the course of the pandemic, as it is not possible to achieve any "common good" purposes, including the suppression of international terrorism and the protection of human rights, by violating the human rights of those whom unilateral sanctions seek to protect.

5. Under no circumstances should trade in essential humanitarian goods and commodities, such as medicine, antivirals, medical equipment, its component parts and relevant software, and food, be subject to any form of direct or indirect unilateral economic measure or sanction. Accordingly, any impediment to such trade – including trade barriers such as tariffs, quotas and other non-tariff measures; impediments to appropriate contracts, financial transactions, transfers of currency or credit documents and transportation that hamper the ability of states to effectively fight the COVID-19 pandemic and deprive them of vital medical care and access to clean water and food – should be lifted or at least suspended until the threat is eliminated.

6. Humanitarian aid – human resources, materials, equipment, cash and/or any other kind – to combat the pandemic shall not be subject to any direct or indirect restriction. The direction and delivery of humanitarian aid aimed to combat the COVID-19 pandemic shall not be considered as an unfriendly or profit-oriented act;

7. States shall not take measures preventing other states from getting external aid of any character, including international loans to combat the pandemic both from other states and international organizations.

8. No unilateral sanctions shall be imposed against research institutions that might prevent them from developing COVID-19 vaccines or medication.

9. Requests to unfreeze state or privately owned assets for humanitarian purposes shall be considered in good faith in accordance with international law on behalf of humanity. In the case of any dispute, the UN organs and mechanisms shall be welcomed to exercise control over their use.

10. The right of public institutions and final consumers to have access to publicly offered paid or non-paid software or online services shall not be limited. Preventing access to medical technologies and software, and to professional, educational or public Internet resources, affects a broad scope of human rights: the right of access to information, the right of freedom of expression, the right to privacy, the

right to education and the right to reputation, the right to decent work and other economic rights, as well as the right to development; and may result in the violation of the right to health and even the right to life in emergency situations

11. No national law or regulation of regional international organizations shall have extraterritorial application. Therefore, any sanctions, including administrative and criminal charges against individuals and companies involved in the delivery of medical goods and food to sanctioned states in accordance with international humanitarian and human rights norms, should be lifted or at least suspended to prevent fear and over-compliance from the side of states, banks, donors, humanitarian operators and other relevant actors.

12. Humanitarian exemption mechanisms shall be made clear, transparent and straightforward to allow for immediate or at least more rapid implementation during emergency situations, with a corresponding regime of more lenient enforcement to prevent over-compliance with sanctions.

13. Humanitarian exemption regimes shall not be limited to the medicine or medical equipment and software necessary to treat COVID-19 or for imminent life-saving activity only. They shall guarantee the availability of medicine and medical equipment necessary to treat other diseases, food and other essential goods, and shall include reconstruction projects to enable targeted states to repair national economies, to restore civilian healthcare and educational institutions and to guarantee the protection of the civilian population.

14. Essential goods necessary for people's survival and the treatment of diseases – like microscopes, other medical equipment, disinfectants, vaccines, chemicals, pain-relief medication, toothpaste, etc. – shall not be excluded from humanitarian exemption mechanisms because of their identification as dual use goods.

15. Humanitarian operators shall not bear the burden of proof that deliveries of essential goods will be for purely humanitarian use. Humanitarian exemptions should be forward-looking and anticipate broad categories of international emergencies such as pandemics, natural disasters, economic crises and others in order to require minimal adjustment to be effective. Any requests for licenses to purchase medical equipment, its component parts and software, medicine, food and other essential goods shall be considered without delay and granted upon request with a presumed humanitarian purpose for the sake of saving human lives.

16. Humanitarian operators, their members, employees and volunteers shall never be subjected to secondary sanctions including criminal prosecution, administrative or civil liability, or the blocking of bank accounts. Any criminal case shall only be started in the case of their direct intentional and conscious involvement in terrorism financing or money laundering based on the principles of the presumption of innocence, access to justice, fair trial and due process guarantees.

БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВО КРАСНОГО КРЕСТА: РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗНАНИЙ О МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ДВИЖЕНИИ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА

Весельская К.С.

Белорусское Общество Красного Креста,
ул. Карла Маркса, 35, 220030, г. Минск, Беларусь, kseniya.viaselskaya@redcross.by

В статье определен правовой статус Белорусского Общества Красного Креста, рассмотрены принципы, которыми в своей деятельности оно руководствуется (гуманности, беспристрастности, нейтральности, независимости, добровольности, единства, универсальности). Кроме того, автор определяет задачи деятельности Белорусского Общества Красного Креста, а также раскрывает сущность деятельности по распространению знаний о международном гуманитарном праве.

Ключевые слова: Белорусское Общество Красного Креста; распространение знаний о международном гуманитарном праве; Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца.

BELARUSIAN RED CROSS SOCIETY: SPREADING THE KNOWLEDGE OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW AND THE INTERNATIONAL RED CROSS AND RED CRESCENT MOVEMENT

Veselskaya K.S.

Belarusian Red Cross Society,
35 Karl Marx street, 220030, Minsk, Belarus, kseniya.viaselskaya@redcross.by

The article defines the legal status of the Belarusian Red Cross Society, considers the principles of its activity (humanity, impartiality, neutrality, independence, voluntary service, unity, universality). In addition, the author defines the objectives and courses of action of the Belarusian Red Cross Society and reveals the essence of the activity to disseminate knowledge of International Human Rights Law.

Keywords: Belarusian Red Cross Society; dissemination of knowledge of International Humanitarian Law; International movement of the Red Cross and Red Crescent.

История работы Красного Креста на территории современной Беларуси берет начало в конце 19 века, когда в 1872 году создается Минское местное управление Российского общества попечения о раненых и больных воинах. В 1921 году было основано Белорусское Товарищество Красного Креста. Здесь готовили персонал для ухода за больными и

ранеными, помогали пострадавшим от войны, неурожаев и иных бедствий, пленным и заключенным, беженцам и всем нуждающимся: открывались специальные столовые, лазареты, выдавалась одежда и обувь, оказывалась медицинская помощь [1, с. 23].

Сегодня Белорусский Красный Крест – самая крупная и известная гуманитарная организация в Республике Беларусь. Сотрудники и волонтеры помогают в чрезвычайных ситуациях, оказывают медицинские и социальные услуги, в том числе по уходу на дому, разыскивают пропавших, помогают одиноким пожилым, людям с тяжелыми заболеваниями и инвалидностью, вынужденным переселенцам, семьям, нуждающимся в особенной поддержке, и всем, кто оказался уязвим в трудной ситуации. Цель работы Белорусского Красного Креста – общество, в котором никто не остается наедине с бедой.

Белорусский Красный Крест является частью Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца и единственным в Республике Беларусь национальным обществом Красного Креста, которое оказывает содействие государству в осуществлении гуманитарной деятельности на всей территории страны (вспомогательная роль) [2, ст. 5, 9].

Белорусский Красный Крест, как часть Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, в своей деятельности руководствуется Основополагающими принципами. К ним относятся:

Гуманность

Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, порожденное стремлением оказывать помощь всем раненым на поле боя без исключения или предпочтения, старается при любых обстоятельствах как на международном, так и на национальном уровне предотвращать или облегчать страдания человека. Движение призвано защищать жизнь и здоровье людей и обеспечивать уважение к человеческой личности. Оно способствует достижению взаимопонимания, дружбы, сотрудничества и прочного мира между народами.

Беспристрастность

Движение не проводит никакой дискриминации по признаку расы, религии, класса или политических убеждений. Оно лишь стремится облегчать страдания людей, и в первую очередь тех, кто больше всего в этом нуждается.

Нейтральность

Чтобы сохранить всеобщее доверие, Движение не может принимать чью-либо сторону в вооруженных конфликтах и вступать в споры политического, расового, религиозного или идеологического характера.

Независимость

Движение независимо. Национальные общества, оказывая своим правительствам помощь в их гуманитарной деятельности и подчиняясь законам своей страны, должны тем не менее всегда сохранять автономию, чтобы иметь возможность действовать в соответствии с принципами Красного Креста.

Добровольность

В своей добровольной деятельности по оказанию помощи Движение ни в коей мере не руководствуется стремлением к получению выгоды.

Единство

В стране может быть только одно Национальное общество Красного Креста или Красного Полумесяца. Оно должно быть открыто для всех и осуществлять свою гуманитарную деятельность на всей территории страны.

Универсальность

Движение является всемирным. Все Национальные общества пользуются равными правами и обязаны оказывать помощь друг другу [2, ст. 9].

Правовую основу деятельности Белорусского Общества Красного Креста составляют Конституция Республики Беларусь, Закон №437-З «О Белорусском Обществе Красного Креста» от 24 октября 2000 г., Закон от 12.05.2000 N 382-З «Об использовании и защите эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла, отличительных сигналов, а также наименований «Красный Крест», «Красный Полумесяц», «Красный Кристалл» и иные акты законодательства Республики Беларусь, Женевские Конвенции, Протоколы I, II, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы (Протокол III) от 8 декабря 2005 года и иные международные договоры Республики Беларусь, а также Устав Белорусского Общества Красного Креста, Устав Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца, Устав Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и иных документов, принятых в рамках Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца [2, 3].

В соответствии с Уставом Белорусское Общество Красного Креста как самостоятельно, так и во взаимодействии с государственными органами страны выполняет следующие задачи:

• оказывает государственным органам Республики Беларусь помощь в гуманитарной деятельности;

• оказывает содействие государственным органам Республики Беларусь в выполнении страной международных обязательств, вытекающих из Женевских конвенций и Протоколов;

• участвует в проведении на территории Республики Беларусь мероприятий по охране здоровья населения, в том числе направленных на облегчение страданий человека и осуществление ухода за различными категориями населения, а также обеспечивает выполнение своих программ в области образования, здравоохранения и социальной защиты;

• организует на территории Республики Беларусь оказание помощи жертвам вооруженных конфликтов, а также лицам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций в военное и мирное время;

• оказывает через Международный Комитет Красного Креста, Международную Федерацию Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, а также национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца иностранных государств помощь жертвам вооруженных конфликтов, а также лицам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций в иностранных государствах в военное и мирное время;

• распространяет знания о международном гуманитарном праве, о принципах Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца;

• выполняет иные задачи, вытекающие из принципов и целей Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца и соответствующих законодательству Республики Беларусь [4, п. 2.2].

В 2016 году была принята Стратегия развития Белорусского Красного Креста на 5 лет, которая определила шесть ключевых направлений деятельности:

• Распространение знаний о международном гуманитарном праве, Основополагающих принципах, деятельности Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца и гуманитарных ценностях;

• Подготовка и реагирование на чрезвычайные и кризисные ситуации;

• Медицинская помощь, социальная помощь и уход на дому;

• Адвокация интересов уязвимых и мобилизация сообществ;

• Информирование и обучение;

• Укрепление организационного потенциала Белорусского Красного Креста [5].

Белорусское Общество Красного Креста осуществляет деятельность по распространению знаний о Международном движении Красного Креста и Красного Полумесяца, его Основополагающих Принципах, о международном гуманитарном праве. Целью такой деятельности является

повышение уровня осведомленности общества об истории, структуре, деятельности Красного Креста, а также понимание Основополагающих принципов, которыми руководствуется Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца; усиление взаимодействия с заинтересованными государственными и негосударственными структурами через распространение норм международного гуманитарного права.

Распространение знаний о международном гуманитарном праве – это деятельность, направленная на то, чтобы положения международного гуманитарного права, принципы и идеалы Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца стали понятны как можно более широкому кругу лиц, были приняты ими и пользовались уважением [6, с.189].

В соответствии с Уставом Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца национальные общества «распространяют знания о международном гуманитарном праве и помогают своим правительствам распространять их, выступая инициаторами в этой области. Национальные общества распространяют знания о принципах и идеалах Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца и оказывают помощь тем правительствам, которые также занимаются их распространением. Они также сотрудничают со своими правительствами в целях обеспечения соблюдения норм международного гуманитарного права и защиты используемых в целях обозначения эмблем, признанных Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами к ним» [7, ст.3].

В целом всю деятельность Белорусского Красного Креста в области распространения знаний о международном гуманитарном праве и Международном движении Красного Креста и Красного Полумесяца можно разделить на несколько основных направлений работы:

1. Сотрудничество с государственными органами, Международным Комитетом Красного Креста с целью распространения гуманитарных ценностей и информирования о деятельности Белорусского Красного Креста и Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца;

2. Сотрудничество с учреждениями образования Республики Беларусь;

3. Подготовка сотрудников и волонтеров, повышение квалификации инструкторов по распространению знаний о международном гуманитарном праве, Основополагающих принципах и деятельности Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца и гуманитарных ценностях;

4. Повышение узнаваемости Красного Креста, взаимодействие с представителями средств массовой информации и пресечение неправомерного использования эмблемы Красного Креста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пособие по гуманитарной дипломатии / Белорусское Общество Красного Креста. Минск, 2018.
2. О Белорусском Обществе Красного Креста [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 окт. 2000 г № 437-З : в ред. от 12.05.2020 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Об использовании и защите эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла, отличительных сигналов, а также наименований «Красный Крест», «Красный Полумесяц», «Красный Кристалл» [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 мая 2000 г. № 382-З : в ред. Законов Респ. Беларусь от 28 дек. 2009 г. № 78-З, от 3 июля 2011 г. № 282-З) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Устав Белорусского Общества Красного Креста [Электронный ресурс]. URL: https://redcross.by/bokk/ustav/ (дата обращения: 15.12.2020).
5. Стратегия Белорусского Общества Красного Креста 2016-2020 гг. / под ред. Белорусское Общество Красного Креста. Минск, 2015.
6. Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца. Сборник уставов и других документов / сборник. – М., 1995.
7. Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца [Электронный ресурс]. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/red-cross-crescent-movement/movement_statutes_rus.pdf (дата обращения: 15.12.2020).

ПРОПАГАНДА ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Мороз Н.О., к.ю.н., доцент

Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, Минск, 220030, Беларусь, Nataliya.Maroz@gmail.com

В статье определяется содержание международного обязательства по запрету пропаганды войны в соответствии с п. 1 ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах, его соотношение с обязательством по п. 2 ст. 20 данного международного договора. Автор определяет соотношение терминов «пропаганда» и «подстрекательство», а также «пропаганда войны» и «пропаганда против мира». Исследование проведено на основе международно-правовых норм, *travaux préparatoires* к Международному пакту о гражданских и политических правах, судебной практики, актов мягкого права.

Ключевые слова: пропаганда войны; язык ненависти; международное право прав человека.

PROPAGANDA FOR WAR IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW

Dr. Maroz N.A., Associate Professor

Belarusian State University,
8 Leningradskaya street, Minsk, 220030, Belarus, Nataliya.Maroz@gmail.com

The article defines the content of the international obligation to prohibit the propaganda for war in accordance with paragraph 1 of Article 20 of the International Covenant on Civil and Political Rights, its relationship with the obligation under paragraph 2 of Article 20 of this international treaty. The author describes the correlation between the term "propaganda" and "incitement", as well as "propaganda for war" and "propaganda against peace." The study was conducted on the basis of international legal norms, travaux préparatoires to the International Covenant on Civil and Political Rights, jurisprudence of international tribunals and soft law.

Keywords: propaganda for war; hate speech; international human rights law.

Вопросы пропаганды традиционно являются предметом пристального изучения в рамках различных отраслей науки (журналистики, политологии, социологии, психологии) [1].

В то же время пропаганда, хотя и является негативным явлением, не всегда подпадает под запрет международно-правовых норм [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 96-112].

Одной из самых опасных форм пропаганды является пропаганда войны. Как указывала Д. Миятович, представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ (2010-2017), «СМИ сыграли одну из ключевых и самых грязных из ролей в конфликтах в регионе бывшей Югославии <…>. …И сейчас, сорок лет спустя, феномен пропаганды вошел в наш мир из худших времен холодной войны. <…> Рассказы о теориях заговора, замученных детях, массовых захоронениях, изнасилованиях и посылках с головами боевиков, подтвержденные поддельными свидетельствами и интернет-видео, заполонили телевизионные экраны» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 6].

В науке и практике вопросы подстрекательства к действиям, запрещенным международным правом (например, геноцид, апартеид, акты терроризма), а также квалификации деяния в качестве выступления в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти были рассмотрены достаточно обстоятельно. В то же время выявление содержания запрета на осуществление пропаганды практически не исследовалось учеными. В этой связи, настоящее исследование будет посвящено данному актуальному вопросу.

В соответствии со ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП) «всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Следует отметить, что процесс включения запрета пропаганды войны в текст МПГПП сопровождался значительными затруднениями. Первоначально в проекте Пакта, представленного на обсуждение Комиссии, вообще отсутствовало положение, запрещающее пропаганду войны [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Противники включения запрета пропаганды войны высказывали мнение, что они не могут поддержать такие предложения в связи с неясностью и двусмысленностью формулировки словосочетания «пропаганда войны» (Норвегия, Австралия, Италия, Великобритания, Канада, Франция [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]; Боливия, Либерия [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]). Многие из данных государств, а также США указывали на несовместимость подобного запрета с правом на свободу мнений.

Так, в частности, США пояснили, что их законодательство запрещает подстрекательство к насилию по любым мотивам, но только когда существует явная и реальная опасность того, что насилие будет реализовано. Позиция США заключалась в том, что любые прочие запреты приведут к злоупотреблениям и, как следствие, нарушению права на свободу мнений [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Однако и после представления пояснений государствами – инициаторами включения запрета пропаганды войны в текст МПГПП относительно содержания употребляемой терминологии многие государства не были готовы голосовать по ст. 26, где на тот момент содержалось рассматриваемое обязательство. В этой связи представитель Филиппин выступил с довольно прямолейным заявлением, в котором четко прослеживалась основная цель включения такого положения в текст МПГПП: «разрушительная мощность современного оружия настолько велика, что больше невозможно принимать риск войны просто в целях защиты свободы слова. О каких гарантиях основных прав может идти речь, если не останется никого, кто бы мог ими воспользоваться?» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]

Редакция статьи в современном ее изложении, а также размещение ее в Пакте под номером 20 было предложено группой государств (Бразилия, Камбоджа, Конго (Леопольдвиль), Гана, Гвинея, Индонезия, Ирак, Ливан, Мали, Марокко, Филиппины, Польша, Саудовская Аравия, Таиланд, Объединенная Арабская Республика и Югославия) и одобрено в 1961 г. [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В настоящее время оговорки к п.1 ст. 20 МПГПП, полностью отрицающие юридическое действие данного положения в отношении заявивших их государств, сформулированы Данией, Финляндией, Исландией, Люксембургом, Нидерландами, Новой Зеландией, Норвегией, Швецией, США. Кроме того, отдельные государства заявили оговорки не принимать законодательных мер в отношении п. 1 ст. 20 или ст. 20, в целом, более, чем это необходимо для обеспечения публичного порядка (Австралия, Великобритания), или принимать только такие меры, которые практически осуществимы (Ирландия), или не принимать законодательных мер к реализации ст. 20 МПГПП (Мальта) [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Таким образом, фактически, п.1. ст. 20 МПГПП не действуют в отношении 13 государств – участников Пакта.

В Замечании общего порядка № 11, принятом Комитетом по правам человека, указано, что «Комитет считает, что государствам-участникам, которые этого ещё не сделали, следует предпринять необходимые меры для выполнения обязательств, содержащихся в статье 20, и воздерживаться от любой пропаганды или выступлений такого рода». Таким образом, исходя из п. 1 ст. 20 МПГПП государства обязаны: а) принять законодательство по запрету пропаганды войны; б) воздерживаться от любой пропаганды такого рода.

Необходимость воздерживаться от пропаганды агрессивных войн против другого государства-участника содержится в Заключительном акте СБСЕ 1975 г. (абз. 6 подраздела I раздела b) [**Ошибка! Источник**

ссылки не найден.], а также подтверждается в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН (резолюция 110 (II) от 3 ноября 1947 г., 381 (V) от 17 ноября 1950 г., резолюция 33/73 от 15 декабря 1978 г. и др.).

Пропаганда войны запрещена п. 5 ст. 13 Американской конвенции о правах человека 1969 г. Примечательно, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. не содержат прямого запрета на осуществление пропаганды войны. В то же время, подобная деятельность может рассматриваться в качестве противоправной в контексте ст. 17 (запрещение злоупотреблений правами) данного международного договора. Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. также не содержит норм, посвященных недопустимости пропаганды войны. Полагаем, что противоправность такой деятельности вытекает из п. 2 ст. 9, п. 1 ст. 23, п. 3 ст. 29 этого международного соглашения.

Добросовестное исполнение международного обязательства по запрету пропаганды войны напрямую связано с толкованием целого ряда важных терминов, содержащихся в п. 1 ст. 20 МПГП. Так, не вполне ясным является содержание понятия «пропаганда», «всякая пропаганда», «пропаганда войны». Более того, вызывает вопросы соотношение понятий «пропаганда» (п. 1 ст. 20 МПГПП) и «подстрекательство» (п. 2 ст. 20 МПГПП), «пропаганда войны» и «пропаганда против мира».

В то же время ни МПГПП, ни замечание общего порядка № 11 не дают трактовку термину «пропаганда». Практика Комитета по правам человека была связана исключительно с выявлением возможных нарушений п.2 ст. 20 МПГПП (дело М.Раббае [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], Вассилари М. [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], Росса [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], Фаррисона [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], Джей Эр Ти и Даблвэ Джи Пати [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], А.В.П.[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]).

Во многом это связано с тем, что норма, содержащаяся в п.1 ст. 20 МПГПП не устанавливает прав и свобод, а содержит скорее изъятие из права, предусмотренного ст. 19 МПГП (право на свободу мнений).

Подготовительные материалы к МПГПП позволяют прояснить намерения сторон международного договора относительно необходимости включения запрета пропаганды войны в п. 1 ст. 20 МПГП, а также уяснить содержание термина «пропаганда войны».

Во-первых, вопросы противодействия пропаганде использованию языка вражды, в целом, рассматривались в контексте недопустимости развязывания агрессивных войн.

Разработка МПГПП началась практически сразу после окончания

Второй мировой войны. В ходе данного вооруженного конфликта активно использовалась пропаганда ненависти, что в итоге, привело к совершению ужасных преступлений. По этой причине большинство государств хотели включить в текст международного договора положение, которое бы способствовало недопущению такой ситуации в будущем.

Принятие Устава ООН в 1945 г. ознаменовало начало нового периода в развитии международного права. В Уставе ООН было впервые закреплено правило о недопустимости прибегать к агрессии, а также провозглашена необходимость разрешения всех международных споров мирным путем. В преамбуле Устава ООН 1945 г. указано, что народы Объединённых Наций «преисполнены решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. По этой причине распространение идей, направленных на подстрекательство к развязыванию новой войны, стало рассматриваться в контексте предупреждения конфликтов.

В этой связи 1947 г. Комиссия по правам человека ООН указывала на необходимость формулирования положений проекта МПГП, касающихся закрепления права на свободу мнений в контексте содержания двух резолюций, принятых Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция 110 (II) от 3 ноября 1947 г. и резолюция 127 (II) от 15 ноября 1947 г.), которые посвящены мерам, направленным на противодействие разжиганию новой войны и распространению ложной информации [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Так, в резолюции 110 (II) от 3 ноября 1947 г. осуждается «пропаганда, имеющая целью или способная создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], а в резолюции 127(II) от 15 ноября 1947 г. указывалось, что распространение «ложной и извращенной» информации не способствует дружественным отношениям между государствами [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Во-вторых, государства имели намерение запретить пропаганду войны в узком понимании термина «война» (межгосударственный вооруженный конфликт). Это можно проследить на основе аргументов, которые представляли государства – сторонники включения запрета пропаганды войны в текст МПГПП. Более того, следует также отметить, что в тот период в качестве угроз международному миру и безопасности рассматривались именно межгосударственные вооруженные конфликты [22, с. 14].

Так, в целом, в ходе обсуждения проекта МПГПП в Комиссии международного права, в Третьем комитете Генеральной Ассамблеи ООН

государства указывали на необходимость принятия правотворческих усилия для предотвращения новой войны, предупреждения распространения нацистско-фашистских идей (Чехословакия [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]; БССР, Польша, СССР, УССР, Югославия [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**; **Ошибка! Источник ссылки не найден.**]), включения запрета пропаганды войны в текст МПГПП в интересах международного сотрудничества, основанного на взаимном уважении прав государств (УССР) [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]; так как это обусловлено национальным правовым запретом пропаганды войны (Бразилия)[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]; противодействия любым проявлениям угроз миру (Румыния) [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], для предупреждения угрозы ядерной войны (Пакистан) [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]; в силу значительной международной нормативной основы для формулирования такого запрета (Чили) [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] и др.

В связи с сомнениями относительно корректности использования термина «пропаганда войны» в тексте международного договора в ходе 1079 встречи Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН в 1961 г. представитель Бразилии дал определение данному понятию, которое также ориентировано на понимание термина «война» в узком смысле – «повторяющееся и настойчивое выражение мнения с целью создания атмосферы ненависти и непонимания между народами двух или более стран, чтобы в конечном итоге привести их к вооруженному конфликту» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В Замечании общего порядка № 11, принятом Комитетом по правам человека, термин «война» трактуется исходя из обязательств, содержащихся в Уставе ООН 1945 г. Так, в документе указывается, что «запрет, установленный п. 1 ст. 20 МПГПП, распространяется на все виды пропаганды, осуществляемой с целью угрозы или акта агрессии или нарушения мира вопреки Уставу ООН. Положения п. 1 ст. 20 не запрещают поддержку суверенного права на самооборону или права народов на самоопределение или независимость в соответствии с Уставом ООН».

Таким образом, распространение идей, подстрекающих к началу вооруженного конфликта немеждународного характера или сепаратизму, экстремизму, терроризму и иным формам насилия рассматриваются в контексте запрета, установленного п. 3 ст. 19 или п. 2 ст. 20 МПГПП.

В-третьих, систематический и (или) длительный характер информационного воздействия на аудиторию, а также его целенаправленный характер выделялись в качестве важного признака,

отграничивающего пропаганду войны от иных действий по распространению языка ненависти

Так, на основании определения, предложенного Бразилией, можно прийти к выводу, что сам термин «пропаганда» понимался как повторяющееся и настойчивое выражение мнения». При этом такое выражение мнения имело четкую цель – «создать атмосферу ненависти и непонимания между народами <…>, чтобы в конечном итоге привести к вооруженному конфликту».

Иногда экспертами высказывается мнение, что п. 2 ст. 20 МПГПП представляет собой деятельность, предшествующую пропаганде войне, тогда как п. 1 ст. 20 может рассматриваться в качестве прямого подстрекательства к войне [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 14]. С такой трактовкой ст. 20 МПГПП можно согласиться лишь отчасти. Как уже было указано выше, п. 1 ст. 20 ориентирован на предупреждение развязывания межгосударственных конфликтов.

Попытки определить сущность терминов «пропаганда» и «подстрекательство» в контексте п. 2 ст. 20 МПГПП были предприняты Управлением Верховного комиссариата по правам человека. Так, дефиниции указанных понятий нашли отражение в Рабатском плане действий по запрету пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Следует отметить, что определение термина «пропаганда», сформулированное в данном документе, совершенно неприменимо к пониманию содержания п. 1 ст. 20 МПГПП. Так, в Рабатском плане действий под термином «пропаганда» понимается «намеренное публичное содействие распространению ненависти по отношению к целевой группе» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Считаем, что термин «содействие распространению ненависти» может трактоваться двусмысленно, что может привести к ограничению права на свободу мнений.

Следует отметить, что пропаганда против мира и пропаганда войны не являются терминами-синонимами. Первое понятие шире, и включает в себя пропаганду войны. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 381 (V) от 17 ноября 1950 г. уточняется, что к пропаганде против мира кроме подстрекательства к конфликтам и агрессии относится: а) меры, которые ведут к изоляции народов от всякой связи с внешним миром и препятствует печати, радио и другим органам осведомления передавать информацию о событиях международного характера, затрудняя этим международное осведомление и взаимопонимание народов; б) меры, которые направлены на то, чтобы замалчивать или искажать работу ООН в пользу мира или мешать народу одной страны знать мнения народов

других государств – членов Организации [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В Замечании общего порядка № 37 Комитета по правам человека относительно статьи 21 (право на мирные собрания) указывается, что «мирные собрания не могут использоваться для пропаганды войны (ст. 20 (1)». Таким образом, формы, в которых запрещено осуществлять пропаганду войны, охватывают не только использование печатных изданий, телевидения, глобальной сети Интернет, радио, но и проведение мирных собраний.

Если сопоставить содержание термина «подстрекательство»[1], содержащегося в Рабатском плане действий и термина «пропаганда», приведенного в ходе дискуссий в Третьем комитете Генеральной Ассамблеи ООН по поводу содержания положений проекта МПГПП, то можно прийти к выводу, что: а) пропаганда в отличие от подстрекательства не предполагает неотвратимого риска наступления негативных последствий (начала войны); б) пропаганда, как правило, носит системный характер («повторяющееся и настойчивое выражение мнения»), в то время как подстрекательство может представлять собой единичное деяние; в) пропаганда по смыслу п. 1 ст. 20 МПГПП ведется умышленно с четко определенной целью – привести к вооруженному конфликту, в то время как подстрекательство согласно п. 2 ст. 20 МПГПП ориентировано на другие последствия – дискриминацию, вражду или насилие, и, фактически, может осуществляться как с прямым, так и косвенным умыслом.

Международная судебная практика в части определения термина «пропаганда» весьма немногочисленна. Наиболее важным с точки зрения прояснения содержания понятия «пропаганда» является приговор Нюрнбергского трибунала в отношении Ю.Штрейхера.

Так, Ю.Штрейхер, главный редактор антисемитской газеты «Штурмовик» был признан виновным в преступлениях против человечности (п.с ст.4 Устава Нюрнбергского трибунала 1945 г.). Следует отметить, что в Уставе Нюрнбергского трибунала термин «пропаганда» не употребляется. В то же время деятельность, осуществляемая Ю.Штрейхером посредством своей газеты, именовалась трибуналом как «пропаганда».

В приговоре трибунала указывается, что: «подстрекательство Ю.Штрейхера к убийствам и истреблению в то время, когда евреи на Востоке убивались самым жестоким образом, явно представляет собой

[1] Подстрекательство – это утверждения о национальных, расовых или религиозных группах, которые создают неотвратимый риск проявлений дискриминации, вражды или насилия против представителей указанных групп.

преследование по политическим и расовым мотивам в связи с военными преступлениями, как это определено Устава, и составляет преступление против человечности». Для того, чтобы доказать виновность Ю.Штрейхера, Нюрнбергский трибунал установил связь между ведущейся информационной деятельностью и преследованием, а также убийствами евреев. В качестве подтверждения были названы 23 статьи, вышедшие с 1938 по 1941 гг. в газете «Штурмовик», в которых евреи назывались «паразитами», «врагами», «злодеями», не людьми; прямо призывалось к «уничтожению», «истреблению» евреев, к «окончательному решению вопроса»; упомянута подписка на еврейское издание *Israelitisches Wochenblatt,* которая позволяла Ю.Штрейхеру узнавать о массовых убийствах евреев на оккупированных восточных территориях [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. В приговоре также указывалось, что «в его [Ю.Штрейхера – *прим. Н.О. Мороз*] выступлениях и статьях, неделя за неделей, месяц за месяцем, он заражал разум немцев вирусом антисемитизма и подстрекал немецкий народ к активным преследованиям. Каждый выпуск *Der Stürmer*, который в 1935 г. достиг 600 000 тиражей, был наполнен такими статьями, часто непристойными и отвратительными» [33]. Таким образом, деятельность Ю.Штрейхера в части ведения пропаганды характеризуется определенной длительностью (периода издания газеты), масштабностью (объем тиража и его территориальный охват), сочетанием выступлений в пользу антисемитизма и подстрекательства к противоправным действиям против евреев, что в конечном итоге, привело к совершению преступлений против человечности (т.е. наличием последствий) [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В приговоре по делу Руджу, вынесенном Международным трибуналом по Руанде (далее – МТР), также употребляется термин «пропаганда». Трибунал не дает определения данному понятию, но отмечает, что «СМИ, особенно радио Свободное радио и телевидение тысячи холмов (далее – СРТТХ), были ключевым инструментом, используемым экстремистами из политических партий для мобилизации и подстрекательства населения к массовым убийствам. СРТТХ имело большую аудиторию в Руанде и стало эффективным инструментом пропаганды» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. В деле Медиа, рассмотренном МТР, термин «пропаганда» употребляется многократно. Ему также не дается определение. Эксперт обвинения, свидетель Э. Дес Форгес отмечал, что в ситуации с осуществлением геноцида «радио использовалось как часть пропагандистских усилий по подстрекательству людей к насилию» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Пропаганду отличает публичность призывов к совершению преступлений. Как было указано в деле Акайесу, рассмотренном МТР, «публичное подстрекательство создает или существенно повышает риск совершения неконтролируемого массового преступления […]. Поскольку субъект обращается к значительному числу неопределенных лиц, он также с самого начала не способен контролировать развитие событий» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В деле Мокану, рассмотренном Европейским судом по правам человека, было указано, что «речь, в которой глава государства призвал шахтеров занять Университетскую площадь и защищать ее, не может быть истолкована как пропаганда в пользу войны, поскольку обвиняемые не стремились спровоцировать конфликт любого рода, но напротив, просил шахтеров “положить конец бесчинствам и актам кровопролития”» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Фактически, во всех рассмотренных выше делах пропаганда носила публичный, массовый и системный характер, совмещала в себе как высказывания направленные на разжигание ненависти, так и подстрекательство к совершению противоправных действий.

Таким образом, на основании изложенного выше можно прийти к следующим выводам:

1. Исследование *travaux préparatoires* к МПГПП позволило уточнить намерение сторон относительно как цели включения положения о запрете пропаганды войны, так и содержание самого термина «пропаганда войны». Выявлено, что сторонники закрепления рассматриваемого международного обязательства в МПГПП стремились предупредить развязывание межгосударственных вооруженных конфликтов, обусловленное пропагандой войны. Установлено, что под «пропагандой войны» в момент заключения МПГПП понималось «повторяющееся и настойчивое выражение мнения с целью создания атмосферы ненависти и непонимания между народами двух или более стран, чтобы в конечном итоге привести их к вооруженному конфликту».

2. Выявлено, что пропаганда войны имеет следующие отличительные признаки: а) носит публичный характер, ориентирована на широкую аудиторию; б) как правило, носит системный и массовый характер («повторяющееся и настойчивое выражение мнения»); в) ведется умышленно с четко определенной целью – привести к вооруженному конфликту между государствами; г) может совмещать в себе как высказывания, направленные на разжигание ненависти, так и подстрекательство к противоправной деятельности; д) может осуществляться как с помощью использования печатных изданий,

телевидения, радио, глобальной сети Интернет и др., так и в ходе собраний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Disinformation and propaganda – impact on the functioning of the rule of law in the EU and its Member States : study requested by he LIBE Committee [Electronic resource].2019. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/608864/IPOL_STU(2019)608864_EN.pdf (accessed: 20.12.2020).
2. *Мороз Н. О.* Международно-правовая квалификация деструктивного информационного воздействия // Влияние вооруженных конфликтов на международное право: сб. науч. ст. / под ред. Е.Ф. Довгань, Н.О. Мороз. Минск : Междунар. ун-т. «МИТСО», 2018. С. 96–112.
3. Пособие по гуманитарной дипломатии / Белорусское Общество Красного Креста. Минск, 2018.
4. *Миятович Д.* Пропаганда и свобода массовой информации. Памятная записка Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. Вена : БДИЧ ОБСЕ, 2015. С. 6.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят на XXI сес. Генер. Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1976. – № 17.
6. Report of the Commission on Human Rights, second session, Geneva, 2 December to 17 December 1947 // United Nations [Electronic resource]. 1947. URL : https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/GL9/900/53/PDF/GL990053.pdf?OpenElement (accessed: 18.12.2020).
7. United Nations General Assembly, Third Committee, 1078th meeting, 19 October 1961 // United Nations [Electronic resource]. 1961. URL : https://undocs.org/A/C.3/SR.1078 (accessed: 15.12.2020).
8. Collation of the Comments of Governments on the Draft International Declaration on Human Rights, Draft International Covenant on Human Rights and the Question of Implementation: Commission on Human Rights, third session, E/CN.4/85 [Electronic resource]. 1948. URL : https://undocs.org/E/CN.4/85 (accessed: 20.12.2020).
9. United Nations General Assembly, Third Committee, 1081st meeting, 23 October 1961 // United Nations [Electronic resource]. 1961. URL : https://undocs.org/A/C.3/SR.1081 (accessed: 18.12.2020).
10. Draft International Covenants on Human Rights, AC.3.L.932, 20 October 1961 // United Nations [Electronic resource]. 1961. URL : https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Expression/ICCPR/AC.3.L.932.pdf (accessed: 18.12.2020).
11. International Covenant on Civil and Political Rights, New York, 16 December 1966 // United Nations [Electronic resource]. 1966. URL : https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&clang=_en#EndDec (accessed: 18.12.2020).
12. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1 августа 1975 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

[Электронный ресурс]. 1975. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата доступа: 12.12.2020).

13. Соображения, принятые Комитетом по правам человека по пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола в отношении сообщения № 2124/2011, CCPR/C/117/D/2124/2011, 29 марта 2017 г. // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека [Электронный ресурс]. 2017. URL: https://juris.ohchr.org/search/results/1?typeOfDecisionFilter=0&countryFilter=0&treatyFilter=0 (дата доступа: 20.12.2020).

14. Views. Communication No. 1570/2007, International Human Rights Committee, CCPR/C/95/D/1570/2007, 29 April 2009 // United Nations [Electronic resource]. 2009. URL : https://juris.ohchr.org/search/results/57?sortOrder=Date&typeOfDecisionFilter=0&countryFilter=0&treatyFilter=8 (accessed: 15.12.2020).

15. Views of the Human Rights Committee under article 5, paragraph 4, of the Optional Protocol to the International Covenant on civil and political rights, CCPR/C/70/D/736/1997, 18 October 2000 // Office of the High Commissioner for Human Rights [Electronic resource]. 2000. URL : https://juris.ohchr.org/search/results/85?sortOrder=Date&typeOfDecisionFilter=0&countryFilter=0&treatyFilter=8 (accessed: 15.12.2020).

16. Views. Communication No. 550/1993, CCPR/C/58/D/550/1993, 16 December 1996 // Office of the High Commissioner for Human Rights [Electronic resource]. 1996. URL : https://juris.ohchr.org/Search/Details/654 (accessed: 15.12.2020).

17. Communication No. 104/1981, U.N. Doc. CCPR/C/OP/2 at 25 (1984), 6 April 1983 // Office of the High Commissioner for Human Rights [Electronic resource]. 1983. URL : https://juris.ohchr.org/search/results/124?sortOrder=Date&typeOfDecisionFilter=0&countryFilter=0&treatyFilter=8 (accessed: 15.12.2020).

18. Сообщение № 1879/2009: решение, принятое Комитетом на его 109-й сессии (14 октября − 1 ноября 2013 года), CCPR/C/109/D/1879/2009, 25 нояб. 2013 // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека [Электронный ресурс]. 2013. URL: https://juris.ohchr.org/search/results/180?sortOrder=Date&typeOfDecisionFilter=0&countryFilter=0&treatyFilter=8 (дата доступа: 12.12.2020).

19. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. – Женева, 1945. – 35 с.

20. Report of the Commission on Human Rights, second session, Geneva, 2 December to 17 December 1947 // Office of the High Commissioner for Human Rights [Electronic resource]. 1947. URL : https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/GL9/900/53/PDF/GL990053.pdf?OpenElement (accessed: 15.12.2020).

21. Меры, которые должны быть приняты против пропаганды и поджигателей новой войны: резолюция 110 (II), 3 нояб. 1947 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. 1947. URL: https://digitallibrary.un.org/record/209883/files/A_RES_110%28II%29-RU.pdf (дата доступа: 15.12.2020).

22. Ложная или извращенная информация: резолюция 127 (II) Генеральной Ассамблеи ООН, 15 нояб. 1947 г. // Верховна Рада Україні [Электронный ресурс].

1947. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_275#Text (дата доступа: 16.12.2020).

23. *Довгань Е. Ф.* Международно-правовые основы деятельности региональных организаций в области поддержания международного мира и безопасност. – Минск : БГУ, 2014. 295 с.

24. United Nations General Assembly, Third Committee, 569th meeting, 1 November 1954 // United Nations [Electronic resource]. 1954. URL : https://undocs.org/A/C.3/SR.569 (accessed: 15.12.2020).

25. United Nations General Assembly, Third Committee, 576th meeting, 8 November 1954 // United Nations [Electronic resource]. 1954. URL : https://undocs.org/A/C.3/SR.576 (accessed: 17.12.2020).

26. Draft first international covenant on human rights and measures of implementation: United Nations General Assembly, Third Committee, 290th meeting, 20 October 1950 // United Nations [Electronic resource]. 1950. URL : http://uvallsc.s3.amazonaws.com/travaux/s3fs-public/A-C_3-SR_290.pdf?null (accessed: 18.12.2020).

27. United Nations General Assembly, Third Committee, 289th meeting, 19 October 1950 // United Nations [Electronic resource]. 1950. URL : https://undocs.org/A/C.3/SR.289 (accessed: 21.12.2020).

28. United Nations General Assembly, Third Committee, 291st meeting, 20 October 1950 // United Nations [Electronic resource]. 1950. URL : https://undocs.org/A/C.3/SR.291 (accessed: 15.12.2020).

29. United Nations General Assembly, Third Committee, 565th meeting, 27 October 1954 // United Nations [Electronic resource]. 1954. URL : https://undocs.org/A/C.3/SR.565 (accessed: 15.12.2020).

30. United Nations General Assembly, Third Committee, 1084th meeting, 26 October 1961 // United Nations [Electronic resource]. 1961. URL : https://undocs.org/A/C.3/SR.1084 (accessed: 15.12.2020).

31. United Nations General Assembly, Third Committee, 1079th meeting, 20 October 1961 // United Nations [Electronic resource]. 1961. URL : https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Expression/ICCPR/AC.3.SR.1079.pdf (accessed: 15.12.2020).

32. Rabat Plan of Action on the prohibition of advocacy of national, racial or religious hatred that constitutes incitement to discrimination, hostility or violence : Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the expert workshops on the prohibition of incitement to national, racial or religious hatred, A/HRC/22/17/Add.4, 11 January 2013 // United Nations [Electronic resource]. 2013. URL : https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Opinion/SeminarRabat/Rabat_draft_outcome.pdf (accessed: 16.12.2020).

33. Осуждение пропаганды против мира: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 381 (V), 17 нояб. 1950 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. 1947. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/381%28V%29 (дата доступа: 20.12.2020).

34. Judgment: International Military Tribunal (Nuremberg), 1 October 1946 // The Global Campaign for ratification and implementation of the Kampala Amendments on the Crime of Aggression [Electronic resource]. 1946. URL : https://crimeofaggression.info/documents/6/1946_Nuremberg_Judgement.pdf (accessed: 15.12.2020).

35. The Prosecutor v. Georges Ruggiu : Judgement and sentence, International Criminal Tribunal for Rwanda, Trial Chamber I, Case No. ICTR-97-32-I, 1 June 2000 // United Nations International Residual Mechanism for Criminal Tribunals [Electronic resource]. 2000. URL : https://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/files/case-documents/ictr-97-32/trial-judgements/en/000601.pdf (accessed: 12.12.2020).

36. The Prosecutor v. Ferdinand Nahimana, Jean Bosco Barayagwiza, Hassan Ngeze : Judgement and sentence, International Criminal Tribunal for Rwanda, Trial Chamber I, Case No. ICTR-99-51-T, 3 December 2003 // United Nations International Residual Mechanism for Criminal Tribunals [Electronic resource]. 2003. URL : https://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/
files/case-documents/ictr-99-52/trial-judgements/en/031203.pdf (accessed: 12.12.2020).

37. The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu: Judgement and sentence, International Criminal Tribunal for Rwanda, Chamber I, Case No. ICTR-96-4-T 1998, 2 Sept. 1998 // United Nations International Residual Mechanism for Criminal Tribunals [Electronic resource]. 1998. URL : https://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/files/case-documents/ictr-96-4/trial-judgements/
en/980902.pdf (accessed: 12.12.2020).

38. Case of Mocanu and others v. Romania : Judgment (Merits and Just Satisfaction), Court (Grand Chamber), 17 Sept. 2014 // United Nations International Residual Mechanism for Criminal Tribunals [Electronic resource]. 2014. URL : https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":
["propaganda%20for%20war"],"documentcollectionid2":["GRANDCHAMBER","CHAMBER"],"itemid":["001-146540"]} (accessed: 18.12.2020).

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РАБОТНИКОВ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

Челядинский С.А.

Государственное учреждение образования
«Институт национальной безопасности Республики Беларусь»,
2, ул. З. Бядули, 2220034, г. Минск, Беларусь

Статья посвящена выявлению теоретических проблем, связанных с определением международно-правового статуса работников частных военных компаний. Автором выявлено соотношение терминов «работник частных военных компаний», «наемник», «комбатант»; предложена открытая классификация отличительных признаков работников частных военных компаний, позволяющих разграничить их статус и международно-правовой статус наемника.

Ключевые слова: частные военные компании; работник частной военной компании; наемник; международно-правовой статус.

SOME PROBLEMS OF THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF EMPLOYEES OF PRIVATE MILITARY COMPANIES

S.A. Chelyadinsky

State educational institution
"Institute of National Security of the Republic of Belarus",
2 Z. Byaduli Street, Minsk 220034, Belarus

The article identifies theoretical problems associated with the determination of the international legal status of employees of private military companies. The author reveals the correlation of the terms "employee of private military companies", "mercenary", "combatant"; proposes an open classification of the distinctive features of employees of private military companies, which makes it possible to make a difference between their status and the international legal status of a mercenary.

Key words: private military companies; employee of private military company; mercenary; international legal status.

На сегодняшний день актуален вопрос о международно-правовом статусе работников частных военных (охранных) компаний (далее ЧВК, ЧВОК) – их ошибочного соотнесения к наемникам, чья деятельность признается незаконной. И, прежде всего именно **работники**, а не сотрудники ЧВК, поскольку работник относится к субъекту трудовых правоотношений, если он заключил трудовой договор с работодателем на соответствующих условиях, которые определены действующим трудовым законодательством и ведомственными правовыми актами. Работник – это

понятие сферы трудового права, обозначающее любое лицо, с которым заключён трудовой договор. Сотрудник – разговорное слово, которым в том числе обозначают тех людей, кто помогает организации на добровольных началах.

ЧВК, которые с формально юридической точки зрения не являются преступными, действуют в рамках современных международных охранных структур военного характера и оказывают услуги специфического характера. По своей сути они являются коммерческими организациями, предлагающие специализированные услуги, связанные с охраной и защитой кого-либо или чего-либо. К наиболее известным ЧВК специалисты относят: Academi (Blackwater), Asgaard German Security Group, G4S, MPRI International Inc., ЧВК РСБ-Групп (Русские системы безопасности) и др. [1]. Проект Федерального Закона «О частной военно-охранной деятельности» определяет ее как оказание на возмездной договорной основе военно-охранных работ и услуг юридическим и физическим лицам организациями, имеющими специальное разрешение (лицензию), а **работником** частной военно-охранной организации является физическое лицо, **заключившее трудовой договор с частной военно-охранной организацией** [2].

Деятельность таких структур весьма разнообразна и включает в себя: в сфере предоставления военных услуг, консультационная, логистическая, тем не менее какие бы различные функции в себе они не несли, в зонах боевых действий все зависит от обстановки и, предоставляя оборонительные услуги, в случае необходимости, сотрудники ЧВК будут вынуждены принимать участие в боевых операциях против вооруженных формирований, представляющих угрозу для охраняемого ими объекта. Не существует единого мнения касающегося вопроса, являются ли работники ЧВК наемниками и попадают ли под данное определение. Так, эксперты ООН по правам человека считают, что если сотрудник ЧВК участвует в боевых действиях, то он является наемником [3, с. 88 – 92].

В связи с этим следует согласиться с мнением российских исследователей Гребенкина Ф. Б. и Старовойтовой Д. А. о том, что «с точки зрения международного гуманитарного права возникает необходимость в определении правового статуса ЧВК и их персонала, который направляется в соответствующие горячие точки для работы по контракту. Главный вопрос – подпадают ли сотрудники ЧВК под гуманитарно-правовую категорию комбатантов, наемников, гражданских лиц или являются какой-либо особой категорией?» [4, с. 113 – 114]. Кроме этого для научной проработки представляет интерес какими правами и обязанностями наделены работники ЧВК, находясь при исполнении своих профессиональных функций и на территории иностранного государства?

Вместе с тем, как отмечает Секвишева Ю.В. на сегодняшний день существует ряд актов, затрагивающих вопросы правового регулирования деятельности ЧВК, например, «Документ Монтрё», Сараевский кодекс поведения ЧВОК или Кодекс поведения Международной ассоциации частных военных компаний (ISOA) и т.д. [5, с. 104 – 107]. В частности, 17 сентября 2008 года 17 государствами был согласован «Документ Монтрё» (далее – Рекомендации), который содержит правила и положения о практических методах в отношении ЧВОК, действующих в зонах вооруженных конфликтов. Этот документ стал итогом международного процесса, инициированного в 2006 году правительством Швейцарии и Международным комитетом Красного Креста и, к большому сожалению, носит абсолютно декларативный характер.

В соответствии с Рекомендациями устанавливается казуальный принцип определения статуса сотрудников ЧВОК (on a case by case basis т.е. в каждом конкретном случае). При этом четко определяется, что в случаях, когда работники ЧВОК действуют в составе вооруженных сил стороны, участвующей в конфликте, они не приравниваются к гражданским лицам. В иных же случаях они могут приравниваться по статусу к гражданским лицам, даже когда они самостоятельно участвуют в боевых действиях [6, с. 137].

Кроме этого, Рекомендации не ограничивают численность персонала ЧВОК на территории стороны конфликта, обосновывая это тем, что решения о количестве работников, направляемых в ту или иную страну, принимает руководство ЧВОК на основе контракта. Как представляется, осуществление контроля со стороны государства численности персонала ЧВОК на территории стороны в конфликте могло бы снять подозрения в том, что государства, заключающие контракт с ЧВОК, стремятся обеспечить себе скрытый боевой резерв или скрытое военное присутствие на территории соответствующего государства. Примером может служить ранее указанная G4S (Великобритания) численностью около 500 000 человек [1].

Неприемлемым также является весьма широкий спектр функций, которые могут быть поручены ЧВОК. По вполне обоснованному мнению Метелиной О.В. «подобного рода предприятиям не должны быть свойственны такие виды деятельности, как осуществление оперативной поддержки военных действий, допрос, охрана заключенных, конвоирование. И далее, как подчеркивает автор: «Коль скоро в большинстве случаев сотрудники ЧВОК по смыслу Рекомендаций будут считаться гражданскими лицами, кажется безосновательным предоставлять частным охранникам иммунитеты от уголовной юрисдикции государства, на территории которого они работают в случае

совершения ими уголовных преступлений в отношении мирного населения» [6, с. 137]. В свою очередь Винокуров А.Ю. приводит следующий пример: «Сотрудники частных военных компаний CACI и Titan (переименованы на L-3 Services) в 2004 г. наряду с представителями военной разведки и ЦРУ принимали непосредственное участие в пытках при проведении допросов бывших военнослужащих иракской армии в тюрьме Абу Грейб в Ираке» [7, с. 9]. Из приведенного примера возникает вполне логичный вопрос – при заключении контракта с работниками CACI или Titan были ли оговорены такие полномочия.

На основе анализа взглядов по данной проблематике ряда исследователей, предлагается выделить несколько значимых признаков сотрудников ЧВК:

1. От комбатантов их отличает, то, что они не входят в состав вооруженных сил какой-либо из сторон конфликта.

Не могут работники ЧВК являться и наемниками, так как наемником признается лицо, специально завербованное для того, чтобы участвовать в боевых действиях (п. а ст. 47 Дополнительного протокола I).

2. Основной задачей сотрудников ЧВК является обеспечение охраны отдельных лиц, объектов или имущества. В этой связи представляется нелогичным отнесение к гражданским лицам работников ЧВК, имеющих в своем распоряжении тяжелую военную технику.

3. Деятельность ЧВК должна быть регламентирована государством. По мнению Воробьева Е. Г. «служащие частных военных формирований находятся под контролем и управлением (прямым или косвенным) правительства в месте постоянного нахождения (резиденции) ЧВК» [8, с. 17]. И далее Воробьев Е.Г. подчеркивает что, в отличие от сотрудников ЧВК, наёмники «… чаще всего не придерживаются ни норм международного гуманитарного права, ни норм внутреннего государственного законодательства противоборствующих сторон». Например, в США любая частная военная компания подлежит обязательной государственной регистрации и осуществляет свою деятельность на основании специальной лицензии, выданной государственным органом власти, что, безусловно, выступает одной из форм контроля государства над деятельностью ЧВК. Однако, как указывает Воробьев Е.Г. «в отношениях с принимающей стороной военизированные формирования очень часто открыто подчиняются командованию регулярной армии, а значит, и правительству государства, на территории которого, согласно контракту, осуществляется их деятельность» [8, с. 18].

4. Также признаком отличия между наёмником и сотрудником ЧВК по мнению Михайленко А. Н. «может быть так, что ЧВК выполняет, по сути, наёмническую операцию, но заинтересованность самой компании в ней минимальна, а делает она это в интересах своего государства» [9, с. 93]. В некоторой степени можно не согласиться с мнением Михайленко А.Н. Любой участник боевых действий, когда дело дойдет до суда, может сослаться на то, что он воевал в интересах страны, не имея личной заинтересованности. Отделить наёмника от работника ЧВК в данном случае будет просто невозможно.

5. В процессе защиты объектов работники ЧВК находятся в состоянии необходимой обороны, а в процессе совершения военных действий, участия в вооруженном конфликте обе стороны могут нападать друг на друга и оборонятся. Полностью согласимся с мнением Гребенкина Ф. Б. о том, что «в отличие от наёмника, сотрудники ЧВК вправе причинять вред только в случае посягательства на их безопасность или на безопасность охраняемых ими объектов в целях правомерной защиты прав и законных интересов личности, общества и государства от общественно опасных деяний. То есть, на них в полной мере распространяются все условия правомерности причинения вреда при обороне, включая требования соразмерности, своевременности такого вреда, наличности и действительности посягательства и др. Наёмники, реализуя свою преступную деятельность, никакими рамками не ограничены» [4, с. 115 – 116].

Предложенная классификация отличительных признаков не является исчерпывающей. В свою очередь Гребенкин Ф. Б. предлагает следующие критерии отличий наемника от работника ЧВК:

1) оказание услуг за материальное вознаграждение;

2) как и наёмник, работник частной военной фирмы может не являться гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, или лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой государством, находящимся в конфликте;

3) сотрудники ЧВК могут работать по контракту, заключенному не только с государством, но и с отдельными физическими или юридическими лицами, что исключает выполнение ими официальных обязанностей на территории другой страны [4, с. 110 – 112].

Вести речь о фактическом участии работников ЧВК в вооруженном конфликте и военных действиях не представляется возможным. Вместе с тем, поддерживаем мнение Саврыги К. П., о том, что независимо от условий контракта сотрудники ЧВОК будут соответствовать критерию наёмника «… если независимо от того, предусматривают ли их обязанности охрану военного объекта или должностного лица, если они в

результате должны использовать силу против комбатантов противоположной стороны, а не лишь в целях самозащиты или охраны объекта от обычных преступников» [10].

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. Сазонова К. Л. актуализирует проблемы привлечения к ответственности заказчиков военно-охранных услуг и самих компаний за совершение последними неправомерных действий. Пробелы в международно-правовом регулировании статуса ЧВК позволяет субъектам международного права использовать их для собственных целей, не неся при этом практически никакой международной ответственности [11, с. 178].

Исходя из вышеизложенного можно сделать несколько выводов.

1. Глобализация мировых процессов, смещение ценностных ориентиров как в мире, так и в отдельно взятом государстве, трендовость применения информационно-коммуникационных технологий, гибридных средств и методов в вооруженных конфликтах представляет особую опасность для системы основополагающих принципов международного гуманитарного права.

2. Проблема международно-правового статуса работников ЧВК остается открытой, актуальной и неурегулированной не только на международном уровне. А именно: объем правосубъектности работника ЧВК, находящегося на территории иностранного государства, соотношение национального законодательства государства пребывания и статуса указанного работника за рубежом при исполнении им обязательств, предусмотренных контрактом, наличия или отсутствия двухсторонних соглашений по этим вопросам и т.д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Псы войны. Топ-10 ЧВК мира [Электронный ресурс]. URL: https://mensby.com/technology/guns/8216-dogs-of-war-private-military-company (дата обращения: 30.11.2020).

2. О частной военно-охранной деятельности : проект Федер. закона в ред., внесенной в ГД ФС РФ, по сост. на 14.03.2016, № 1016663-6 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

3. *Астапова А. А., Ворона А. А.* Правовое понятие наёмничества. Сравнительный анализ наемнической деятельности и частных военных компаний // Права человека: история, теория, практика: сб. науч. ст. 7 Всерос. науч.-прак. конф. / Юго-Западный гос. ун-т ; редкол.: В. В. Коровин (отв. ред.). Курск : ЮЗГУ, 2018. 229 с.

4. *Гребенкин Ф. Б., Старовойтова Д. А.* Соотношение статусов наёмника и сотрудника частной военной компании: вопросы правового регулирования и ответственности по Уголовному кодексу Российской Федерации // Военное право. 2016. № 3. С. 107–117.

5. *Секишева Ю. В.* К вопросу о разграничении правового положения частных военных компаний и наёмников // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права : сб. науч. ст. / Юго-Западный гос. ун-т : отв. ; редкол.: В. В. Коровин (отв. ред.). – Курск : ЮЗГУ, 2020. 142 с.

6. *Метелина О. В.* Вопрос статуса частных военных и охранных компаний. Документ Монтрё // Вестн. Чувашского ун-та. 2012. № 1. С. 136–138.

7. *Винокуров А. Ю. Окоча, В. А*. К вопросу о правовом регулировании деятельности частных военных охранных компаний // Вестн. военного права. 2019. № 1. С. 7–14.

8. *Воробьев Е. Г.* Правовой статус частных военных компаний в военном конфликте немеждународного характера: юридические ремарки к намерениям легализации частных военных компаний в Российской Федерации // Военно-юридический журн. 2015. № 7. С. 15–19.

9. *Михайленко А. Н.* Частные военные и охранные компании в России: быть или не быть? // Обозреватель. 2013. № 5. С. 90–99.

10. *Саврыга К. П.* Частные военные и охранные компании по международному праву [Электронный ресурс]. URL: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=5897 (дата обращения: 30.11.2020).

11. *Сазонова К. Л.* Ответственность государств и международных организаций в связи с деятельностью частных военных и охранных предприятий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 8. : в 2 ч. Ч. 1. С. 176–178.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КАМПАНИЙ (ЧВОК) И ОБОСНОВАНИЕ ИХ ОТНЕСЕНИЯ К КВАЗИ-СУБЪЕКТАМ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Меркушин В.В., к.ю.н., доцент

Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, Минск, 220030, Беларусь, valdshin@mail.ru

Правовой статус частных военных компаний недостаточно урегулирован как на международном, так и внутригосударственном уровне. В то же время отсутствие необходимой регламентации в данной сфере может порождать ряд проблем. С одной стороны, частные военные компании обладают степенью правовой независимости от военно-политической структуры государств, нередко выступают подрядчиками современных транснациональных корпораций. С другой же стороны, данные организации в определенных случаях могут быть востребованы со стороны террористических, экстремистских организаций, транснациональных преступных формирований. В этой связи настоящее исследование посвящено определению международно-правового статуса частных военных и охранных компаний. Автор приходит к выводу, что данных акторов следует относить к квази-субъектам транснациональной организованной преступности.

Ключевые слова: международно-правовой статус; частные военные и охранные компании; транснациональная организованная преступность.

SOME PROBLEMS OF THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF PRIVATE MILITARY AND SECURITY COMPANIES (PMSCS) AND THE RATIONALE TO CONSIDER THEM AS QUASI-SUBJECTS OF TRANSNATIONAL ORGANIZED CRIME

Dr. Merkushin V.V., Associate Professor

Belarusian State University,
8 Leningradskaya street, Minsk, 220030, Belarus, valdshin@mail.ru

The legal status of private military companies is insufficiently regulated both internationally and domestically. At the same time, the lack of the necessary regulation in this area can cause substantial problems. On one hand, private military companies have a certain degree of legal independence from the military-political structure of states, and often act as contractors of modern transnational corporations. On the other hand, in some cases terrorist, extremist organizations, transnational criminal groups can be interested in these organizations. In this regard, this study is devoted to determining the international legal status of private military and security companies. The author comes to the conclusion that these actors should be qualified as quasi-subjects of transnational organized crime.

Keywords: international legal status; private military and security companies; transnational organized crime.

В настоящее время в науке и нормотворческой практике международного гуманитарного и уголовного права актуализируются вопросы, связанные с урегулированием деятельности частных военных и охранных кампаний (далее – ЧВОК) [1].

Частные военные и охранные кампании относительно новый и еще формирующийся международно-правовой феномен, получивший значительную известность и практическую востребованность после распада биполярной системы международных отношений, окончания «холодной войны» и развития процессов глобализации и интеграции мирового сообщества. Их появлению также способствовало: изменение характера современных войн и конфликтов, зачастую идентифицируемых в качестве локальных («гибридных»), а также вынужденная необходимость отдельных государств и международных организаций для привлечения к участию в некоторых военных операциях, миротворческих миссиях и мероприятиях постконфликтного характера (по восстановлению социально-экономической инфраструктуры в различных

регионах мира, оказания помощи в обеспечении безопасности национальных политических институтов в посткризисных ситуациях).

Представляется, что окончательно неурегулированный правовой статус ЧВОК на международном уровне с одной стороны, и, как следствие, ограниченно и узко-направленно на внутригосударственном (исходя из определенных локальных военно-политических интересов), может представлять комплексную угрозу международной и национальной безопасности [2, с. 288-289]. Являясь в первую очередь коммерчески-ориентированными субъектами с определенной степенью правовой независимости от военно-политической стратегии государств, ЧВОК нередко выступают подрядчиками (контракторами) современных транснациональных корпораций, а в определенных случаях могут быть востребованы и со стороны террористических, экстремистских организаций и сообществ, оппозиционных групп и транснациональных преступных формирований мафиозного типа.

Следует отметить, что проблемы деятельности и определения правового статуса ЧВОК впервые и достаточно подробно стали изучаться в западной юридической и иной литературе (Coady C.A.J., Singer P.W., Gielink, Dirk; Maarten Buitenhuis, René Moelker, Sommer Mitchell, MacLeod, Sorcha, Moller D., и др.), в работах российский авторов – Небольсиной, М.А., Башкирова, Н., Коновалова, В.Н. Кулебякина , И.П., Логунова, А., Волеводза, А.Г., Кузнецовой, И.И., и др., и практически неразработанными остаются в белорусской юридической доктрине, а также военной и политической науке. Ощущается также недостаток специальных исследований и в рамках международного публичного права, особенно международного уголовного и международного гуманитарного отраслей его составляющих.

На сегодняшний день, в изучении феномена современных частных военных и охранных кампаний можно выделить два основных подхода, характеризующих их дуальную правовую сущность.

1) Частные военные и охранные кампании представляют собой современную практику исторической традиции такого военно-политического явления как – наемничество, признанного в настоящее время мировым сообществом аморальным и квалифицируемым в качестве международного преступления [3, p. 4];

2) Частные военные и охранные кампании – это своего рода автономный и в большинстве случаев корпоративный бизнес, de-facto интегрированный в международную коммерческую систему, de-jure урегулированный только на национальном уровне в ограниченном количестве стран и, как правило, оффшорных [4, p. 40].

Соответственно, при определенных общих чертах (война и отношения по поводу войны, а также корыстно-материальная заинтересованность), объединяющих ЧВОК и наемников особенно в период их участия в вооруженных конфликтах, тем не менее, между ними есть принципиальное отличие. ЧВОК хотя и не имеют четкого международно-правового статуса, вместе с тем это легитимные коммерческие структуры, с точки зрения корпоративного законодательства. Отсюда их коммерческая основа, в отличие от наемников, официально зарегистрированная, указывает на их законный статус. В то же время, распространенной политико-экономической претензией ко многим ЧВОК является их регистрация в оффшорных зонах [5, с. 50]. Последние, небезосновательно считаются «налоговым раем», местами сокрытия либо отмывания доходов, полученных преступным путем, и подпадают непосредственно уже под сферу действия международного и национального уголовного права.

По нашему мнению, современные ЧВОК, в первую очередь, хотя и с определенной долей условности, следует относить к одной из форм современной коммерческой деятельности корпоративного типа, по осуществлению работ и оказанию услуг в военно-охранной сфере, выполняющихся на основе аутсорсинга [6]. На сегодняшний день они являются весьма востребованными и доходными. В подтверждение данного тезиса, приведем следующие данные.

Так, с начала с конца XX начала XXI вв., деятельность ЧВОК из невысокого по рентабельности бизнеса по оказанию услуг в рамках военно-охранной деятельности с одной стороны, стала приобретать сверхдоходный характер, который по некоторым имеющимся оценкам существенно превышает 100 млрд. долл. США [7, с. 10]. С другой стороны отмечается мощное политическое ангажирование и государственное лоббирование развития и применения ЧВОК, в первую очередь, в региональных вооруженных конфликтах, которые нередко слишком сензитивны для исполнения государственными служащими или национальными вооруженными силами [5, с. 22]. А также при решении особо «деликатных» вопросов (например, поставки оружия одной из воюющих сторон), где демонстрация национальных интересов может привести к дестабилизации международных отношений. В настоящее время, до 90% всех заказов на их использование и применение идут от правительств и /или спецслужб. Недаром на сайте ЧВОК “Sandline International”, прекратившей свою деятельность 16 апреля 2004 г., причина прекращения была представлена следующим образом: «Причиной этого решения является общее отсутствие государственной поддержки частных военных компаний, желающих помочь положить

конец вооруженным конфликтам в таких местах, как Африка, при отсутствии эффективного международного вмешательства. Без такой поддержки способность Sandline изменить ситуацию к лучшему в странах, где широко распространены жестокость и геноцид, существенно снижается» [8].

По имеющейся информации, в мире официально зарегистрировано более 700 ЧВОК [9], в первую очередь в США (с 1997 г.) (около 50%) и Великобритании (с 2002 г.) (порядка 25%). Одними из самых известных ЧВОК являются: «Academi» (бывшая «Blackwater» (США)), «MPRI» (США), «DynCorp» (США), «Erinys» (США), «Kellog, Brown and Root» (США), «Groupe-EHC» (Франция), «KMS Ltd.» (Великобритания), «G4S» (Великобритания), «Triple Canapy Inc»., «Sandline International» (Великобритания), «Вагнер» (Россия), и пр.

Среди наиболее известных операций с участием ЧВОК можно назвать: участие «MPRI» в операции «Шторм» (Югославия, 1995 г.) [10]; участие «Academi» в операции «Несокрушимая свобода» (Афганистан, после 2001 г. и по наст. время) [11, p. 149] и др.; «KMS Ltd.» – поддержка никарагуанских «контрас» (1977 г.) [12, с. 63], и др.; «DynCorp» – участие в операции «Буря в пустыне» (1991 г.) [13]; «Sandline International» – подавление восстания на Папуа-Новой Гвинее (о. Бугенвиль) 1997 г., в Сьерра-Леоне компания принимала непосредственное участие в боях с повстанцами «Революционного объединенного фронта Сьерра-Леоне» 1998 г. (прекратила свое существование в 2004 г.) [14, с. 2]; «Kellog, Brown and Root» - участие в вооруженном конфликте в Южной Осетии (2008 г.) [15]; «Вагнер» - участие боевых действиях на Донбассе в 2014-2015 гг., в Сирии в 2017-2018 гг. [16], и пр.

На сегодняшний день специальных международно-правовых актов, регулирующих деятельность ЧВОК, пока не принято. Данную проблему отчасти (в рамках противодействия наемничеству) решают: Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (г. Гаага в 1907 г.) [17], Женевская конвенция об обращении с военнопленными (г. Женева 12.08.1949 г.) [18], Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) [19], Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) [20], Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 04.12.1989 г. [21].

Факт отнесения сотрудников ЧВОК к составной части вооруженных сил стороны, принимающей участие в конфликте (комбатантам), основывается на Разделе 2 (Статус комбатантов и военнопленных) ст. 43 и

ст. 47 Дополнительного Протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (далее - Протокол I). Ст. 43 (Вооруженные силы) Протокола I устанавливает признаки, на основании которых то или иное вооруженное объединение лиц (организация) может рассматриваться как составная часть вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте. При этом ст. 47 (Наемники) Протокола I, содержит перечень оснований, в соответствии с которыми можно определить относится ли лицо, участвующее в вооруженном конфликте, к числу наемников. Так, согласно положениям данной статьи, наемник – это любое лицо, которое: 1) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; 2) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях; 3) принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; 4) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; 5) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; 6) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил [19].

Проецируя положения данных документов на сотрудников ЧВОК, в целях признания их статуса комбатанта, необходимо одновременное соблюдение двух условий:

1) заключение между соответствующим государством и ЧВОК специального соглашения (контракта),

2) информирование данным государством об этом соглашении других сторон в конфликте о том, что сотрудники ЧВОК приравниваются к личному составу вооруженных сил, участвующих в конфликте.

Важно отметить, что официальные, но засекреченные соглашения с полувоенными организациями для участия в боевых действиях (в частности, из соображений национальной безопасности), противоречат ч. 3 ст. 43 Протокола I и не могут признаваться законными. Также не признаются законными действия сотрудников ЧВОК, если они принимают участие в вооруженном конфликте, а в заключенном соглашении с соответствующим государством обозначены иные цели и задачи (например, консультирование и подготовка военнослужащих

регулярной армии, охрана объектов, и пр.). В этом случае они не имеют официального статуса комбатанта.

Как показывает практика, государства-наниматели и de-facto и de-jure стараются не афишировать своих связей с ЧВОК, что, по сути, помещает сотрудников ЧВОК в т.н. «серую зону» - в плане ответственности и в части информационной доступности и объективности о своей деятельности [22, с. 12]. Т.е. исходя из положений ст. 43 Протокола I они не относятся к регулярным вооруженным силам государства-нанимателя.

С другой стороны – их отнесение с правовой точки зрения к наемникам представляется достаточно проблематичным, т.к. перечень признаков наемника, содержащийся в ч. 2 ст. 47 Протокола I, должен применяться в совокупности, а отсутствие любого из них не позволяет квалифицировать участие сотрудника ЧВОК в военных действиях как наемничество. При этом ни место регистрации ЧВОК как юридического лица, ни личное гражданство сотрудников кампании, не имеют значения для квалификаций действий ЧВОК как наемничество, и это исключает применение пункта «d» ч. 2 ст. 47 Протокола I. Однако не исключает возможности релятивного применение норм национального уголовного права, в частности, в превентивных целях и реализации принципа неотвратимости наказания. В частности, Уголовный кодекс Республики Беларусь, наряду со специальными статьями ст. 132 (Вербовка, обучение, финансирование и использование наемников) и ст. 133 (Наемничество), устанавливает уголовную ответственность за создание незаконного вооруженного формирования (ст. 287), массовые беспорядки (ст. 293), незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст. 295) [23], и др. В последнем случае может быть оправдано и применение ст. 5 (Криминализация) и ст. 15 (Брокеры и брокерские операции) Протокола против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., подписанного Республикой Беларусь в 2004 г. [24]

Специальная попытка урегулирования правового статуса ЧВОК и их персонала в период вооруженных конфликтов, была предпринята по инициативе правительства Швейцарии и Международного Комитета Красного Креста в рамках ряда межправительственных совещаний экспертов. По итогам совещаний экспертов был разработан и согласован 17 государствами Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в

период вооруженного конфликта от 17 сентября 2008 г. (далее – «Документ Монтрё») [25].

В целом характеризуя указанный документ, можно утверждать, что он, по сути, не решил проблему международно-правового статуса ЧВОК, поскольку носит исключительно рекомендательный характер, а вопросами его согласования озаботилось только 17 государств. Кроме того, не в пользу применения ЧВОК в вооруженных конфликтах свидетельствует, например, закрепленная в «Документе Монтрё» рекомендация не подряжать их «для осуществления деятельности, которую международное гуманитарное право в явно выраженной форме вменяет в обязанность государственному агенту или органу власти, например, выполнение функций должностного лица, отвечающего за лагеря военнопленных или интернированных гражданских лиц в соответствии с Женевскими конвенциями» (Часть 2 п. A(2)). Однако известны случаи использования частных военных компаний международными организациями, как например, ЧВОК «DynCorp» была в свое время подрядчиком ООН в гуманитарных миссиях в Сомали и Гаити в 1992 и 1994 годах соответственно [14, с. 3].

Вместе с тем, оценивая принятие «Документа Монтрё» как первое в своем роде и прогрессивное юридическое действие, направленное на минимизацию нарушений норм международного гуманитарного права в период вооруженных конфликтов со стороны ЧВОК, представляется необходимым констатировать необходимость дальнейших специализированных доктринальных исследований и развития международной правотворческой практики в данной сфере. Однако высказываются неофициальные, но обоснованные мнения, что негласная основа «Документ Монтрё» - это выведение ЧВОК из-под государственного контроля и образование своего рода автономных от национальных юрисдикций «международных вооруженных сил», подотчетных особому наднациональному координационному органу.

Среди документов, призванных регулировать деятельность ЧВОК на международном уровне, стоит упомянуть также Международный кодекс поведения частных военных и охранных кампаний – International Code of Conduct for Private Security Service Providers (ICoC) (далее – Кодекс) [26], принятый 9 ноября 2010 г. и получивший неоднозначную оценку специалистов. Определяя своей целью установление общих принципов организации и деятельности для ЧВОК, в частности, в отношении международного гуманитарного права и права прав человек, он не является юридически обязательным для кампаний, его подписавших. Даже не смотря на то, что ООН требует его подписания в качестве обязательного требования для найма ЧВОК агентствами ООН

[27]. Одними из основных тезисов критики в адрес Кодекса является его использование для «ребрендинга и легитимации отрасли ЧВОК» [28, p. 6] и возможность уклонения государствам от своих собственных обязательств по защите прав человека [29].

Кроме того, предлагаемая Кодексом практика создания глобальной базы данных по ЧВОК (их сотрудникам, бывшим и действующим), открытой всем заинтересованным лицам и органам, представляет, на наш взгляд, определенного рода «серый информационный ресурс», для возможности обращения заказчиков (особенно с криминальной историей) к привлечению ЧВОК, особенно к противоправным сферам деятельности. Есть основания для скептицизма и о роли Ассоциации Международного Кодекса поведения ЧВОК – The International Code of Conduct for Private Security Providers' Association (ICoCA) (далее – Ассоциация) как независимом внешнем механизме для осуществления управления и контроля над ЧВОК.

Сомнения вызывают, во-первых, механизм самофинансирования Ассоциации за счет составляющих ее ЧВОК, что заведомо определяет протекционистское отношение к ним со стороны руководства Ассоциации. Во-вторых, контролируемая процедура внутреннего мониторинга Ассоциации позволит ряду крупных ЧВОК легитимизировать свою деятельность в некоторых сферах (например, по сбору персональных данных за счет взаимодействия с должностными лицами и спецслужбами отдельных государств, а также реализацию процедуры по подаче жалоб на ЧВОК, нарушивших положения Ассоциации и сохранять информацию о каждом случае поданной жалобы) и тем самым повысить свою конкурентоспособность. В-третьих, тенденция на увеличение транспарентности (открытости, прозрачности) получаемой информации о кандидатах в ЧВОК (особенно, что касается их прошлой профессиональной и иной деятельности).

Заслуживает также внимания деятельность Рабочей Группы ООН, учрежденной Резолюцией 2005/2 от 07.04.2005 г. Комиссии ООН по правам человека в рамках проекта Конвенции по урегулировании деятельности частных военных и охранных кампаний [30]. А именно, проект Конвенции определяет ЧВОК как «корпоративные образования, предоставляющие на компенсационной основе военные и/или охранные услуги, обеспечиваемые физическими или юридическими лицами».

Статьи 19-23 проекта Конвенции формулируют четыре основных признака ЧВОК: 1) преимущественно коммерческий характер деятельности, 2) военный, охранный или консультативный характер услуг, 3) ответственность за деятельность ЧВОК должна возлагаться как на сами ЧВОК, так и на их заказчиков, 4) обеспечение контроля с

помощью международно-правовых механизмов соблюдения ЧВОК корпоративного законодательства и принципов и норм в области прав человека. Отсюда представляется прогрессивной и обоснованной установление статьей 21 проекта Конвенции универсальной юрисдикции государств в отношении лиц, совершивших преступления в рамках деятельности ЧВОК.

В этой связи следует предположить, что наибольшие изменения ожидают национальные уголовные законодательства государств (в том числе и Республики Беларусь), которые должны будут принять конкретные меры правового и иного характера для установления своей юрисдикции в отношении преступлений, совершенных сотрудниками ЧВОК в процессе выполнения ими своих профессиональных обязанностей, и обеспечить применение подсудности в отношении таких преступлений, как судам страны гражданства правонарушителя, так и судам страны, на территории которой он совершил свое противоправное деяние. Такая практика в сочетании с налаженными национальными и международными процедурами выдачи преступников и передачи уголовного производства из одного государства в другое могла бы существенно повлиять на сокращение границ зоны «судебного иммунитета» сотрудников ЧВОК, имеющей широкие границы распространения, особенно в практике современных вооруженных конфликтов [31].

Таким образом, исходя из специфики деятельности ЧВОК и недостаточной международно-правовой урегулированности их статуса, вполне объяснима иная сторона их инструментальности [32, p. 15]. Т.е. объективная возможность использование их услуг террористическими и экстремистскими организациями (группировками), иностранными государствами в вооруженных конфликтах и оппозиционными группами, а также признание в качестве самостоятельных квази-субъектов (акторов) [33, с. 125] в системе транснациональных преступных формирований в различных сферах криминального бизнеса [34, p. 102] (как правило, в форме соучастия).

Последняя позиция, на наш взгляд, является более востребованной, существенно доходной и, как правило, менее опасной и публичной (латентной) (исходя из степени личного участия и нежелания заказчика демонстрировать их присутствие). Однако имеющиеся данные по этой стороне деятельности ЧОВК не достаточно систематизированы, объективно требуют дополнительных уточнений и дальнейшего комплексного изучения.

Вместе с тем, в подтверждение данного тезиса, можно привести следующую информацию, характеризующую теневую (криминальную)

сторону современных ЧВОК. Так, например, ЧВОК «Academi» (США) (ранее - «Blackwater»), неоднократно подозревалась в контрабанде оружия [35] и оказывалась в центре внимания в связи с несанкционированным применением оружия и убийством людей. Самый известный случай 16 сентября 2007 г., когда на площади Нисур в Багдаде в результате беспорядочной стрельбы, открытой сотрудниками «Blackwater», погибли 17 и пострадали 20 иракских мирных жителей [36].

Другим примером может послужить деятельность Military Professional Resources Incorporated (MPRI) (США) в подготовке албанской военизированной организации «Армия освобождения Косова», которая была отмечена в связях с Аль-Каидой ещё в конце 1990-х [37] и неоднократно обосновано подозревалась в торговле человеческими органами [38]. Персонально MPRI обвинялась в участии в геноциде сербов на территории Хорватии в 1995 году в ходе операции «Шторм» [39].

Не осталась в стороне от сферы преступного бизнеса и связях с организованной преступностью еще одна американская кампания «DynCorp» (США). Известен факт ее аудиторской проверки от Правительства США на основании доклада Специального генерального инспектора по восстановлению Ирака (SIGIR) в связи с нецелевым использованием 2,5 млрд. долл. В данном Докладе прямо указывалось на явную непрозрачность финансовых операций, на сумму 188 миллионов долларов по закупке оружия и строительству помещений для иракской полиции, что вызвало необходимость расследования о фактах мошенничества [40]. Кроме того, кампания «DynCorp» становилась объектом крупного скандала и последующего расследования, связанного с торговлей людьми и организацией проституции несовершеннолетних [41], а также обвинялась в совершении серьезных экологических правонарушений на юге Колумбии в связи с мероприятиями по опрыскиванию фермерских полей гербицидами с воздуха [42].

Таким образом, характеризуя современные ЧВОК, можно констатировать, что в большинстве случаев, это специализированная коммерческая деятельность (бизнес) по оказанию определенного рода услуг (легальных и нелегальных) в военной, охранной и смежных с ними сферах, различным заинтересованным субъектам, особенно – государствам, правительствам, международным организациям (правительственным и неправительственным), транснациональным корпорациям и отдельным физическим лицам, а также (адресно-латентно) - террористическим организациям, экстремистским группировкам и транснациональным преступным сообществам.

Многовекторность деятельности современных ЧВОК, обусловленная отсутствием единого и общепризнанного международно-правового урегулирования их статуса, замедляет, а, в отдельных случаях, нивелирует, прогрессивность национальных законодательств в данной области. Оценивая в качестве позитивной, разработку и принятие группой правительственных экспертов США и Швейцарии («Швейцарской инициативой») Международного Кодекса поведения ЧВОК, отметим пока еще рекомендательный характер данного документа. Ожидается, что в дальнейшем, в ходе доработки, совершенствования и согласования позиций государств, он приобретет общеобязательный характер, особенно по вопросам ответственности государств, границ действия национальных юрисдикций, возможности применения санкций в отношении сотрудников ЧВОК, способствовавших нарушению либо нарушивших нормы международного гуманитарного и уголовного права.

Ожидаемая функциональность национальных законодательств в конкретизации статуса ЧВОК на национальном уровне и возможности вести конструктивные международные дискуссии, должны основываться на определенных механизмах государственного учета и лицензирования ЧВОК, а также динамичной адаптацией легитимного статуса ЧВОК к изменяющимся международным отношениям и, особенно, в условиях перманентно проявляющихся глобальных воздействий и ограничений прав человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Письмо Постоянного представителя Швейцарии при Организации Объединенных Наций от 2 октября 2008 года на имя Генерального секретаря // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. 2008. URL: https://undocs.org/ru/A/63/467 (дата доступа: 20.12.2020).
2. *Небольсина М. А.* Частные военные и охранные кампании в Ираке и Афганистане: аспекты деятельности и механизмы контроля // Ежегодник ИМИ. 2012. С. 288–307.
3. *Coady C.A.J.* Mercenary Morality // International Law and Armed Conflict. ARSP. Beiheft. 1992. № 46. 64 p.
4. *Singer P. W.* Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. N.Y. : Cornell University Press, 2007. 351 p.
5. *Небольсина М. А.* Регулирование деятельности частных военных и охранных кампаний: сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав : дисс. … канд. полит. наук : 23.00.04 / МГИМО. М., 2016. 248 с.
6. *Overby S.* What is outsourcing? Definitions, best practices, challenges and advice [Electronic resource]. URL : https://www.cio.com/article/2439495/outsourcing-outsourcing-definition-and-solutions.html (accessed: 15.12.2020).
7. *Башкиров Н.* Международно-правовые аспекты использования частных военных компаний // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 8. С. 10–18.

8. Sandline International [Electronic resource]. URL : http://www.sandline.com/ (accessed: 15.12.2020).

9. Geneva Academy [Electronic resource]. URL : https://www.geneva-academy.ch/ (accessed: 15.12.2020).

10. *Clover Ch.* US military trained Georgian commandos // The Financial Times [Electronic resource]. 2008. URL : https://www.ft.com/content/bdffd9a6-7b71-11dd-b839-000077b07658 (accessed: 15.12.2020).

11. *Gielink D., Buitenhuis M., Moelker R.* No Contractors on the Battlefield: The Dutch Military's Reluctance to Outsource // Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects. VS Verlag, 2007. P. 149-165.

12. *Коновалов И. П.* Солдаты удачи и воины корпораций: История современного наёмничества. – Пушкино : Центр стратегической конъюнктуры, 2015. 216 с.

13. DynCorp [Electronic resource]. URL : http://pmcjournal.com (accessed: 15.12.2020).

14. *Логунов А.* Зарубежные негосударственные субъекты военно-политических отношений в XXI веке // Зарубежное военное обозрение. 2006. № 3 (708). С. 2–11.

15. *Heikkila P., Veyret J.* Camp Bastion: Afghans at British base beg for protection // The Guardian [Electronic resource] .2008. URL : https://www.theguardian.com/world/2008/aug/12/afghanistan.military (accessed: 15.12.2020).

16. Частные военные компании: история и современность. ЧВК России // Военный обзор [Электронный ресурс]. 2019. URL: https://militaryarms.ru/armii-mira/chastnie-voennie-kompanii (дата доступа: 20.12.2020).

17. Действующее международное право : учебное пособие : в 3 т. / Ю. М. Колосов [и др.] ; под ред. Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой. Т. 2. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 575–587.

18. Действующее международное право : учебное пособие : в 3 т. / Ю. М. Колосов [и др.] ; под ред. Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой. Т. 2. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 634–681.

19. Действующее международное право : учебное пособие : в 3 т. / Ю. М. Колосов [и др.] ; под ред. Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой. Т. 2. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 731–792.

20. Действующее международное право : учебное пособие : в 3 т. / Ю. М. Колосов [и др.] ; под ред. Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой. Т. 2. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 793–803.

21. Действующее международное право : учебное пособие : в 3 т. / Ю. М. Колосов [и др.] ; под ред. Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой. Т. 2. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 812–819.

22. *Волеводз А. Г.* О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 12–17.

23. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

24. О присоединении Республики Беларусь к Протоколу против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющему Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности : Закон Респ. Беларусь от 4 авг. 2004 г. № 312-З // Нац. реестр правов. актов Респ. Беларусь. 2015. № 123. 2/1061.

25. Письмо Постоянного представителя Швейцарии при Организации Объединенных Наций от 2 октября 2008 года на имя Генерального секретаря // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. 2008. URL: https://undocs.org/ru/A/63/467 (дата доступа: 20.12.2020).

26. International Code of Conduct for Private Security Service Provider // Federal Department of Foreign Affairs FDFA [Electronic resource]. URL : https://www.eda.admin.ch/eda/en/home/foreign-policy/international-law/international-humanitarian-law/private-military-security-companies/international-code-conduct.html (accessed: 15.12.2020).

27. Guidelines on the Use of Armed Security Services from Private Security Companies // United Nations Security Management System Security Management Operations Manual [Electronic resource]. 2012. URL : http://psm.du.edu/media/documents/international_regulation/united_nations/internal_controls/un_unsms-operation-manual_guidance-on-using-pmsc_2012.PDF (accessed: 15.12.2020).

28. *Mitchell S.* Becoming Legitimate: How PMSCs are Seeking Legitimacy in the International System. University of South Florida Scholar Commons. 2018. 149 p.

29. *MacLeod S.* Private Security Companies and Shared Responsibility // SpringerLink : The Netherlands International Law Review [Electronic resource]. URL : https://link.springer.com/article/10.1007/s40802-015-0017-y/. (accessed: 15.12.2020).

30. Эксперты ООН завершают работу над проектом конвенции о частных военных компаниях, экспортирующих свои услуги за границу // Новости ООН [Электронный ресурс]. 2010. URL: https://news.un.org/ru/story/2010/04/1161711 (дата доступа: 20.12.2020).

31. *Волеводз А. Г.* О формировании международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний и участии в нем России [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/209911/?sphrase_id=29043507. (дата доступа: 20.12.2020).

32. *Moller D.* Privatization of conflict, security and war // Danish Institute for International Studies. 2005. 41 p.

33. *Кузнецов И. И.* Транснациональные отношения в системе государств: партнерство или новый виток соперничества? // Межгосударственные и внутригосударственные конфликты: предотвращение, урегулирование и постконфликтная реабилитация : Альманах Космополис. М., 1999. С. 122–127.

34. *Mandel R.* Armies Without States: The Privatization of Security. – London : Lynne Reinner Publishers, 2002. 169 p.

35. *Pilkington, Ed.* Blackwater staff 'violated weapons law // The Guardian [Electronic resource]. 2010. URL : https://www.theguardian.com/world/2010/apr/17/blackwater-weapons-iraq-legal-charges (accessed: 15.12.2020).

36. *August O.* Iraqis speak of random killings committed by private Blackwater guards // The Times of London [Electronic resource]. 2009. URL :

https://williambowles.info/2009/08/07/iraqis-speak-of-random-killings-committed-by-private-blackwater-guards/ (accessed: 15.12.2020).

37. *Moran M.* Terrorist Groups and Political Legitimacy // Council on Foreign Relations [Electronic resource]. 2006. URL : https://www.cfr.org/backgrounder/terrorist-groups-and-political-legitimacy (accessed: 15.12.2020).

38. Сербия нашла свидетеля торговли органами в Косово // Lenta.ru [Электронный ресурс]. 2012. URL: https://lenta.ru/news/2012/09/09/organic/. (дата доступа: 20.12.2020).

39. Сербская община США подала иск к частной компании за геноцид сербов // РАПСИ [Электронный ресурс]. 2012. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20120907/264605544.html. (дата доступа: 20.12.2020).

40. *Glanz J.* U.S. Agency Finds New Waste and Fraud in Iraqi Rebuilding Projects // The New York Times [Electronic resource]. 2007. URL : https://www.nytimes.com/2007/02/01/world/middleeast/01reconstruction.html (accessed: 15.12.2020).

41. *Heikkila P., Veyret J.* Camp Bastion: Afghans at British base beg for protection // The Guardian [Electronic resource] .2008. URL : https://www.theguardian.com/world/2008/aug/12/afghanistan.military (accessed: 15.12.2020).

42. *Bolkovac K.* The Whistleblower: Sex Trafficking, Military Contractors And One Woman's Fight For Justice // The Guardian [Electronic resource]. 2011. URL : https://www.amazon.com/Whistleblower-Trafficking-Military-Contractors-Justice/dp/0230115225 (accessed: 15.12.2020).

43. Plaintiffs to Appeal Dismissal of 'Plan Colombia' Lawsuit Against DynCorp // The BLT: The Blog of Legal Times [Electronic resource]. 2014. URL : https://legaltimes.typepad.com/blt/2013/03/plaintiffs-to-appeal-dismissal-of-plan-colombia-lawsuit-against-dyncorp-1.html (accessed: 15.12.2020).

ОСНОВНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА: РАЗВИТИЕ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Перепелица Е.В., к.ю.н., доцент

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, perepelinka@gmail.com

В статье рассматриваются теоретические вопросы генезиса основных информационных прав и свобод человека – права на информацию и свободы доступа к информации – и их развития в современном, «сетевом» обществе. Автор прослеживает соотнесенность информационных прав со свободой убеждений, свободой придерживаться своего мнения и его выражения. Право на информацию представлено в международном и национальном дискурсе. Показаны трансформации информационных прав и свобод, происходящие в контексте коммуникационной революции. Обосновывается, что мир сетевого общества требует новых подходов к нормативному регулированию и права на информацию, и права на доступ к

информации, а также качественно-новых правовых режимов. Уделено внимание такой важной коннотации доступности информации, как транспарентость данных и сведений, находящихся в распоряжении органов публичной власти, и ключевой роли информационных прав в общей системе прав и свобод человека.

Ключевые слова: сетевое общества; основные права; транспарентность информации; право на доступ к информации; цифровое равенство.

BASIC INFORMATION RIGHTS AND HUMAN FREEDOMS: DEVELOPMENT IN A NETWORK SOCIETY

Dr. Perepelitsa E.V., Associate Professor

National Center for Legal Information of the Republic of Belarus,
1a Berson Street, 220030, Minsk, Republic of Belarus, perepelinka@gmail.com

The article deals with theoretical issues of the genesis of fundamental human rights and freedoms – information and freedom of access to information – and their development in a modern, «network» society. The author traces the correlation of information rights with freedom of belief, freedom to adhere to one's opinion and its expression. The right to information is presented in international and national discourse. The transformations of information rights and freedoms taking place in the context of the communication revolution are shown. It is substantiated that the world of a networked society requires new approaches to normative regulation and the right to information, and the right to access information, as well as qualitatively new legal regimes. Attention is paid to such an important connotation of the availability of information as the transparency of data and information held by public authorities, and the key role of information rights in the general system of human rights and freedoms..

Keywords: networked society; fundamental rights; information transparency; the right to access information; digital equality.

Основные информационные права и свободы человека – право на информацию и право на доступ к информации – находят закрепление на международном и национальном уровне. Первое из них – право на информацию – возникло задолго до формирования сетевого общества и цифровизации как составляющих нынешнего этапа цивилизационного развития.

Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в 1946 г., «свобода информации является фундаментальным правом человека и критерием всех остальных свобод, которым посвящена деятельность Организации Объединенных Наций» [1]. В указанной, как и во всех последующих резолюциях ООН, под свободой информации понимается право повсеместно и беспрепятственно передавать, опубликовывать информационные сведения во имя мира и мирового прогресса. При этом ведущим принципом свободы информации является

обязанность стремиться к выявлению объективных фактов и к распространению информации без злостных намерений.

Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. право на информацию получило закрепление в контексте права на свободу мнения. Согласно ст. 19 декларации, каждый человек имеет право на свободу убеждений и на их свободное выражение, это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ [2, с. 40]. Первоначально право на информацию рассматривалось как производное права на свободу выражения мнения. Постепенно оно приобрело самостоятельность и выделилось в отдельную категорию прав. В соответствии со ст. 19 Международного пакта «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 года каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений и свободно выражать их. Это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати, или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору [3].

Право на информацию гарантировано различными документами ОБСЕ, включая Заключительный акт общеевропейского совещания в Хельсинки, Заключительный документ копенгагенского совещания Конференции ОБСЕ по человеческом измерению, Парижскую хартию, согласованную в 1990 году.

Право на информацию претерпело важные изменения в аспекте глобализации, которая существенно повысила ценность информации как стратегического ресурса. Не теряя связи с фундаментальным правом на свободное выражение мнения, право на информацию стало сопрягаться со свободой доступа к информационным технологиям и глобальному информационному пространству, защитой личной и иной конфиденциальной информации. Будучи одним из правомочий родового права на информацию, в обособленную группу стало переходить право на доступ к информации.

Серьезная трансформация состоит в том, что «субъективное право на информацию из права ”третьего“ поколения последовательно перемещается по значимости в разряд первостепенных и неотъемлемых» [4, с. 57]. В течение XX века утвердилось не только само право на информацию, но и его защита. Статья 10 Конвенции Совета Европы 1950 года «О защите прав человека и основных свобод» указывает, что каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение [5]. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и

распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Уже в начале 2000-х годов Комитет министров Совета Европы принял рекомендации по вопросам использования правовых информационных систем, предоставления судами информации и других правовых услуг гражданам с помощью информационных технологий. Также была предусмотрена обязанность государства обеспечить доступ к правовой информации в электронной форме, в том числе, с использованием Всемирной компьютерной сети Интернет.

На международном уровне получает закрепление право на доступ к конкретным видам информации. Подтверждающим примером служит Орхусская конвенция, предусматривающая: участие общественности в процессе принятия решений; доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды; обеспечение открытости экологической информации.

Во многих современных юрисдикциях право на доступ к официальной, правительственной информации рассматривается как право на информацию. Данное право регламентируется в качестве одного из основных элементов демократического механизма государства. «Специальное законодательство о доступе граждан, должностных лиц, общественных организаций к информации принято в Великобритании, США, Германии, Швейцарии, Франции» [6, с. 83]. С учетом специфики регулирования информационных отношений в области предоставления массовой и официальной информации соответствующие акты выделяются в отдельный блок.

В Республике Беларусь право на информацию имеет конституционное и отраслевое закрепление. Своим вхождением в Основной закон это право обязано Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международному биллю о правах человека. Согласно ст. 33 Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободно выражение. Никто не может быть принужден к выражению своих убеждений или отказу от них. В силу ч. 1 ст. 34 Конституции под правом на информацию понимается право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Праву на информацию корреспондирует обязанность государственных органов, общественных объединений, должностных лиц предоставлять гражданам возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими их права и законные интересы. Конституционно определена возможность

законодательного ограничения пользования информацией в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав.

В белорусской Конституции закреплено именно право на информацию, тогда как право на доступ к информации не имеет подобного закрепления, хотя и подразумевается в качестве одного из правомочий права на информацию. Как представляется, право человека на информацию следует расценивать как юридическую гарантию возможностей свободно искать, получать, передавать, производить и распространять любым законным способом информацию общественно значимого характера о любых процессах и явлениях объективной действительности, а право доступ к информации – как необходимый канал, через который реализуются фактически все правомочия, входящие в содержание права на информацию.

В связи с коммуникационной революцией основные информационные права человека получают новые коннотации. Сетевое общество знаменует переход от механических и электрических средств преобразования информации к электронным средствам, создание программно-управляемых устройств и процессов, расцвет информационно-коммуникационных технологий. «На первый план выдвигается новая отрасль – информационная индустрия, связанная с производством технических средств, методов, технологий для распространения новых знаний» [7, с. 18].

Вследствие изменений, которые претерпевают общественные отношения, право на информацию приобретает значение «комплексного правового образования, входящего в структуру отношений охраны прав и свобод человека и систему устройства государства и государственной власти» [8, с. 18]. Вслед за изменением права на информацию меняется содержание права на доступ к информации, что обусловлено растущими информационными потребностями государственных и общественных акторов, изменением традиционного формата их коммуникации. «Информационные технологии являются одновременно и вызовом правам человека, и их спасительным кругом. Вызовом – потому, что возникают большие проблемы в юрисдикциях в таких случаях, как призыв к расовой вражде, который возможен через интернет. Спасительным кругом – потому, что информация о правах человека никогда еще не была столь доступной для миллионов людей» [9, с. 302]. В условиях высокого уровня развития и интенсивного использования коммуникационных технологий рассматриваемые права приобретают «не только характер индивидуальной свободы в информационном обществе, но и качество

принципа информационной открытости в деятельности государства» [10, с. 30].

В сетевом обществе закономерно меняются походы к нормативному регулированию и права на информацию, и права на доступ к информации. Причины таких трансформаций в том, что деловая активность перетекает из прочих сфер в информационное медиапространство, становящееся точкой притяжения. Сетевое общество связано с производством и использованием информации при помощи интеллектуальных технологий, базирующихся на компьютерной обработке информации. «Возникающее новое общество вносит изменения в само ядро существовавшей до сих пор структуры и инициирует новый способ производства. Информационная экономика, специфическое звено которой – процесс создания и обработки информации, коренным образом изменяет отношение к знаниям» [11, с. 34].

В новых условиях складывается тенденция прямого законодательного закрепления принципа транспарентности информации, состоящего в обязанности органов публичной власти раскрывать для граждан не только прямо предусмотренные законом сведения, но и любые общедоступные данные, находящиеся в распоряжении соответствующих органов и относящиеся к их деятельности. Конвенция Совета Европы о доступе к официальным документам в ст. 10 предписывает органам власти по собственной инициативе и в тех случаях, когда это оправдано, принимать необходимые меры по опубликованию официальных документов, которыми они располагают, в интересах повышения открытости и эффективности органов управления и содействия информированному вовлечению населения в дела, представляющие общий интерес.

В сетевом обществе право на доступ к информации связывается с понятием цифрового равенства, оцениваемого по таким критериям, как доступность технических средств, равенство навыков использования информационных технологий, равенство в способах и целях использования информационных технологий. При этом для одной части граждан закономерно создаются преимущества в реализации их прав и свобод, тогда как для другой – напротив, серьезные препятствия.

Переход к сетевому обществу невозможен без создания информационной инфраструктуры и гибких правовых режимов. В этой связи ключевую роль играет обеспечение свободного доступа к информации. Информация в широком понимании и социально значимая информация представляют собой обязательный элемент реализации любых возможностей человека. Ориентация на общество, называемое сетевым, требует выработки релевантных подходов к правовой

регламентации как права на информацию, так и права на доступ к информации.

Право доступа к информации становится одним из центральных в правовом регулировании информационных отношений. Данное право приобретает системообразующую роль, оно распространяет свое влияние практически на все иные права и свободы человека, поскольку последние могут быть реализованы не иначе как через порог доступа к информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Организация Объединенных Наций. Шестьдесят пятое пленарное заседание, 14 декабря 1946 года [Электронный ресурс]. 1946. URL: http://daccess-ods.n.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=A/RES/59(I)&Lang=R&Area=RESOLUTION (дата доступа: 30.11.2020).
2. Всеобщая декларация прав человека : принята 10.12.1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Международная защита прав человека : пер. с англ. Минск : Юнипак, 2013. С. 38–45.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят на XXI сес. Генер. Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1976. – № 17.
4. *Гавришов Д. В., Мархгейм М. В.* Право на информацию: конституционные версии стран СНГ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 10. С. 54–58.
5. Европейская конвенция по правам человека измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14 в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12, 13 и 16 // Совет Европы [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата доступа: 19.12.2020).
6. *Чубукова С. Г., Рассолов И. М.* Общая характеристика отдельных видов информационных правоотношений // Информационные правоотношения: теоретические аспекты : коллективная монография ; под ред. И. М. Рассолова. М. : Проспект, 2017. С. 80–204.
7. Правовая информатика : учебник и практикум для прикладного бакалавриата / С. Г. Чубукова (отв. ред.). 3-е изд. М. : Издательство Юрайт, 2018. 314 с.
8. *Тарасов, А. М.* Электронное правительство: понятие и система // Право и кибербезопасность. 2013. № 2. С. 10–21.
9. Международная защита прав человека : пер. с англ. Минск : Юнипак, 2013. 385 с.
10. *Алексеева, М. В.* К вопросу о возможностях реализации права на доступ к информации в современных российских условиях // Современное общество и право. 2012. № 3. С. 29–36.
11. *Бехманн, Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010. 248 с.

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ ЖУРНАЛИСТА И БЛОГЕРА В РАЙОНАХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Сухопаров В.П.

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье проведен анализ соотношения статуса блогера и журналиста в период вооруженных конфликтов на основе положений международного гуманитарного права. Выделены отличия статуса журналиста от других гражданских лиц, а также существенные риски в отношении его здоровья и жизни при нахождении в эпицентре боевых действий. Выдвинута идея об отсутствии необходимости дополнения правового статуса блогера специальным правом нахождения в районах вооруженных конфликтов и передачи получаемой в подобных районах информации.

Ключевые слова: субъекты международного гуманитарного права; блогер; журналист; правовой статус.

RATIO FOR LEGAL STATUSES OF JOURNALIST AND BLOGGER IN THE AREAS OF ARMED CONFLICTS

V.P. Sukhoparov

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article undertakes an analysis of the relationship between the status of a blogger and a journalist during armed conflicts. The research is based on the provisions of international humanitarian law. The article highlights the differences in the status of a journalist from other civilians, as well as significant risks to his health and life while in the epicenter of hostilities. The author puts forward an idea that there is no need to supplement the legal status of a blogger with a special right to stay in areas of armed conflict and transfer information received in such areas.

Key words: subjects of international humanitarian law; blogger; journalist; legal status.

Появление нового субъекта в информационной сфере – блогера – повлекло целый ряд вопросов, связанных с его деятельностью, среди которых: отнесение блогерской деятельности к предпринимательской [1, с. 60]; условия заимствований произведений в видео-блогосфере [2]; сравнение блогера и журналиста [3]; необходимость разработки отдельного правового статуса блогера и др. При сравнении блогера и журналиста наиболее показательным для научных выводов представляется анализ соотношения правовых статусов указанных

субъектов, поскольку и блогер, и журналист являются субъектами, распространяющими массовую информацию. Однако для блогерской деятельности свойственен более свободный творческий характер, что и актуализирует разработку отдельного от журналиста правового статуса.

Особого внимания в контексте прав, свобод и обязанностей блогера заслуживает анализ права журналиста, предусмотренного подп. 2.2 п. 2 ст. 34 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации»: журналист имеет право присутствовать в порядке, определенном законодательством Республики Беларусь, в районах вооруженных конфликтов или чрезвычайных ситуаций и передавать оттуда информацию [4]. Здесь возникает вопрос относительно обоснованности аналогичного права как элемента правового статуса блогера.

На уровне международного гуманитарного права положение журналиста в период вооруженных конфликтов предусматривается в статье 4. A.4 Женевской конвенции III от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными (далее – Женевская конвенция III [5]), а также в статье 79 Дополнительного протокола (Протокол I) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (далее – Протокол I [6]). Статья 4 Женевской конвенции III выделяет «военных корреспондентов» в категории лиц, следующих за вооруженными силами, но не входящих в их состав непосредственно, и устанавливает условия такого следования:

- получение разрешения от соответствующих вооруженных сил, которые они сопровождают;
- наличие удостоверения личности прилагаемого к Конвенции образца [5].

В соответствии со статьей 79 Протокола I журналисты, находящиеся в опасных профессиональных командировках в районах вооруженного конфликта, рассматриваются как гражданские лица (т.е. любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4.a, 1, 2, 3 и 6 Женевской конвенции III и в статье 43 Протокола I). Как таковые, они пользуются защитой в соответствии с Конвенциями и Протоколом I при условии, что они не совершают никаких действий, несовместимых с их статусом гражданских лиц, и без ущерба праву военных корреспондентов, аккредитованных при вооруженных силах, на статус, предусмотренный статьей 4. A.4 Женевской конвенции III. Журналисты могут получать удостоверение личности согласно установленному образцу. Данное удостоверение удостоверяет статус его предъявителя как журналиста и выдается правительством государства, гражданином которого является журналист,

или на территории которого он постоянно проживает, или в котором находится информационное агентство, в котором он работает [6].

Исходя из этого, журналиста во время вооруженных конфликтов отличает от других гражданских лиц, к которым он приравнивается, лишь удостоверение личности, подтверждающее его статус как журналиста. Данное удостоверение не предоставляет журналисту каких-либо привилегий, однако благодаря ему журналиста относят к некомбатантам, несмотря на следование соответствующим вооруженным силам.

По положениям статьи 4. А.4 Женевской конвенции об обращении с военнопленными журналист, попавший во власть неприятеля, является военнопленным. В соответствии с постановлениями общего характера о защите военнопленных (статьи 12 – 16 Женевской конвенции III) с военнопленными следует всегда обращаться гуманно, они имеют право на уважение к их личности и чести, бесплатное содержание и военную помощь [5].

Несмотря на отнесение журналистов к гражданским лицам в районах вооруженных конфликтов, данная категория гражданских лиц имеет немалый негативный эффект от осуществления своей (журналистской) деятельности в указанных районах. Российский исследователь А.А. Белякова, анализируя информационные ресурсы, приводит конкретные цифры пострадавших в ходе боевых действий журналистов: «в Ираке, согласно статистике Комитета защиты журналистов, с 1992 года были убиты 191 журналист и 56 сотрудников СМИ»; «всего с 1992 года погибли 1060 журналистов, при этом только в 2014 году – 24 журналиста и 5 сотрудников СМИ» [7, с. 25]. Проблематика специального, «привилегированного» правового статуса журналиста связана с тем фактом, что «под прикрытием журналиста можно осуществлять различного рода деятельность, включая шпионаж, разбой или терроризм» [7, с. 26].

Как подчёркивают правоведы (Х.Д. Хассон, Е.В. Мартыненко), «согласно нормам международного гуманитарного права журналисты не имеют особого статуса и приравниваются к гражданскому населению по объему гарантий защиты, в том числе:

- они не могут являться объектом нападения ни одной из сторон-участниц конфликта (п. 2 ст. 51 Протокола I);
- они обладают правом на уважительное отношение к их собственности, кроме случаев, когда эта собственность может быть использована в военных целях или имеет военный характер (ст. 52 Протокола I)» [8, с. 174].

Х.Д. Хассон и Е.В. Мартыненко также отмечают, что журналисты, имея определенные международным гуманитарным правом гарантии

своей защиты, сталкиваются и с различными возможностями (объективными и субъективными) по их ограничению. Так, в некоторых случаях журналист утрачивает фактическую защиту либо данную защиту наряду с правом на ее предоставление. К примеру, журналист находится внутри военного объекта и использует в качестве одежды военную форму [8, с. 174]. Журналист может фактически утрачивать возможность защиты при приближении к военным объектам или местам активных вооруженных столкновений на опасное расстояние, при непосредственном нахождении внутри вооруженного формирования, когда противник фактически не имеет возможность отличить сотрудника СМИ от комбатанта [9, с. 273–274].

Таким образом, журналист во время вооруженных конфликтов подвергается существенным рискам в отношении своего здоровья и жизни, находясь рядом с эпицентром боевых действий. Об этом свидетельствуют цифры пострадавших журналистов, а также небезопасность осуществления своей трудовой деятельности в военных условиях. Журналисту необходимо точно следовать международно-правовому императивному требованию – не носить и не использовать оружие, и в целом никоим образом не участвовать в военных действиях. Ношение журналистом военной формы также весьма чревато последствиями отнесения его к комбатантам. Наличие у журналиста удостоверения, на наш взгляд, не обеспечивает достаточным образом его защиту, поскольку нахождение аккредитованного журналиста среди воинских формирований может вызывать сомнения у противника относительно его статуса в военных условиях. Приравнивание журналиста по правовому статусу к военнопленным (в случае его захвата в плен), к гражданским лицам особо не отличает журналиста от других указанных субъектов, хотя деятельность журналиста носит специфический характер. К тому же гражданское лицо является общей категорией в международном гуманитарном праве (любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4.a, 1, 2, 3 и 6 Женевской конвенции III и в статье 43 Протокола I).

Основываясь на международно-правовых положениях о журналисте, опасности его деятельности в военных условиях, сложности в предоставлении журналисту достаточной правовой защиты по причинам:

- возможное прикрытие под журналистской деятельностью какого-либо вида военной деятельности [7, с. 26];
- возможное отнесение журналиста к комбатантам в силу следования определенным вооруженным формированиям, –

а также приравнивании журналиста к гражданскому лицу, полагаем, что ***правовой статус блогера не следует дополнять специальным правом нахождения в районах вооруженных конфликтов и передачи оттуда информации***. В противном случае это бы формально требовало аналогичного журналистскому наличия удостоверения, которое выдается правительством или информационным агентством. При этом блогерская деятельность отличается более свободным характером, чем журналистская [10]. Помимо этого, в Женевской конвенции III для журналистов используется термин «военные корреспонденты», что предполагает специальной профессиональной подготовки по ведению информационной деятельности в военных условиях, которой не обладает блогер. На отсутствие фактической необходимости специального правового статуса блогера, аналогичного журналисту, в районах вооруженных конфликтов указывает и тот факт, что согласно правовым международно-гуманитарным нормам журналист приравнивается по статусу к общим категориям субъектов – гражданским лицам и военнопленным (в случае захвата в плен) – которым обладают и многие другие лица, являющиеся некомбатантами. Однако для будущих исследований важно уяснение вопроса относительно правомерности блогера в получении и передаче информации из районов вооруженных конфликтов.

В заключение добавим, что утратившая силу норма российского законодательства о правовом статусе блогера не предусматривала отдельного права блогера на нахождение в районах вооруженных конфликтов и передачу из них информации [11, с. 437–438].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Палехова Е. А.* Правовой статус блогера и особенности его ответственности // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 60–65.
2. Fair use on YouTube // YouTube Help [Electronic resource]. URL : https://support.google.com/youtube/answer/9783148?hl=en. (accessed: 25.11.2020).
3. *Сухопаров В. П.* Сравнительный анализ правового статуса блогера и журналиста в правоотношениях в сфере массовой информации (на примере Республики Беларусь) // Материалы Междунар. молодеж. науч. форума «Ломоносов-2020» [Электронный ресурс]. 2020. URL : https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/data/19743/112218 _uid87901_report.pdf. (дата обращения: 25.11.2020).
4. О средствах массовой информации : Закон Респ. Беларусь, 17 июл. 2008 г., № 427-З : в ред. Закона от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // ООН. Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]. URL :

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml. (дата обращения: 25.11.2020).

6. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) // ООН. Дополнительные протоколы [Электронный ресурс]. URL : https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf. (дата обращения: 25.11.2020).

7. *Белякова А. А.* Защита журналистов, предоставляемая в соответствии с международным правом в период вооруженных конфликтов // Вестн. научных конференций : сб. ст., материалов конф., № 2-2 (2). Тамбов, 2015. С. 25–27.

8. *Хассон Х. Д.*, *Мартыненко Е. В.* Средства и методы защиты журналистов в международном гуманитарном праве // Правовая парадигма. 2017. № 1. С. 172–180.

9. *Магомедов М. Ш*. Международно-правовое регулирование пределов защиты журналиста во время вооруженного конфликта // Московский журн. междунар. права. 2007. № 4 (68). С. 273–274.

10. *Помогаева Д. М.* Правовой статус блогера и правовое регулирование его деятельности // Науч.-практ. электронный журн. Аллея Науки [Электронный ресурс]. 2017. № 10. URL : https://alley-science.ru/aktualnye_voprosy_politiki_i_prava__10__2017/ (дата обращения: 25.11.2020).

11. *Нестерова Е. М.* Блогер как субъект информационных правоотношений // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2020. С. 436–440.

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЕ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Шевко Н.М.

Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, Минск, Беларусь, Sheuko@bsu.by

Принимая во внимание тот факт, что люди с инвалидностью в мирное время сталкиваются с различного рода трудностями и барьерами по признаку инвалидности в таких областях как: здравоохранение, водоснабжение, продовольственное обеспечение и доступность необходимых услуг, их положение только усугубляется в условиях вооруженного конфликта. Несмотря на то, что нормы международного гуманитарного права направлены на защиту гражданского населения без какой-либо дискриминации в условиях вооруженного конфликта, международное гуманитарное право было кодифицировано на основе медицинской модели инвалидности, ориентированной исключительно на медицинские патологии и отражающей патерналистский подход к инвалидам. В этой связи данное исследование посвящено выявлению проблем международной защиты людей с инвалидностью в условиях вооруженных конфликтов и разработке путей по их научно-практическому разрешению.

Ключевые слова: международная защита прав; права людей с инвалидностью; вооруженный конфликт; международное гуманитарное право.

TO THE QUESTION OF THE INTERNATIONAL PROTECTION OF PERSONS WITH DISABILITIES IN TIMES OF ARMED CONFLICT

Shevko N.M.

Belarusian State University,
8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, Sheuko@bsu.by

Taking into account the fact that people with disabilities in peacetime face various difficulties and barriers on the basis of their disability in such areas as: health care, water supply, food supply and accessibility of necessary services, their situation is only exacerbated in times of armed conflict. Despite the fact that the norms of international humanitarian law are aimed at protecting civilians without any discrimination during armed conflict, international humanitarian law has been codified on the basis of a medical model of disability that focuses exclusively on medical pathologies and reflects a paternalistic approach to persons with disabilities. In this regard, this study is devoted to identifying the problems of international protection of people with disabilities in times of armed conflict and the development of ways for their scientific and practical solution.

Key words: international protection of rights; rights of people with disabilities; armed conflict; international humanitarian law.

К сожалению, жизнь современного человека в XXI веке невозможно охарактеризовать, как мирную и безопасную. Вооруженные конфликты (международного и немеждународного характера) наряду с международным терроризмом, изменением климата, миграционным кризисом, а также пандемией COVID-19 относятся к основным угрозам нашего времени [1]. В основном жертвами вооруженных конфликтов становятся гражданские лица, при этом в особой защите нуждаются наиболее уязвимые группы населения: женщины, дети и перемещенные лица среди которых нередко встречаются люди с инвалидностью. Принимая во внимание тот факт, что люди с инвалидностью в мирное время сталкиваются с различного рода трудностями и барьерами по признаку инвалидности в таких областях как: здравоохранение, водоснабжение, продовольственное обеспечение и доступность необходимых услуг, их положение только усугубляется в условиях вооруженного конфликта. Более того, увеличение численности людей с инвалидностью следует отнести к одному из основных последствий вооруженного конфликта в силу: использования конкретных видов оружия, появления новых патологий или травм, низких стандартов

медицинской помощи, развала системы профилактики заболеваний, а также из-за воздействия на психическое здоровье [2].

Следует отметить, что нормами международного гуманитарного права (далее МГП) предусмотрено обязательство гуманного обращения и ухода с ранеными и больными без какой-либо дискриминации по таким причинам, как пол, раса, национальность, религия, политические убеждения или другие аналогичные критерии [3, ст. 12]. Исходя из положений международного права прав человека, указанный антидискриминационный перечень не является исчерпывающим и включает такой критерий, как инвалидность [4, п. 1392]. Несмотря на то, что нормы МГП направлены на защиту гражданского населения без какой-либо дискриминации в условиях вооруженного конфликта, МГП было кодифицировано на основе медицинской модели инвалидности, ориентированной исключительно на медицинские патологии и отражающей патерналистский подход к инвалидам [5, п. 3]. Принятие Конвенции о правах инвалидов 2006 г. (далее КПИ) с одной стороны ознаменовало собой смену парадигмы, а с другой стороны - признало основанный на правах человека подход к инвалидности в деле гуманитарной защиты. В частности, государства в соответствии со своими обязательствами по международному праву, включая международное гуманитарное право и международное право прав человека должны принимать все необходимые меры для обеспечения защиты и безопасности инвалидов в ситуациях риска, включая вооруженные конфликты, чрезвычайные гуманитарные ситуации и стихийные бедствия [6, ст. 11]. Так, например, обязательство сторон вооруженного конфликта заблаговременно и действенным образом предупреждать о любом нападении, которое может затронуть гражданское население [7, ст. 57 2) c)] в отношении людей с инвалидностью может быть выполнено при помощи различных средств коммуникации, в том числе аудиовизуальных, письменных и альтернативных средств и при уважении многообразия. Важно отметить, что невыполнение этого обязательства в доступной и инклюзивной форме равносильно дискриминации по признаку инвалидности [5, п. 42]. Также в период вооруженного конфликта членам семей инвалидов, не получающим необходимой поддержки, зачастую приходится выбирать между риском для своей жизни во имя спасения родственника-инвалида и необходимостью покинуть такого родственника [5, п. 43]. Свидетельством этому служат выдержки из выступления в апреле этого года в Совете Безопасности ООН гражданской активистки Нуджин Мустафа, страдающей церебральным параличом. Среди основных проблем, с которыми пришлось столкнуться ее семье во время

вооруженного конфликта в Сирии являлись: отсутствие лифта при условии того, что семья проживала на 5 этаже, отсутствие инвалидной коляски, а также то, что она является женщиной с инвалидностью и по местным законам только ближайший родственник мужчина мог нести ее на руках в случае чрезвычайной ситуации [8]. С тем, чтобы предотвратить распространение подобных ситуаций, государствам следует учитывать инвалидов при реагировании на кризис и осуществлении мер в рамках процесса восстановления для обеспечения их безопасности (например, при помощи национальной системы добровольной регистрации) [5, п. 43]. В свою очередь, Совет Безопасности ООН, подтверждая свою главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, выразил серьезную обеспокоенность относительно непропорционального воздействия вооруженных конфликтов на инвалидов, включая оставление без ухода, насилие и отсутствие доступа к основным услугам, и обратил особое внимание на необходимость учета особых потребностей инвалидов при оказании гуманитарной помощи [9]. Резолюция 2475 (2019) Совета Безопасности ООН рекомендует государствам-членам принимать надлежащие меры для обеспечения людям с инвалидностью доступа наравне с другими к основным услугам, предоставляемым в условиях вооруженного конфликта, включая образование, здравоохранение, транспорт и информационно-коммуникационные технологии и системы [9, п. 5]. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что инвалиды принимают участие в боевых действиях в качестве террористов-смертников [10, п. 46]. Исходя из норм МГП, все стороны конфликта могут на законном основании в качестве цели нападения выбирать людей с инвалидностью, только если последние активно участвуют в боевых действиях [7, ст. 43]. Однако, такого рода участие может быть вызвано давлением или вмешательством со стороны, без уважения воли и желания самого лица с инвалидностью. Что касается военнопленных с инвалидностью, то в отношении их всеми сторонами вооруженного конфликта должен соблюдаться принцип разумного приспособления. Данный принцип является обязанностью ex nunc и направлен на достижение индивидуальной справедливости в том смысле, что таким образом гарантируется недискриминация или равенство и при этом учитывается человеческое достоинство, самостоятельность и выбор конкретного лица [11, п. 26]. А именно, военнопленный с инвалидностью вправе потребовать создание условий необходимых для его независимого образа жизни и всестороннего участия во всех аспектах жизни в месте заключения, учитывая любые дополнительные потребности, которые могут появиться в связи со старением заключенных [5, п. 48].

На сторонах вооруженного конфликта лежит главная ответственность за принятие практических шагов по обеспечению защиты гражданских лиц. В свою очередь, государства несут главную ответственность за соблюдение и обеспечение прав человека всех лиц, находящихся на их территории и под их юрисдикцией [9]. В этой связи национальное уголовное законодательство каждого государства должно обеспечивать судебное преследование и наказание за серьезные нарушения международного гуманитарного права [5, п. 44], которое в современных международных отношениях должно рассматриваться сквозь призму подхода, основанного на правах человека людей с инвалидностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Коронакратия: ООН и проблемы международного мира и безопасности после COVID-19 [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://minskdialogue.by/research/opinions/koronakratiia-oon-i-problemy-mezhdunarodnogo-mira-i-bezopasnosti-posle-covid-19 (дата доступа: 17.12.2020).
2. Международное гуманитарное право и инвалиды // Консультативная служба по МГП. МККК. [Электронный ресурс]. 2017. URL: file:///C:/Users/ruckiy/Downloads/ihl_disabilities_factsheet_ru%20(1).pdf (дата доступа: 17.12.2020).
3. Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях // МККК [Электронный ресурс]. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-conventon-1.htm (дата доступа: 17.12.2020).
4. Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva, 12 August 1949. Commentary of 2016. Article 12 : Protection and care of the wounded and sick // ICRC [Electronic resource]. 2016. URL : https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Comment.xsp?action=openDocument&documentId=CECD58D1E2A2AF30C1257F15004A7CB9 (accessed: 17.12.2020).
5. Тематическое исследование по вопросу о правах инвалидов в рамках статьи 11 Конвенции о правах инвалидов, касающееся ситуаций риска и чрезвычайных гуманитарных ситуаций // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека [Электронный ресурс]. 2017. URL: https://www.refworld.org.ru/topic,51dc06874,51dc104b2ab,56c42ca54,0,,,.html (дата доступа: 17.12.2020).
6. Конвенция о правах инвалидов : принята резолюцией 61/106 Генер. Ассамблеи, 13 декабря 2006 г. // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата доступа: 17.12.2020).
7. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов

(Протокол I) // ООН. Дополнительные протоколы [Электронный ресурс]. 1977. URL : https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf. (дата обращения: 17.12.2020).

8. Выступление в Совете Безопасности ООН гражданской активистки Нуджин Мустафа, страдающая церебральным параличом // Совбез ООН [Электронный ресурс]. URL : https://news.un.org/ru/story/2019/06/1357891. (дата обращения: 17.12.2020).

9. Резолюция 2475 (2019) : принята Советом Безопасности на его 8556-м заседании, 20 июня 2019 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL : https://undocs.org/ru/S/RES/2475. (дата обращения: 17.12.2020).

10. How law protects persons with disabilities in armed conflict // ICRC [Electronic resource]. URL : file:///C:/Users/ruckiy/Downloads/how_law_protects_persons_with_disabilities_in_war.pdf (accessed: 17.12.2020).

11. Замечание общего порядка № 2 (2014) Комитета по правам инвалидов «Доступность» // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL : https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G14/033/15/PDF/G1403315.pdf?OpenElement. (дата обращения: 17.12.2020).

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА БОРЬБУ С ТЕРРОРИЗМОМ

А. А. Рипинская

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь, anna.ripinskaya@gmail.com

Статья направлена на анализ и оценку влияния глобальной пандемии COVID-19 на борьбу с терроризмом, а также на выявление проблем, с которыми могут столкнуться государства в деле осуществления борьбы с терроризмом в условиях пандемии. В статье разработаны рекомендации по осуществлению борьбы с терроризмом и недопущению активизации террористической деятельности на фоне глобальной пандемии COVID-19.

Ключевые слова: терроризм; борьба с терроризмом; пандемия COVID-19.

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE FIGHT AGAINST TERRORISM

H.A. Rypinskaya

The National Centre of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus, 1a Bersona Street, Minsk 220030, Belarus, anna.ripinskaya@gmail.com

The article aims to analyze and assess the impact of the global COVID-19 pandemic on the fight against terrorism, as well as to identify problems that States may face in implementing the fight against terrorism in the context of a pandemic. The article develops recommendations for the implementation of the fight against terrorism and preventing the intensification of terrorist activities against the background of the global COVID-19 pandemic.

Key words: terrorism; fight against terrorism; COVID-19 pandemic.

Глобальная пандемия COVID-19 представляет собой значительную угрозу безопасности и здоровью населения всего мира без каких-либо исключений.

В свете последних событий и последствий пандемии лица и организации, осуществляющие террористическую деятельность, могут рассматривать пандемию как возможность для расширения своей противоправной деятельности. В связи с чем можно говорить о том, что в нынешних условиях борьба с терроризмом и проведение контртеррористических операций осложняется, а международное сообщество опасается усиления террористической активности на фоне пандемии.

Различным аспектам терроризма ранее уделялось внимание в работах отечественных и зарубежных специалистов. Ученые обращаются к вопросам происхождения терроризма (Н.А. Чернядьева [1]), противодействия и борьбы с терроризмом (Х. Альварез [2]), ответственности за терроризм (К. Трэпп [3]). Исследования в области воздействия пандемии на преступность на сегодняшний день редки, т.к. данная тема является в достаточной степени новой. Однако уже сегодня ученые стараются рассматривать вопросы безопасности и развития в условиях пандемии (А.Е. Городецкий [4]), а также активизации экстремизма на фоне пандемии (В.А. Сергевнин [5]). На наш взгляд, тема влияния пандемии COVID-19 на борьбу с терроризмом является своевременной и весьма актуальной.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (далее – ООН) Антониу Гутерриш, открывая Неделю борьбы с терроризмом в 2020 г., отметил: «Как и вирус, терроризм не уважает национальных границ и заражает все нации и может быть побежден только коллективно» [6]. Сегодня коронавирус наносит огромный ущерб государствам в различных сферах: политической, экономической, экологической, образовательной и иных. Без сомнений можно утверждать, что пандемия оказывает значительное влияние на преступность и борьбу с преступностью. Управление ООН по наркотикам и преступности отмечает, что государства в рамках осуществления действий по сдерживанию пандемии предпринимают большое количество мер, которые включают в себя, например, принудительный карантин, комендантский час или запрет на выход из дома, ограничения по передвижению, экономической деятельности и общественной жизни в целом. С одной стороны, такие принудительные меры и присутствие представителей правоохранительных органов на границах и на улицах могут рассматриваться в качестве сдерживающего преступность факторы,

с другой стороны, они также могут «загнать ее еще глубже в подполье» [7].

Некоторые террористические группировки рассматривают глобальную пандемию COVID-19 в качестве своего преимущества, т.к. сегодня государства отвлечены на борьбу с коронавирусом, в связи с чем страдает сфера безопасности. Например, в Сомали продолжаются нападения со стороны террористической группировки «Аш-Шабаб» [8]. В Афганистане происходит усиление исламистского движения «Талибан» [9]. Новый всплеск террористической деятельности отмечается также в Нигерии [10]. «… ИГИЛ, «Аль-Каида» и их региональные филиалы, а также неонацисты, сторонники превосходства белой расы и другие группы, сеющие ненависть, стремятся использовать разногласия, локальные конфликты, сбои в управлении и лишения людей для достижения своих целей» [6], – указал Антонио Гутерриш, выступая на Неделе борьбы с терроризмом в 2020 г.

Следует отметить, что глобальная пандемия предоставляет террористическим организациям не только дополнительные возможности и преимущества, но и в то же время в какой-то степени влияет на ослабление террористической деятельности. Так, многие государства ограничивают или полностью перекрывают транспортное сообщение, включая авиа и железнодорожное сообщения. Соответственно, такая мера сужает возможность осуществлять противоправную деятельность в других странах. Более того, процедуры прохождения контроля, например, в аэропортах стали еще более детальными. За лицами, которые следуют из одной страны в другую, также может устанавливаться дополнительное внимание на фоне пандемии. Таким образом можно говорить о том, что меры по сдерживанию коронавируса снижают риск террористических атак во многих странах.

Однако в менее благополучных государствах угроза терроризма наоборот возрастает, т.к. террористические группы могут использовать негативные социально-экономические и политические последствия пандемии в своих целях. По мнению Главы Контртеррористического управления ООН государства «…должны неустанно продолжать борьбу с террористическими группами и преступными сетями, чтобы лишить их возможности использовать в своих целях кризис, вызванный в мире распространением COVID-19. Коллективные действия и международное сотрудничество необходимы сейчас как никогда» [11].

Несомненно, главная задача, стоящая перед государствами сегодня – обеспечение медицинской и эпидемиологической безопасности своего населения, в то же время остальные сферы общественной жизни могут не получать достаточного внимания. Вербовщики террористических

группировок используют нестабильную ситуацию в государствах, привлекая новых лиц в свои ряды. Руководитель Антитеррористического центра СНГ также указывает, что «вербовщики призывают новых членов международных террористических организаций к максимальному распространению COVID-19 в общественных местах и госучреждениях» [12]. Тем не менее использование коронавирусной инфекции в качестве инструмента осуществления террористической деятельности скорее может рассматриваться как инструмент создания паники среди населения, нежели оружия.

Еще одной проблемой, которая, на наш взгляд, также важна в рамках осуществления борьбы с терроризмом сегодня, является возникновение новых форм терроризма. Межрегиональный научно-исследовательский институт Организации Объединенных Наций по вопросам преступности и правосудия (ЮНИКРИ) в своем ноябрьском докладе отмечает, что в мире на фоне пандемии могут возникнуть новые формы терроризма, к примеру основанные на теориях заговора, т.к. теории заговора часто объединяют различные противоречивые истории, включая «идентификацию сигнала мобильного телефона 5G как средства передачи вируса или ложное утверждение, что пандемия была задумана Биллом Гейтсом для имплантации микрочипов в человека…» [13, с. 26].

Глобальная пандемия COVID-19 оказывает негативное влияние буквально на все сферы, и борьба с терроризмом не является исключением. На наш взгляд, государствам необходимо продолжать взаимодействовать в деле осуществления борьбы с терроризмом в соответствии с принятыми ранее стратегиями, а также разрабатывать новые с учетом сложившейся в мире обстановки. В том числе следует сосредоточиться на следующих действиях в рамках осуществления борьбы с терроризмом и недопущения терроризма на фоне глобальной пандемии COVID-19.

1. Уделять пристальное внимание вопросу финансирования терроризма. Орган Совета Европы по борьбе с отмыванием денег (МАНИВЭЛ) в докладе «Тенденции отмывания денег и финансирования терроризма в юрисдикциях МАНИВЭЛ во время кризиса COVID-19» отмечает, что «острая потребность в приобретении специализированного медицинского оборудования и инвентаря создала почву для мошенничества, коррупции и последующего отмывания денег» [14, с. 4].

2. Осуществлять мониторинг за текущим состоянием безопасности территории государства и ситуации на границах. Пандемия коснулась всех без исключения стран мира и сегодня государства сосредоточены на медицинской и эпидемиологической безопасности населения, при этом

аспекты безопасности в контексте террористических и иных угроз могут отходить на второй план.

3. Поддерживать жертв терроризма. Следует подчеркнуть, что Генеральный Секретарь ООН отдельно отмечает необходимость поддержки и защиты жертв терроризма. В частности указывается, что «риск заражения COVID-19 усугубляет и без того тяжелую ситуацию, которая сложилась в лагерях беженцев в Сирии и Ираке. Мы не должны забывать о той ответственности, которая лежит на нас. Мы не можем оставить детей-беженцев на произвол судьбы, иначе они станут жертвами эксплуатации со стороны террористов» [15].

4. Продолжать сотрудничество в деле борьбы с терроризмом. На данный момент на фоне COVID-19 с сожалением можно говорить о том, что борьба с терроризмом и в целом с преступностью в какой-то степени уходит из первоочередных задач международного сотрудничества. Приостановка различных международных проектов и операций, а также внимание на данный момент фактически только к пандемии могут иметь негативные последствия в виде всплеска террористической деятельности.

5. Осуществлять операции по выявлению случаев осуществления вербовки как несовершеннолетних, так и совершеннолетних лиц в ряды террористических организаций. Глобальная пандемия и те меры, которые предпринимают государства по сдерживанию распространения COVID-19, в частности карантин и изоляция, приводят к тому, что сегодня информационные технологии выходят на первый план и фактически заменяют все, что существовало до пандемии. Вербовка в террористические организации и ранее представляла собой одну из важнейших проблем, но на фоне пандемии случаи вербовки через интернет и социальные сети могут возрастать.

Подводя итог мы можем отметить, что глобальная пандемия COVID-19 является одним из основных факторов, влияющих на осуществление международным сообществом борьбы с преступностью, в частности с терроризмом. С одной стороны, мы видим существенное негативное влияние пандемии борьбу с терроризмом. Помимо существовавших проблем в области борьбы с терроризмом, возрастание распространения пропаганды и дезинформации, увеличение числа случаев вербовки лиц в террористические группировки через интернет, новые способы финансирования терроризма – далеко не полный перечень проблем, с которыми государства могут столкнуться в деле борьбы с терроризмом на сегодняшний день на фоне пандемии COVID-19. Отдельного внимания заслуживают возможные новые формы терроризма на фоне глобальной пандемии, что также говорит об усложнении борьбы с террористической деятельностью.

С другой стороны, распространение COVID-19 может способствовать ослаблению террористической активности. Вводимые государствами меры и проводимые мероприятия по сдерживанию распространения COVID-19 так или иначе оказывают сдерживающий эффект на преступность, в том числе и на террористическую деятельность.

С появлением COVID-19 другие существующие ранее проблемы никуда не исчезли. Террористические нападения возникали и продолжают возникать внезапно. На фоне глобальной пандемии государства должны быть готовы к различным новым проявлениям террористической деятельности, а также последствиям, к которым могут привести террористические акты, особенно в нынешних условиях, когда многие сферы жизни общества поставлены на паузу фактически во всех государствах мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Чернядьева Н. А.* Международный терроризм. Происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия. М. : Проспект, 2018. 336 с.
2. *Alvarez Jose E.* The U.N.’s War on Terrorism // International J. of legal information. 2003. P. 238–250.
3. *Trapp Kimberley N.* State Responsibility for International Terrorism. N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 2011. 352 p.
4. *Городецкий А. В.* Развитие и безопасность в условиях кризиса, пандемии и в постпандемическом мире // Развитие и безопасность. 2020. № 2 (6). С. 18–37.
5. *Сергевнин В. А.* Активизация экстремистских групп в США в условиях пандемии коронавируса // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях : сб. науч. труд. по материалам межд. науч.-практ. конф./ под ред. В. А. Авдеева, С. В. Розенко. Ханты-Мансийск, 2020. С. 11–24.
6. Террористы паразитируют на бедах, порожденных пандемией // Новости ООН [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/07/1381471 (дата доступа: 15.11.2020).
7. Влияние пандемии COVID-19 на ситуацию, связанную с торговлей людьми // UNODC [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/Advocacy-Section/HTMSS_Thematic_Brief_on_COVID19_-_RU.pdf (дата доступа: 15.11.2020).
8. Ответственность за теракт в Могадишо взяла на себя группировка «Аш-Шабаб» // Белта [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://www.belta.by/world/view/otvetstvennost-za-terakt-v-mogadisho-vzjala-na-sebja-gruppirovka-ash-shabab-417789-2020 (дата доступа: 28.11.2020).
9. Афганистан: талибы усиливают позиции // Международная жизнь [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://interaffairs.ru/news/show/25842 (дата доступа: 28.11.2020).

10. В Нигерии террористы убили 38 человек в деревне на северо-востоке страны // Белта [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://www.belta.by/world/view/v-nigerii-terroristy-ubili-38-chelovek-v-derevne-na-severo-vostoke-strany-394678-2020/. (дата доступа: 28.11.2020).
11. ООН: террористы используют экономические трудности, вызванные пандемией COVID-19, для вербовки новых последователей // Новости ООН [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/08/1383282 (дата доступа: 28.11.2020).
12. Глава Антитеррористического центра СНГ: террористы используют усталость от пандемии // Исполнительный комитет СНГ [Электронный ресурс]. 2020. URL: http://cis.minsk.by/news/15231/glava_antiterroristicheskogo_centra_sng_terroristy_ispolzujut_ustalost_ot_pandemii (дата доступа: 28.11.2020).
13. Stop the virus of disinformation: the risk of malicious use of social media during COVID-19 and the technology options to fight it // UNICRI [Electronic resource]. 2020. URL : http://www.unicri.it/sites/default/files/2020-11/SM%20misuse.pdf (accessed: 28.11.2020).
14. Money laundering and terrorism financing trends in MONEYVAL jurisdictions during the COVID-19 crisis // Council of Europa [Electronic resource]. 2020. URL : https://rm.coe.int/moneyval-2020-18rev-covid19/16809f66c3 (accessed: 28.11.2020).
15. Глава ООН: пандемия COVID-19 может привести к активизации террористической деятельности // Новости ООН [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/09/1385002 (дата доступа: 28.11.2020).

РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ МНЕНИЙ, УБЕЖДЕНИЙ И ИХ СВОБОДНОГО ВЫРАЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Анциферова Э.Ю.

Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская 17, 220089, г. Минск, Беларусь, edita.antsiferova@yandex.ru

Одним из новейших направлений в области права является правовое регулирование основных прав личности в глобальной сети Интернет, которая открывают новые горизонты для всего общества. В условиях современного развития, Интернет не только составляют основу духовной жизни человека и общества в целом, но и становится индикатором уровня его развития в любом цивилизованном обществе. Поэтому большое значение имеет объективное и всестороннее изучение данного феномена, как на общетеоретическом, так и отраслевом уровне правоведения. Таким образом, настоящее исследования посвящено выявлению специфики реализации свободы мнений, убеждений и их свободного выражения в условиях цифровизации.

Ключевые слова: свобода мнений, убеждений и их свободного выражения; цифровизация; права человека.

THE EXERCISE OF FREEDOM OF OPINION, BELIEF AND THEIR FREE OF EXPRESSION IN TIMES OF DIGITALIZATION

Antsiferova E.Yu.

Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Street, 220089, Minsk, Belarus, edita.antsiferova@yandex.ru

Legal regulation of fundamental rights in the global Internet, which opens up new horizons for the entire society, is one of the newest areas in the field of law. The Internet not only constitutes the basis for the spiritual life of a person and society as a whole, but also becomes an indicator of the level of its development in any civilized society in the context of modern development. Therefore, an objective and comprehensive study of this phenomenon is of great importance, both at the general theoretical and branch levels of jurisprudence. Thus, this study is devoted to the identifying the specifics of the exercise of freedom of opinion, belief and their free expression in the context of digitalization.

Keywords: freedom of opinion, belief and their free expression; digitalization; human rights.

С дальнейших времен наблюдается процесс изучения основополагающих прав и свобод гражданина, свидетельствующий об уровне развития того или иного общества, степени его зрелости. Обеспечение максимально возможной реализации прав и свобод человека также не теряет своей актуальности на протяжении всего существования независимого белорусского государства. В соответствии с ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Беларусь «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [1]. Анализ основ современного правопорядка позволяет вычленить одно из основополагающих прав человека и основ всех гражданских свобод, такое как свобода мнений, убеждений и их свободное выражение.

Одним из новейших направлений в области права является правовое регулирование основных прав личности в глобальной сети Интернет, которая открывают новые горизонты для всего общества. В условиях современного развития, Интернет не только составляют основу духовной жизни человека и общества в целом, но и становится индикатором уровня его развития в любом цивилизованном обществе. Поэтому большое значение имеет объективное и всестороннее изучение данного феномена, как на общетеоретическом, так и отраслевом уровне правоведения.

Реализация свободы мнений, убеждений и их свободное выражение в глобальной сети Интернет до настоящего времени серьезному научному изучению не подвергнуты. Изменения, происходящие сегодня в данной

области, вызывают сильнейший общественный резонанс. Вместе с тем, теоретические основы свободы мнений, убеждений в сети Интернет все еще продолжают оставаться одной из недостаточно разработанных областей современной юриспруденции в связи с достаточно новым характером отношений. При этом, от состояния развития и регулирования данного направления зависят многие общественные и политические процессы в любой стране.

Между тем, стремительный рост интернет-технологий не сопровождается столь же стремительными изменениями в праве. Существует огромное количество «неопределённостей», а также пробелов в праве касательно данного вопроса. Современные технологии порождают не только новые возможности для использования и распространения информации, но и создают новые области, нуждающиеся в правовом регулировании. С каждым днем процессы информатизации развиваются все стремительнее, при этом, возникает необходимость повышения качества правового регулирования данного направления.

В Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется свободу мнений, убеждений и их свободное выражение. Так, в соответствии со ст. 33 Конституции Республики Беларусь, «никто не может быть принужден к выражению своих убеждений или отказу от них. Монополизация средств массовой информации государством, общественными объединениями или отдельными гражданами, а также цензура не допускаются» [1].

Ряд международных актов также указывает на право беспрепятственно придерживаться своих мнений. Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах указывает, что «каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору» [2].

Однако, в Основном Законе государств обычно четко регламентируется возможности ограничения реализации того или иного права или свободы. Так, в соответствии со ст. 23 Конституции Республики Беларусь «ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [1]. Полагаем, что указанные критерии имеют достаточно общий характер и дают чрезмерную свободу действий.

Интернет представляет собой широкие возможности для бесконтрольного распространения любого рода информации. Первоначальным документом, закрепивших право искать и передавать информацию является резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О созыве международной конференции по вопросу о свободе информации» от 14 декабря 1946 г. № 59 (I) [3]. Документ гласит: «свобода информации является основным правом человека и представляет собой критерий всех видов свободы».

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. была первым документом, официально указавшим на существование права человека «искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [4, с. 2]. Однако, глядя на данную трактовку с призмы современности, можно с уверенностью сказать, что признак глобальности сеть Интернет не потерял, при этом, территориальный признак получил актуальное развитие. С правовой точки зрения, характеризуя генезис Интернета ранее, ученое сообщество также отмечало глобальность сети, не имеющей границ, с присущей ему географической анонимностью пользователей.

Согласно правовым взглядам Дж. Голдсмита «наблюдаются попытки идентифицировать пользователей по географической принадлежности, с тех пор как Интернет стал использоваться для осуществления коммерческой деятельности. В связи с быстроизменяющимся характером сети Интернет выявилось, что предоставление Интернет-услуг без учета границ неэффективно [5, с. 4]. Полагаем, что сложности определения границ сети Интернет обусловлены трансграничным характером сети.

Важнейшим инструментом теоретического анализа любой правовой категории и его правового регулирования в целом является понятийный аппарат. Современные исследования ученого сообщества характеризуются все большим вниманием к основополагающим понятиям, составляющим базовые теоретические и методологические категории отраслевых дисциплин. Для продолжения исследования по выбранной тематике необходимо уяснить характеристику понятия «Интернет».

Заслуживает внимания определение, разработанная Г.Э. Добряковой, которая указывает, что «Интернет – международная коммуникационная сеть, целью которой является создание, обмен и потребление информации, построенной на использовании протокола IP и маршрутизации пакетов данных, доступ к которой предоставляется провайдером посредством присвоения уникального IP адреса техническому устройству, с которого и будет осуществляться выход в

Сеть» [4, с. 24]. Считаем данное определение достаточно емким, однако не указывающим на все аспекты понятия.

Техническая интерпретация понятия имеет право на существование и состоит в следующем: «интернет – глобальная информационная система, части которой логически взаимосвязаны друг с другом посредством единого адресного пространства, основанного на протоколе TCP/IP» [7]. В данной трактовке сеть Интернет приобретает признак глобальности, а именно расширение пространства сети и их частей на различных уровнях.

В толковом словаре Ожегова интернет понимается как «глобальная система, объединяющая компьютерные сети, а также персональные компьютеры, предназначенная для хранения, поиска и обмена информацией» [4, с. 274]. Думается, что данная позиция не совсем верна в связи с тем, что персональные компьютеры являются эксплуатационным прибором и средством автоматизации. Соответственно персональный компьютер – это не часть сети Интернет, а средство доступа в него.

Более обширную трактовку термина дает методический словарь, указывая на важный признак данной сети – интегрированность: «всемирная (глобальная) система компьютерных сетей, интегрированная сетевая система, состоящая из неоднородных коммуникативных сетей, объединенных между собой, объединяющая множество серверов, на которых находится огромный объем информации из разных областей знаний» [7, с. 123]. Полагаем, что интегрированность сети интернет указывает на объединение разнородных звеней системы в единую среду, при этом в результате изменений в одном звене наблюдается влияние и преобразование иных.

В большом толковом словаре наблюдаются достаточно общие характеристики Интернета: «Всемирная компьютерная сеть электронной связи, позволяющая пользователям персональных компьютеров, находясь на любом расстоянии, в любой точке земного шара, иметь связь друг с другом, принимать и передавать текстовую и изобразительную информации» [8, с. 639]. Соответственно, интернет образует глобальное информационное пространство, собирающее в себе не только информацию, но и различные виды интеллектуальной собственности, которые возможно передавать на различных расстояниях. Так, достаточно емкое определение предлагает С.В. Коростелева: «Интернет представляет собой один из способов передачи информации в телекоммуникационной сети посредством использования средств массовой информации и персональной связи» [9, с. 35]. Резюмируя данное положение, можно говорить об интернете как средстве открытого хранения и распространения информации.

Современная жизнь – это мир информационного разнообразия: это жизнь среди высоких скоростей, информационных потоков, льющихся отовсюду, среди массивов «больших данных», которые накапливаются быстрее, чем их возможно обработать. Развитие такой динамичной и необычной отрасли происходит, в том числе, и под влиянием зарубежной практики и тенденций. Именно поэтому при анализе и планировании развития отечественного законодательства необходимо принимать во внимание и зарубежный опыт.

Г. Дунран разбирает понятие достаточно узко, определяя интернет как «цепь компьютерных сетей, рассматривающаяся как простое средство обмена электронной информацией между бизнесом и всем остальным миром» [10]. Полагаем, что в данной трактовке мы наблюдаем универсальность сети Интернет, которую используют для построения бизнеса, глобальных корпоративных сетей, а также в обыденной повседневности. Естественно, что появление сети Интернет упростило многие процесса поиска, анализа и сбора информации, а также позволило работать с ней в режиме прямого подключения.

Соответственно, существует ряд понятий зарубежного законодателя, интересных в наличии определённых специфических характеристик сети Интернет на которые стоит обратить внимание. Одни из них в процессе исторического развития, потеряли свою значимость, другие имеют новаторские черты, которые можно использовать при трактовке данного понятия в Республике Беларусь. Однако, на текущем этапе можно с уверенностью утверждать, что в современное белорусское законодательство необходимо внести дополнения и изменения.

Анализ различных точек зрения показывает неоднозначность, а иногда и противоположность подходов ученых к категории интернет, его характеристике и содержанию. При этом не только правовые характеристики сети Интернет имеют важное положение, но и обыденные представления, которые проявляются в многообразии действий пользователей Сети, исходя из которых происходит нарушение норм. Таким образом, понятие сети Интернет трактуются по-разному теми, кто берет его на вооружение, поскольку, огромное влияние оказывают конкретно-исторические обстоятельства, интересы классов, зависящие от реального отношения к ценностям.

В заключение необходимо сделать следующие выводы:

1. Анализ научных трудов ученых в области изучения понятия сети Интернет показал, что юридическая наука нуждается в универсальном понимании указанного понятия. Это позволило бы объединить теорию и практику в исследуемой области и закрепить выработанную в теории права дефиницию сети Интернет в действующем законодательстве.

Проанализировав исторические предпосылки возникновения сети Интернет, понятийный аппарат в Республике Беларусь и ряде зарубежных стран, можно сделать вывод о том, что некоторые из имеющихся за рубежом характеристик, определенно, достойны пристального внимания. Следование мировым трендам в законодательстве – залог «неизолированности» рынка и его развития на мировой арене. Для правильного понимания рассмотренной категории в правоприменительной и судебной практике следует закрепить ее дефиницию в законодательстве Республики Беларусь, так как правильное применение данной трактовки способно повысить качество и эффективность правотворчества и правоприменения.

2. В Республике Беларусь, несмотря на многие несовершенства, законодательное регулирование свободы мнений, убеждений и их свободного выражения представляется достаточно разработанным, но существуют определенного рода недоработки, в связи со стремительным развитием данных правоотношений. К тому же, критерии регулирования свободы мнений, убеждений и их свободного выражения в сети Интернет являются неоднозначными, что приводит к использованию судебных решений по аналогии.

3. Как нам всем известно, информация, представленная в различной форме, может быть воспринята неограниченным кругом пользователей в любое время, а также любым членом общества. Имеющие открытый доступ мнения и комментарии, ранее преобразованные в цифровую форму и загруженные в Интернет, становятся достаточно легкой добычей для нарушителей основных прав и свобод личности. В условиях отсутствия эффективных механизмов контроля распространения подавляющего количества информации, возникает угроза массового нарушения прав соответствующих субъектов. Поэтому необходимо не только контролировать деятельность провайдеров и иных пользователей сети Интернет, но и изыскивать дополнительные способы защиты законных интересов правообладателей.

4. С учетом развития современных технологий пробел между требованием законодательства и реальной практикой увеличивается: возрастает количество недобросовестных пользователей Сети, в огромных масштабах осуществляется распространение лживой информации и т.п. Усугубляет ситуацию уровень правовой культуры, при котором большинство пользователей Сети не знают о своих правах, вследствие чего происходит их нарушение.

Возможность отследить и установить факт нарушения прав человека, а также выявить конкретных нарушителей, препятствовать распространению информации в сети, ее искажения и т.п. – все это

представляется крайне затруднительным в условиях глобальности и невероятной скорости интернета. К тому же следует учитывать, что технологии модернизируются практически ежедневно, что только усугубляет сложившуюся ситуацию. Поэтому, на наш взгляд, наилучшим решением для охраны информации будет совершенствование юридических и технических средств защиты, а также установление ответственности за данные нарушения.

В связи с вышесказанным считаем необходимым уточнение правового регулирования отношений в сети Интернет в соответствие с действительностью, а также совершенствование не только правовых, но и технических средств защиты прав и свобод граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят на XXI сес. Генер. Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1976. – № 17.
3. О созыве международной конференции по вопросу о свободе информации : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 14 декабря 1946 г., № 59 (I) // Генеральная Ассамблея ООН [Электронный ресурс]. 1946. URL: https://medialaw.asia/document/-430 (дата доступа: 15.09.2020).
4. *Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М. : Высш. шк., 1993. 944 с.
5. Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. Минск : Амалфея, 2012. 28 с.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона от 04.05.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
7. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Словарь методических терминов и понятий. 2-е изд. М. : ИКАР, 2009. 564 с.
8. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
9. *Коростелева, С. В.* Личные неимущественные права авторов и особенности их реализации в Интернет : автореф. дис. …канд. юрид. наук : 12.00.03 / Рос. гос. институт интеллектуальной собственности, 2006. 160 с.
10. *Summer A., Dunran Gr.* E-COMMERCE. Маркетинг : Пятая волна. – М. : ИКД «Зерцало-М», 1999. 128 с.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ В ПЕРИОД COVID-19

Махнач Д.В.

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье обозначен повышенный риск воздействия мер по реагированию на COVID-19 на обеспечение соблюдения права на неприкосновенность личной жизни. Обозначена необходимость достижения баланса между соблюдением данного права человека и поддержанием безопасности и охраны здоровья населения в период распространения COVID-19 с учетом использования информационных технологий. Обоснована необходимость применения новых технологий для борьбы с последствиями COVID-19 при строгом соответствии определенному в международных документах ряду критериев. Меры по борьбе с COVID-19 должны включать гарантии защиты личной жизни человека, быть законными, необходимыми и соразмерными, а также носить антидискриминационный характер.

Ключевые слова: права человека; неприкосновенность личной жизни; личная жизнь; охрана здоровья населения.

ENSURING PRIVACY DURING COVID-19

D.V. Makhnach

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article identifies an increased risk of the impact of COVID-19 response measures on the enforcement of the right to privacy. The need to achieve a balance between the observance of the indicated human right and the maintenance of public safety and health protection during the COVID-19, taking into account the use of information technologies, is outlined. The necessity of using new technologies to combat the consequences of COVID-19 is justified, with strict compliance with a number of criteria defined in international documents. Measures to combat COVID-19 must include safeguards to protect the individual's private life, to be legal, necessary, proportionate and anti-discriminatory.

Key words: human rights; privacy; private life; protection of the health of the population.

В настоящее время глобальное распространение коронавирусной инфекции COVID-19 (далее – COVID-19) привнесло значительные изменения в повседневную жизнь людей. С целью сдерживания угроз, вызванных COVID-19, правительства многих государств приняли ряд мер, направленных, среди прочего, на введение карантинных мер, приостановку полетов и закрытие границ, а также обмен дополнительной

информацией в сфере здравоохранения, что, в свою очередь, способно оказать непосредственное влияние на обеспечение соблюдения прав человека. И хотя исключительные меры, реализованные в некоторых государствах, могут в конечном итоге оказаться эффективными в ограничении распространения COVID-19, отдельные подходы оказались противоречивыми с точки зрения риска нарушения основных прав граждан, особенно если такие меры не обладают свойствами открытости и прозрачности [1].

Обеспокоенность по поводу воздействия таких мер на соблюдение основных прав и свобод человека неоднократно высказывалась в рамках международных организаций. Так, Главный секретарь Организации Объединенных Наций А. Гуттериш в аналитической записке о правах человека и COVID-19 отметил, что «ответные меры, принимаемые в соответствии с правами человека и на основе их соблюдения, позволяют добиться лучших результатов в борьбе с пандемией, обеспечивая медицинскую помощь для всех и сохранение человеческого достоинства» [2].

В то же время вопросу обеспечения соблюдения прав человека в период мировой пандемии уделяют внимание многие авторы. Так, А. Спадаро отмечала отрицательное влияние некоторых принимаемых государствами мер на соблюдение ряда прав человека, отдельно выделив при этом право на неприкосновенность личной жизни [3, с. 5]. Э. Вентрелла в дополнение указывал на необходимость достижения баланса между фундаментальным правом на неприкосновенность личной жизни и обеспечением безопасности и интересов общества в период распространения COVID-19 [4, с. 382].

Действительно, одним из основных прав человека, зачастую нарушаемых во время чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения, является право на неприкосновенность личной жизни. В данном случае предполагается, что введение дополнительных мер контроля за населением при использовании различных технологий в период пандемии способно повлечь за собой вмешательство в личную жизнь человека.

В период COVID-19 применение новых технологий для борьбы с последствиями COVID-19 и спасения жизней значительно возросло. Так, во время вспышек инфекционных заболеваний могут быть задействованы различные инструменты информационных технологий для быстрого обнаружения источников инфекции, отслеживания связанных случаев заболевания и путей его передачи [5, с. 460]. В то же время, использование информационных технологий возможно при

распространении информации об общественном здоровье и расширении доступа к медицинской помощи.

Пандемия COVID-19 способствовала распространению подобных методов и инструментов, в частности, за счет использования данных о местоположении населения и отслеживания контактов пострадавших людей для ограничения распространения вируса. Например, после начала пандемии COVID-19 правительство США обратилось к компании “Google” с просьбой помочь собирать данные о передвижении населения [6]. Таким образом, смартфоны стали не только основным средством связи, но и устройством отслеживания за соблюдением режима карантина и предписываемой социальной дистанции, а также частоты и длительности перемещений населения. В данном случае сбор подобных данных был оправдан необходимостью принятия эффективных мер по предотвращению распространения инфекции, а также регулированием режима работы общественных мест, магазинов и т.д. В то же время, директор Инициативы ООН «Глобальный пульс» Р. Кикпатрик отметил, что все собранные данные должны быть использованы строго по назначению, соответствовать критериям прозрачности, доверия и справедливости, а после использования в строго ограниченных условиях подлежать уничтожению [6].

Тем не менее, активное использование технологий для обеспечения безопасности населения и соблюдения ограничений в чрезвычайных ситуациях вызывает озабоченность ввиду высокого риска злоупотреблений. Без надлежащих мер защиты использование новых технологий в целях, выходящих за рамки ответных мер на пандемию COVID-19, может привести к нарушению неприкосновенности личной жизни [2, с. 15–16].

При анализе последствий пандемии COVID-19 для обеспечения соблюдения права на неприкосновенность личной жизни человека, необходимо учитывать, что данное право человека не является абсолютным. В настоящее время как международное право, так и национальные законодательства различных государств допускают возможность ограничений или отступлений от некоторых прав человека для достижения законных целей, таких как охрана здоровья населения, но при этом содержат конкретные указания, в какой степени такие ограничения возможны. Например, в соответствии с п. 2 ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, вмешательство со стороны государства в личную жизнь человека возможно в том числе «для охраны здоровья или нравственности населения» [7]. Развивая данное положение, Европейский суд по правам человека в своем решении по делу «Сабо и Виши против Венгрии»

отметил, что ограничение права на неприкосновенность личной жизни должно быть предусмотрено национальным законодательством, при этом оно должно с достаточной ясностью определять основания такого ограничения [8]. Более того, любое ограничение прав человека должно преследовать законную цель и быть соразмерным, необходимым, ограниченным по времени, не произвольным и соответствующим закону.

В данной связи Всемирная организация здравоохранения в период первой волны COVID-19 отдельно подчеркивала, что любые предпринимаемые государствами меры должны осуществляться не только как часть всеобъемлющего пакета действий в области общественного здравоохранения и социальной защиты населения, но и отвечать требованиям ст. 3 Международных медико-санитарных правил 2005 г. при полном уважении достоинства, прав и основных свобод человека [9]. Более того, в соответствии с Сиракузскими принципами о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах 1984 г., любые такие ограничительные меры должны быть только такими, которые строго необходимы для противодействия угрозе жизни нации и соразмерны ее характеру и степени, а также предусмотренными законом и антидискриминационными [10, п. 51].

Так, в период распространения COVID-19 необходимо разрабатывать меры, позволяющие обеспечить неприкосновенность личной жизни и в то же время защитить здоровье населения ввиду того, что распространение недостоверной информации в условиях пандемии может иметь разрушительные и непредсказуемые последствия. Соблюдая принцип недискриминации, каждый человек, вне зависимости от расовой принадлежности, национальности, пола и профессии, должен быть уверен в том, что государственные органы и медицинские организации соблюдают максимальную осторожность и конфиденциальность при обращении с личной информацией, будь то имя и фамилия, диагноз и история болезни [11].

В настоящее время немногие государства имеют соответствующую правовую основу для реагирования на пандемию быстрыми, безопасными и надежными способами в соответствии с существующими правилами обеспечения неприкосновенности личной жизни. С целью решения данной проблемы некоторыми государствами недавно были внесены изменения в национальное законодательство, определяющие правила и ограничения по сбору данных в качестве мер по реагированию на пандемию COVID-19. Например, правительство Италии на время действия чрезвычайного положения приняло указ о создании специальной правовой базы для сбора и обмена персональными данными, связанными

со здоровьем, органами национальной системы здравоохранения [12]. В свою очередь, правительства Германии и Франции предложили внести поправки в уже действующее законодательство о защите персональных данных, в перспективе позволяющие собирать и обрабатывать данные о здоровье и местоположении отдельных лиц при помощи технических средств с целью борьбы с эпидемией COVID-19 [1]. При этом правительства отдельных государств собирали и обрабатывали связанные с COVID-19 данные о местоположении населения без принятия нового законодательства. Подобным образом действовали власти Республики Корея и Сингапура, где уже существующее национальное право позволяет собирать личные данные в качестве необходимой меры по предотвращению инфекционных заболеваний и блокирования распространения инфекции [13].

Кроме того, необходимо достижение баланса интересов и соблюдения права на невмешательство в личную жизнь лиц, заболевших COVID-19, а также интересов и прав населения на получение точной и доступной информации о COVID-19 с целью принятия безопасных с точки зрения охраны здоровья решений. Как следствие, информирование общества об угрозах и последствиях пандемии COVID-19 при обеспечении неприкосновенности личной жизни человека во многом является вопросом качества деятельности средств массовой информации и государства в лице государственных органов. В целом же необходимо понимание того, что в то время как инструментом недопущения паники среди населения в период COVID-19 является предоставление максимально полной и достоверной информации, необходимо также заботиться о неразглашении информации о личной жизни, составляющих личную или семейную тайну отдельных лиц. В данной связи государства должны стремиться к тому, чтобы всевозрастающий сбор, хранение и использование личной информации, включая данные о здоровье, использовались только в целях реагирования на пандемию COVID-19, ограничивая их по объему, временными рамками в связи с пандемией и не допуская дальнейшего использования в коммерческих или каких-либо других целях.

Таким образом, в настоящее время многие правительства принимают беспрецедентные меры по отслеживанию и сдерживанию распространения COVID-19, обращаясь к информационным технологиям для сбора, обработки и обмена данными для эффективного реагирования на вызовы пандемии COVID-19. В целом можно отметить, что увеличение полномочий государства в области цифрового наблюдения, таких как получение доступа к данным о местоположении человека, угрожает неприкосновенности личной жизни и понижает уровень доверия к

государственным органам, что в совокупности способно оказать негативное воздействие на эффективность предпринимаемых мер по борьбе с COVID-19.

Тем не менее, право человека на неприкосновенность личной жизни должно соблюдаться даже в период пандемии COVID-19. Соответственно, все предпринимаемые государствами меры должны включать значимые гарантии защиты личной жизни человека, быть законными, необходимыми и соразмерными, ограниченными по времени и оправданными законными целями защиты общественного здравоохранения, что требует от государств особой осторожности при принятии решений о мерах по борьбе с COVID-19 при обеспечении соблюдения прав человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ensuring data privacy as we battle COVID-19 // OECD [Electronic resource]. 2020. URL : https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=128_128758-vfx2g82fn3&title=Ensuring-data-privacy-as-we-battle-COVID-19 (accessed: 07.12.2020).
2. COVID-19 and Human Rights : We are all in this together // UN Bibliogr. Inform. System [Electronic resource]. 2020. URL : https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-04/COVID-19-and-Human-Rights.pdf (accessed: 08.12.2020).
3. *Spadaro A.* COVID-19: Testing the Limits of Human Rights // Eur. J. of Risk Regulation. 2020. Vol. 11, iss. 2. P. 1–7.
4. *Ventrella E.* Privacy in emergency circumstances: data protection and the COVID-19 pandemic // ERA Forum. 2020. Vol. 21. P. 379–393.
5. *Ting D.S.W., Carin L., Dzau V.* Digital technology and COVID-19 // Nat. Med. 2020. Vol. 26. P. 459–461.
6. Здоровье или право на частную жизнь: использование отслеживающих устройств для борьбы с пандемией // Новости ООН [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/10/1387742/ (дата доступа: 30.11.2020).
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме, 4 нояб. 1950 г. : в ред. от 13 мая 2004 г. // Совет Европы [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата доступа: 10.12.2020).
8. Szabó v. Hungary : Communication, 3 July 2017, App. № 48725/17 // European Court of Human Rights [Electronic resource]. 2017. URL : http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-178413 (accessed: 10.12.2020).
9. Considerations for quarantine of individuals in the context of containment for coronavirus disease (COVID-19): interim guidance // World Health Organization [Electronic resource]. 2020. URL : https://apps.who.int/iris/handle/10665/331497 (accessed: 10.12.2020).
10. Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах : приняты Комиссией ООН по правам человека 28 сент. 1984 г. // Организация

Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.refworld.org.ru/docid/4933d0b22.html (дата доступа: 10.12.2020).

11. Права человека в период COVID-19. Уроки эпидемии ВИЧ-инфекции: эффективное реагирование силами сообщества // ЮНЭЙДС [Электронный ресурс]. URL: https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/human-rights-and-covid-19_ru.pdf/ (дата доступа: 10.12.2020).

12. Ulteriori disposizioni attuative del decreto-legge 23 febbraio 2020, n. 6, recante misure urgenti in materia di contenimento e gestione dell'emergenza epidemiologica da COVID-19, applicabili sull'intero territorio nazionale // Gazzetta Ufficiale [Electronic resource]. 2020. URL : https://www.gazzettaufficiale.it/eli/gu/2020/03/09/62/sg/pdf (accessed: 10.12.2020).

13. South Korea: Legal Responses to Health Emergencies // Library of Congress [Electronic resource]. 2020. URL : https://www.loc.gov/law/help/health-emergencies/southkorea.php (accessed: 10.12.2020).

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

М. О. Дудко

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь,

Статья посвящена анализу правового механизма защиты персональных данных в сети Интернет. Автор анализирует вопросы, касающиеся структуры правового механизма обеспечения защиты персональных данных в сети Интернет, субъектного состава правоотношений в области защиты персональных данных в сети Интернет. Автор предлагает меры, направленные на создание и эффективное функционирование правового механизма защиты персональных данных в сети Интернет.

Ключевые слова: Интернет; персональные данные; защита персональных данных.

LEGAL MECHANISM FOR THE PROTECTION OF PERSONAL DATA ON THE INTERNET

M. O. Dudko

The National Centre of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus, 1a Bersona Street, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the analysis of the legal mechanism of personal data protection on the Internet. The author analyzes issues related to the structure of the legal mechanism for ensuring the protection of personal data on the Internet, the subject structure of legal relations in the field of personal data protection on the Internet. The author suggests measures aimed at creating and effective functioning of the legal mechanism for the protection of personal data on the Internet.

Key words: Internet; personal data; protection of personal data.

Создание, развитие и повсеместное внедрение Глобальной компьютерной сети Интернет (далее – Интернет) во все сферы общественной жизни перевернуло сознание всего мирового сообщества. Интернет стал не только платформой для поиска и передачи информации, но и второй сущностью человека, местом, где он проводит значительную часть своей жизни, а само право на доступ к Интернету в 2011 году Организацией Объединённых Наций (далее – ООН) было признано в качестве базового, неотъемлемого права человека [1]. Посредством сети Интернет личность реализует целый комплекс политических, экономических, социальных, культурных прав и свобод, совершает юридически значимые действия. Так, согласно данным, представленным Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, в 2019 году доступ населения в возрасте от 6 – 72 лет к услугам сети Интернет составлял 82,8% от общей численности населения [2]. В 2019 году 37,8% населения Республики Беларусь в возрасте 6 – 72 лет использовали сеть Интернет для осуществления финансовых операций, а 19% населения осуществляли взаимодействие с органами государственного управления непосредственно через сеть Интернет [3]. Вполне очевидно, что эти показатели в 2020 году, в условиях пандемии короновируса, будут значительно выше, а тенденция использования сети Интернет в качестве основного способа коммуницирования субъектов будет только расти.

Доступ к почти неограниченному количеству информации, быстрота и эффективность поиска и передачи данных, возможность обрабатывать и хранить огромные массивы сведений, трансграничный характер сети – всё это неоспоримые преимущества использования Интернета. Более того, Интернет и созданные на его основе информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) оказывают существенное влияние на развитие и трансформацию права в целом и прав человека в частности. Исключением не стал и институт персональных данных. Так, с развитием ИКТ, право на защиту персональных данных уже не рассматривается исключительно через призму защиты частной жизни индивида. Как справедливо отмечает в своей работе Т. Д. Оганесян: «право на защиту персональных данных сегодня находится в промежуточном состоянии: его уже нельзя в полной мере рассматривать ни как часть права на уважение частной жизни, ни в качестве полноценного и самостоятельного права» [4, с. 48]. Влияние ИКТ и Интернета на зарождение и развитие института персональных данных можно проследить в формировании не типичных, ранее не существовавших правомочий в отношении персональных данных, а именно «право на забвение» (или по-другому, право быть забытым),

право на уведомление, право на геоблокацию своих данных и т.д. Однако, взаимодействие Интернета и персональных данных порождает не только возникновение новых правомочий, но и ряд конфликтов. Так, например, в праве и доктрине остаётся открытым вопрос о соотношении права на защиту персональных данных с правом на свободу мнений и их свободным выражением, в том числе, посредством сети Интернет. Немаловажным является разрешения конфликта в сфере соотношения защиты персональных данных индивида и охраны публичных интересов. Так, неоднозначную оценку общественности вызвало принятие в 2016 году Российской Федерацией, так называемого, «закона Яровой», обязавшего Интернет-провайдеров и операторов сотовой связи хранить в течении определённого промежутка времени текстовые, аудио- и видео-сообщения пользователей. Целью принятия данных предписаний было обеспечение общественной безопасности в контексте противодействия террористическим угрозам. Также, приоритетным направлением правовой регламентации отношений является решение вопроса о размещении общедоступных данных в сети Интернет и защите персональных данных. Таким образом, создание и функционирование действенного и эффективного правового механизма обеспечения защиты персональных данных в сети Интернет является особенно актуальным.

Отдельные элементы правового обеспечения защиты персональных данных в сети Интернет рассматривались в работах Я. В. Кудашкина [5], М. Е. Черемисиновой [6], Т. Д. Оганесяна [4], Э. В. Талапиной [7], С. А. Шадрина [8], А. В. Даниленкова [9], А. И. Ковлера [10] и др. Достаточное количество исследований, посвящённых данной проблематике, свидетельствует о том, что в правовой науке накоплен значительный опыт в изучении вопросов правовой регламентации защиты персональных данных в сети Интернет. В тоже самое время, в ряде работ исследования защиты персональных данных в сети Интернет не являются предметной темой и носят лишь фрагментарный характер. Таким образом, данное исследование направлено на устранение вышеназванного недостатка, а также формирование правового механизма защиты персональных данных в сети Интернет.

Структура правового механизма обеспечения защиты персональных данных в сети Интернет предполагает наличие следующих элементов: 1) наличие правоотношений в области защиты персональных данных в сети Интернет, 2) создание и функционирование правовых норм, регулирующих данные правоотношения. Рассматривая правоотношения в сфере защиты персональных данных в сети Интернет следует остановиться на ряде ключевых моментов. Во-первых, субъектный состав данных правоотношений достаточно разнообразен. Так, например,

субъектами данного рода отношений могут быть физические лица, являющиеся субъектами персональных данных, государство, в лице уполномоченных органов, осуществляющих сбор, хранение и обработку персональных данных индивида, Интернет-провайдеры, предоставляющие доступ к сети Интернет, социальные сети и мессенджеры, имеющие доступ к персональным данным физического лица и др. По сути, участниками правоотношений в области защиты персональных данных в сети Интернет могут выступать абсолютно любые лица, имеющее доступ в сеть.

Во-вторых, объектом данного рода отношений выступают конкретные действия, связанные с персональными данными. В отношении персональных данных предусмотрен их сбор, хранение, использование, передача и обработка. При этом, определённое действие зависит как от статуса субъектов, вступающих в правоотношения, так и от вида персональных данных, по поводу которого эти отношения складываются. Так, например, анализ политик конфиденциальности крупнейших IT-компаний мира показывает, что сведения, которые они собирают в процессе своей деятельности можно разделить на несколько групп: 1) данные об использовании сервисов: посещаемые веб-страницы, поисковые запросы и т.д., 2) контакты и отношения субъектов, 3) сведения об устройствах: операционная система, параметры устройства, наименование и тип программного обеспечения, 4) данные о местоположении (геолокационные сведения), 5) сведения о файлах и передаваемых данных посредством онлайн-сервисов: содержимое файлов, музыка, видео [11, с. 222 – 223]. В тоже самое время, органы государственной власти и управления, как правило, осуществляют сбор, обработку и хранение номинативной информации о физическом лице: фамилия, имя, отчество, идентификационный номер, число, год и месяц рождения и т.д. Также, в зависимости от вида персональных данных установлены определённые ограничения на совершение конкретных действий. Так, например, в ч. 1 ст. 10 Федерального закона Российской Федерации «О персональных данных» предусмотрено, что обработка специальных категорий персональных данных, касающихся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни, не допускается [12]. В тоже самое время, существование общедоступных источников персональных данных, которые создаются с целью информационного обеспечения и содержат сведения, сообщаемые самим субъектом персональных данных, подразумевает свободный оборот таких данных, без каких-либо правовых ограничений.

В-третьих, содержание, т.е. наличие субъективных прав и обязанностей, правоотношений в области защиты персональных данных в сети Интернет ничем не отличается от реальной, оффлайн среды. Участники данных правоотношений могут свободно реализовать предоставленные им права, а также исполнять возложенные на них обязанности. По сути, являясь средой виртуальной, сеть Интернет подчиняется вполне реальным законам. Однако, как отмечает Я. В. Кудашкин, единственной специфической чертой данных правоотношений, является их трансграничность, так как сеть Интернет позволила сделать территориальные границы более прозрачными и превратила виртуальное пространство в новое юридическое поле, которое стало наднациональным пространством [5, с. 72 – 73].

Наличие правовых норм, регулирующих отношения в сфере защиты персональных данных в сети Интернет, является неотъемлемым элементом в структуре правового механизма обеспечения безопасности данного рода информации. Как уже было отмечено выше, для сети Интернет не существует привычных нам территориальных границ, Интернет носит трансграничный, наднациональный характер. Таким образом, нормирование отношений в сфере защиты персональных данных в сети Интернет должно осуществляться на двух уровнях: международном и национальном. Сегодня, на международном уровне действует ряд нормативных документов, отдельные элементы которых направлены на защиту персональных данных в сети Интернет. Конвенция Совета Европы № 108 «О защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера» фактически заложила основы правового обеспечения защиты персональных данных на международном уровне [13]. Так в ст. 1 данной Конвенции декларируется, что цель Конвенции состоит в обеспечении на территории каждой стороны для каждого физического лица независимо от его гражданства или местожительства, уважения его прав и основных свобод, и в частности его права на неприкосновенность частной жизни, в отношении автоматизированной обработки касающихся его персональных данных. С введением в действие данного международного документа в европейских странах начался процесс разработки и принятия национальных правовых актов, направленных на обеспечение безопасности персональных данных. На сегодняшний день Конвенция ратифицирована 55 государствами. К слову, данный международный документ носит открытый характер и присоединиться к Конвенции могут не только члены Совета Европы, но и государства, не являющиеся таковыми.

Следующим международным документом, затрагивающим безопасность персональных данных в сети Интернет, стала Конвенция Совета Европы № 185 «О компьютерных преступлениях» [14]. По своей сути данная Конвенция стала первым международным договором, создавшим правовой механизм противодействия преступлениям в киберпространстве. Ряд статей данной Конвенции затрагивают вопросы безопасности персональных данных, в том числе безопасности в сети Интернет. Так, в ст. 2 закреплено, что каждая Сторона принимает законодательные и иные меры, необходимые для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления согласно ее внутригосударственному праву доступ, когда он является преднамеренным, к компьютерной системе в целом или любой ее части неправомерно [14]. Параграфом 3 ст. 16 предусмотрено, что каждая Сторона принимает законодательные и иные меры, необходимые для того, чтобы обязать хранителя или другое лицо, которому поручено обеспечивать сохранность компьютерных данных, сохранять конфиденциальность выполнения таких процедур в течение срока, предусмотренного ее внутригосударственным правом [14]. В ст. 20 данной Конвенции декларируется, что каждая Сторона принимает законодательные и иные меры, необходимые для предоставления ее компетентным органам полномочий, собирать или записывать с применением технических средств на территории этой Стороны данные о потоках информации в режиме реального времени, а также обязать поставщиков услуг в пределах имеющихся у них технических возможностей собирать и записывать, а также предоставлять компетентным органам такого рода данные [14]. Однако, стоит констатировать тот факт, что данная Конвенция является устаревшей, а положения, закреплённые в ней, нуждаются в пересмотре. Как отмечает И. И. Рогачёв: «в годы принятия и разработки Конвенции не существовало таких сложных проблем, как современные бот-сети. Конвенция явно не предусматривает должных мер в ответ на злободневные проявления киберпреступности, например, в отношении повсеместной спамерской деятельности и сетевого мошенничества» [15].

Немаловажное значение в сфере защиты персональных данных в сети Интернет играют акты Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР). Базовым нормативным документом данной организации, регулирующим отношения в сфере защиты персональных данных в сети Интернет, являются Рекомендации Совета ОЭСР по принципам разработки государственной Интернет-политики [16]. Так, к базовым принципам данный документ относит согласованную и эффективную защиту частной жизни на мировом уровне. Для

использования всего экономического и социального потенциала Интернета необходимо, чтобы частная жизнь была достаточно защищена. Уже известные проблемы, касающиеся защиты частной жизни, будут лишь обостряться по мере возрастания зависимости экономики и общества от широкого и инновационного использования информации персонального характера, которую станет проще собирать, сохранять и анализировать [7, с. 123]. Важным принципом, закреплённым в данных Рекомендациях, является принцип согласованности основных, фундаментальных прав человека, таких как право на свободу слова, право на свободу прессы и право на открытое и транспарентное правление с нормами, регулирующими защиту частной жизнь индивида. Повышенное внимание ОЭСР уделяет персональным данным, составляющим информацию о здоровье человека. Разработанные в 2016 году Рекомендации Совета ОЭСР по управлению данными о здоровье [17] предусматривают, что лица, персональные данные о здоровье которых собраны, получают информацию об обработке персональных данных о своем здоровье, в том числе и о возможном ознакомлении с этими данными уполномоченных третьих лиц, а также о целях и преимуществах юридических оснований их обработки в четко выраженных, легко понятных и хорошо читаемых терминах. Их должны оперативно предупреждать о любых серьезных нарушениях или ином незаконном использовании персональных данных о здоровье. Если нет возможности предупредить каждое заинтересованное лицо, извещение осуществляется посредством эффективной публичной коммуникации.

В рамках Европейского Союза нормативным документом, обеспечивающим защиту персональных данных, в том числе и в сети Интернет, является Общий Регламент по защите данных (General Data Protection Regulation) [18]. Заложенный в данном Регламенте механизм правового обеспечения защиты персональных данных предусматривает, что под его действие подпадает полностью или частично автоматизированная обработка персональных данных граждан Европейского Союза как на территории Союза, так и за его пределами физическими или юридическими лицами, государственными органами и другими институтами и организациями. Таким образом, под действие Регламента подпадают десятки и сотни миллионов пользователей сети Интернет. По охвату субъектов, на которых распространяются положения данного документа, он является самым масштабным. Одной из особенностей Регламента является то, что он усиливает уже существующие права граждан в отношении своих персональных данных, а также вводит новые. Так, например, субъектам персональных данных гарантируется право на переносимость своих данных, право на

исправление своих данных, право на удаление (или иначе «право на забвение»), право на возражение и ряд других правомочий, впервые закреплённых в нормативном документе. Важным нововведением, закреплённым в Регламенте, является введение должности специально уполномоченного сотрудника по защите данных, а также создание надзорного учреждения – Европейского совета по защите данных. Таким образом, Общий Регламент по защите данных является наиболее эффективным международным документом, обеспечивающим защиту персональных данных в сети Интернет на современном этапе.

На национальном уровне в ряде государств приняты правовые акты, регулирующие отношения в сфере защиты персональных данных. Весь массив нормативных документов, обеспечивающих безопасность персональных данных можно разделить на две группы. К первой группе относятся государства, где приняты специализированные правовые акты, комплексно регулирующие отношения в сфере защиты персональных данных. К таким государствам, например, относятся Великобритания [19], Испания [20], Германия [21], Российская Федерация [12], Япония [22] и ряд других государств. Для большинства государств данной группы характерной чертой является то, что в ходе разработки и принятия специализированных национальных актов были учтены, а также имплементированы нормы Конвенции Совета Европы «О защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характер», а с принятием и вступлением в действие Европейского Регламента по защите данных национальное законодательство стран-участниц Европейского Союза было скорректировано и приведено в соответствие ним. Вторую группу образуют государства, где отсутствует специализированный нормативный документ, направленный на защиту персональных данных. Правовое обеспечение безопасности персональных данных в таких государствах осуществляется в зависимости от сферы общественной жизни, в которой используются такого рода данные. Так, например, в США действует Закон о защите частной жизни в сфере видеопроката (The US Video Privacy Protection Act of 1988) [23], в сфере защиты персональных данных в финансовом секторе принят Закон Грэма-Лич-Блайли 1999 г. (Gramm-Leach-Bliley Act of 1999) [24], для защиты персональных данных детей в онлайновой среде функционирует Закон о защите частной жизни детей в онлайн среде (The Children’s Online Privacy Protection Rule of 2013) [25]. Аналогичным образом осуществляется защита персональных данных в Китае. Правила обработки, хранения, передачи и использования персональных данных закреплены в ряде отраслевых документов: 1) «Административные меры для онлайн-транзакций», 2) «Меры по охране персональных данных при оказании

почтовых и курьерских услуг», 3) «Меры по охране персональных данных при ведении медицинских записей медицинскими организациями», 4) Закон Китайской Народной Республики «О защите прав потребителей» [11, с. 130, 134]. Отсутствие специализированного документа, комплексно регулирующего защиту персональных данных в сети Интернет, а также отраслевое регулирование данного рода отношений препятствует созданию действенного механизма правового регулирования, направленного на защиту персональных данных в Интернете.

Таким образом, для создания и эффективного функционирования правового механизма защиты персональных данных в сети Интернет требуется разработка и принятие на международном уровне единых норм и стандартов, которые затем будут имплементированы в национальное право. Всё это позволит говорить о слиянии правовых систем, что в конечном счете приведет к единообразному взгляду на вопросы правовой регламентации защиты персональных данных в сети Интернет, а также установлению и функционированию единого механизма регулирования и ответственности.

В ходе проведённого исследования автором были сформулированы следующие выводы:

1. Структура правового механизма обеспечения защиты персональных данных в сети Интернет предполагает наличие следующих элементов: 1) наличие правоотношений в области защиты персональных данных в сети Интернет, 2) создание и функционирование правовых норм, регулирующих данные правоотношения.

2. Субъектный состав правоотношений в области защиты персональных данных в сети Интернет достаточно разнообразен: начиная от физических лиц, кому персональные данные принадлежат и заканчивая Интернет-провайдерами, социальными сетями и мессенджерами. По сути, участниками правоотношений в области защиты персональных данных в сети Интернет могут выступать абсолютно любые лица, имеющее доступ в сеть. Объектом данного рода отношений выступают конкретные действия, связанные с персональными данными. В отношении персональных данных предусмотрен их сбор, хранение, использование, передача и обработка. Содержание, т.е. наличие субъективных прав и обязанностей, правоотношений в области защиты персональных данных в сети Интернет ничем не отличается от реальной, оффлайн среды. Участники данных правоотношений могут свободно реализовать предоставленные им права, а также исполнять возложенные на них обязанности. По сути, являясь средой виртуальной, сеть Интернет подчиняется вполне реальным законам.

3. В силу трансграничного, наднационального характера сети Интернет, нормирование отношений в сфере защиты персональных данных в сети должно осуществляться на двух уровнях: международном и национальном. На международном уровне приняты и действуют ряд соглашений, направленных на обеспечение безопасности персональных данных. Среди международных актов можно выделить Конвенцию Совета Европы № 108 «О защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера», которая фактически заложила основы правового обеспечения защиты персональных данных на международном уровне. Конвенция Совета Европы № 185 «О компьютерных преступлениях» стала первым международным договором, создавшим правовой механизм противодействия преступлениям в киберпространстве. Важными международными документами, направленными на защиту персональных данных в сети Интернет, являются Рекомендации Совета ОЭСР по принципам разработки государственной Интернет-политики, а также Рекомендации Совета ОЭСР по управлению данными о здоровье. В рамках Европейского Союза нормативным документом, обеспечивающим защиту персональных данных, в том числе и в сети Интернет, является Общий Регламент по защите данных (General Data Protection Regulation). На сегодняшний день, заложенный в данном Регламенте правовой механизм защиты персональных данных является наиболее действенным и эффективным.

4. На национальном уровне в ряде государств приняты правовые акты, регулирующие отношения в сфере защиты персональных данных. Весь массив нормативных документов, обеспечивающих безопасность персональных данных можно разделить на две группы. К первой группе относятся государства, где приняты специализированные правовые акты, комплексно регулирующие отношения в сфере защиты персональных данных. Вторую группу образуют государства, где отсутствует специализированный нормативный документ, направленный на защиту персональных данных. Правовое обеспечение безопасности персональных данных в таких государствах осуществляется в зависимости от сферы общественной жизни, в которой используются такого рода данные.

5. Для создания и эффективного функционирования правового механизма защиты персональных данных в сети Интернет требуется разработка и принятие на международном уровне единых норм и стандартов, которые затем будут имплементированы в национальное право. Всё это позволит говорить о слиянии правовых систем, что в конечном счете приведет к единообразному взгляду на вопросы правовой регламентации защиты персональных данных в сети Интернет, а также

установлению и функционированию единого механизма регулирования и ответственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *La Rue F.* Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression [Electronic resource]. URL : https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (accessed: 16.12.2020).
2. Доступ населения в возрасте 6 – 72 лет к услугам сети Интернет // Белстат [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/dostup-naseleniya-v-vozraste-6-72-let-k-uslugam-seti-internet/ (дата обращения: 16.12.2020).
3. Использование информационно-коммуникационных технологий населением // Белстат [Электронный ресурс]. 2019. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/infograf-transport-2-200915.pdf (дата обращения: 16.12.2020).
4. *Оганесян Т. Д.* Право на защиту персональных данных: исторический аспект и современная концептуализация в эпоху Big Data // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 2. С. 48–63.
5. *Кудашкин Я. В.* Правовое обеспечение безопасности обработки персональных данных в сети Интернет: дис. … канд. юрид. наук : 12.00.13. М., 2019. 199 л.
6. *Черемисинова М. Е.* Правовой статус субъектов в сети Интернет : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2020. 273 л.
7. *Талапина Э. В.* Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 5. С. 117–150.
8. *Шадрин С. А.* Правовое регулирование защиты персональных данных в Европейском Союзе: генезис и перспективы развития : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.10. Казань, 2019. 309 л.
9. *Даниленков А. В.* Принцип приватности в интернет-праве // Хозяйство и право. 2017. № 1. С. 89–104.
10. *Ковлер А. И.* Права человека в цифровую эпоху // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019.№ 6. С. 146–150.
11. *Дупан А. С.* Новая парадигма защиты и управления персональными данными в Российской Федерации и зарубежных странах в условиях развития систем обработки данных в сети Интернет / А. С. Дупан, А. К. Жарова, В. М. Елин и др. ; под ред. А. С. Дупан. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 343 с.
12. О персональных данных : Федер. закон, 27 июля 2006 г., № 152-ФЗ : ред. от 31.12.2017 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
13. О защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера : Конвенция Совета Европы от 23.11.2001, № 185 // Совет Европы [Электронный ресурс]. 1981. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680078c46 (дата доступа: 16.12.2020).

14. О компьютерных преступлениях: Конвенция Совета Европы от 23.11.2001, № 185 // Совет Европы [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://rm.coe.int/1680081580 (дата доступа: 16.12.2020).

15. Российский дипломат назвал Будапештскую конвенцию по киберпреступлениям устаревшей // Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/4782506 (дата обращения: 17.12.2020).

16. OECD Council Recommendation on Principles for Internet Policy Making // OECD [Electronic resource]. URL : http://www.oecd.org/digital/ieconomy/oecd-principles-for-internet-policy-making.pdf (accessed: 17.12.2020).

17. Recommendation on Health Data Governance. The Next Generation of Health Reforms. OECD Health Ministerial Meeting. 17 January 2017 // OECD [Electronic resource]. 2017. URL : https://www.oecd.org/health/ministerial/ministerial-statement-2017.pdf (accessed: 17.12.2020).

18. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) [Electronic resource]. URL : https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679 (accessed: 17.12.2020).

19. Data Protection Act 2018 // www.legislation.gov.uk [Electronic resource]. URL : http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/pdfs/ukpga_20180012_en.pdf (accessed: 17.12.2020).

20. Ley Orgánica 15/1999, de 13 de diciembre, de Protección de Datos de Carácter Personal // www.boe.es [Electronic resource]. URL : https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1999-23750 (accessed: 17.12.2020).

21. Zweites Gesetz zur Anpassung des Datenschutzrechts an die Verordnung (EU) 2016/679 und zur Umsetzung der Richtlinie (EU) 2016/680 (Zweites Datenschutz-Anpassungs- und Umsetzungsgesetz EU - 2. DSAnpUG-EU) // www.bgbl.de [Electronic resource]. URL : https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl117s2097.pdf#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s2097.pdf%27%5D__1589746072188 (accessed: 17.12.2020).

22. Act on the Protection of Personal Information (Act No. 57 of 2003) // http://www.cas.go.jp [Electronic resource]. URL : http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/APPI.pdf (accessed: 17.12.2020).

23. Title 18. CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE / Part I. CRIMES / Chapter 121. STORED WIRE AND ELECTRONIC COMMUNICATIONS AND TRANSACTIONAL RECORDS ACCESS. Section 2710. Wrongful disclosure of video tape rental or sale records // U.S. Code [Electronic resource]. URL : https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2710 (accessed: 17.12.2020).

24. Title 15. COMMERCE AND TRADE / Chapter 94. PRIVACY / Subchapter I. DISCLOSURE OF NONPUBLIC PERSONAL INFORMATION. Section 6809. Definitions // U.S. Code [Electronic resource]. URL : https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/6809 (accessed: 17.12.2020).

25. Title 16. Commercial Practices. Chapter I. FEDERAL TRADE COMMISSION / Subchapter C. REGULATIONS UNDER SPECIFIC ACTS OF CONGRESS. Part 312. CHILDREN'S ONLINE PRIVACY PROTECTION RULE / Section 312.2. Definitions // Electronic Code of Federal Regulations (e-CFR) [Electronic resource]. URL : https://www.law.cornell.edu/cfr/text/16/312.2 (accessed: 17.12.2020).

О ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАН ПРИ ЭЛЕКТРОННОМ ГОЛОСОВАНИИ

А. Г. Кунец

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь,

В статье автор анализирует проблемы использования информационно-коммуникационных технологий в общественных отношениях, рассматривает возможности использования электронного удостоверения личности, а также уделяет внимание вопросам тайного электронного голосования. Автор делает выводы касательно возможности использования электронного голосования, а также дает рекомендации относительно недопустимости негативного влияния цифровизации на права человека.

Ключевые слова: персональные данные; электронное голосование; информационно-коммуникационные технологии.

ON THE PROTECTION OF PERSONAL DATA OF CITIZENS IN ELECTRONIC VOTING

A.H. Kunets

The National Center of Legal Information of the Republic of Belarus,
1a Bersona Street, Minsk 220030, Belarus

The author analyzes the problems arising out of the use of information and communication technologies in public relations, considers the possibility of using an electronic identity card and pays attention to the issues of secret electronic voting. The author makes conclusions about the possibility of using electronic voting, and also makes recommendations on the inadmissibility of the negative impact of digitalization on human rights.

Key words: personal data; electronic voting; information and communication technologies.

Цифровизация оказывает воздействие на право не только как на систему общеобязательных правил поведения, установленных государством, но и как на результат его деятельности, правовой порядок с реальными правоотношениями, действиями субъектов права и видами юридической деятельности [1, с. 10]. В демократическом обществе, с одной стороны, достижения в сфере науки и технологий рассматриваются как основа стабильного развития нации, сохранения устойчивых темпов экономического роста. С другой стороны, вопросы регулирования сферы общественных отношений в такой ее чувствительной части, как участие

населения в вопросах управления государством, все еще является предметом научно-правового обсуждения и осмысления.

Одной из сфер общественных отношений, испытавших наиболее сильное воздействие цифровизации, являются формы взаимодействия народа и власти, при которой процессы информирования и вовлечения граждан в политику, голосование, совместное обсуждение и принятие решений осуществляется на всех уровнях (от местного до государственного и наднационального) на основе ИКТ [2] – электронная демократия.

ИКТ в рамках электронной демократии сегодня проявляются в различных формах непосредственного участия граждан в управлении делами государства: государственно-политических (народные голосования (референдумы), выборы, доступ к государственной службе, право в отправлении правосудия, молодежный парламент, национальный проект), общественно-политических (общественная палата, общественная экспертиза, общественные организации, общественная инициатива, общественное обсуждение инициатив исполнительной власти и общественное обсуждение в области нормотворчества) и индивидуальных (обращение граждан, телефон доверия, общественная приемная, «прямая линия»).

В рамках государственно-политических и общественно-политических форм непосредственного участия граждан в управлении делами государства использование ИКТ получило наибольшее распространение в Республике Хорватия (общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов на интернет-портал savjetovanja.gov.hr; создание онлайн-петиций на сайтах peticija24.com, openpetition.eu/hr); в Соединенных Штатах Америки (использование on-line регистрации избирателей на официальном правительственном сайте vote.gov; формирование электронных петиций на официальном сайте petitions.whitehouse.gov; использование приложений «демократии совместной работы» по вовлечению граждан в управление государством: iLiveAt; CitySourced; Open Town Hall; Open311; DistrictBuilder и проч.); во Французской Республике (организация общественных обсуждений в рамках ателье и конференций для граждан, on-line консультаций, открытого правительства www.democracy.community; проведение мероприятий по вовлечению профессионалов в обсуждение и решение государственных вопросов в рамках платформы www.etalab.gouv.fr); в Швейцарской Конфедерации (использование систем интернет голосования на выборах кантонального и конфедерального уровня CHVote, sVote и VoteInfo, доступных на портативных устройствах: мобильных телефонах, планшетах; формирование электронных петиций

на портале www.admin.ch/gov; реализация общественных инициатив, общественного обсуждения, реализуемых на конфедеральном портале www.ch.ch); в Эстонской Республике (использование ID-карт для электронного голосования на выборах или референдумах, регистрация избирателя и получение информационного листка на портале eesti.ee, использование платформы гражданских инициатив и общественных обсуждений Rahvaalgatus.ee).

Так ИКТ в той или иной мере применяются на всех стадиях избирательного процесса: обмен информацией с использованием ИКТ между избирателями, кандидатами, партиями, организаторами выборов, наблюдателями и т.д.; ведение электронного регистра избирателей; реализация широкого спектра избирательных прав с использованием ИКТ: включение в списки избирателей, регистрация в качестве кандидата и т.п.; ведение агитации; голосование; осуществление административного и общественного контроля; дистанционное обучение организаторов и участников выборов; противодействие противоправным технологиям, распространению ложной информации («fake news») и т.п.

Наряду с наполнением концепта «гражданское общество» новым цифровых содержанием, электронная демократия отличается широким использованием ИКТ изменившим избирательный процесс – электронном голосовании (electronic voting, e-voting). Впервые термин «электронное голосование» был использован в 60-г. XX в. и подразумевал выражение волеизъявления избирателей посредством использования электронных средств (персональных компьютеров) для подачи и подсчета голосов избирателей.

Правовой доктриной выделяются различные виды систем электронного голосования. В частности, Т.С. Масловская выделяет систему голосования перфокартами, систему оптической нумеризации, систему прямого электронного регистрирования, Интернет [3]. Г.У. Садекова, Е.А. Токарева подразделяют средства для электронного голосования на средства электронного подсчета голосов (комплексы обработки избирательных бюллетеней), средства электронного голосования, голосование с помощью терминалов, установленных на избирательных участках, дистанционное голосование при помощи сети Интернет и при помощи мобильной связи и сотовых телефонов [4]. Я.В. Антонов исходит из перспективности развития лишь дистанционных электронных способов голосования, так как без их применения «система электронного голосования является лишь эффективной системой подсчета голосов» [5, с. 70].

В рамках использования ИКТ как механизма, позволяющего реализовать право граждан на волеизъявление, оптимальным видится

выделение трех видов выражения волеизъявления (голосования): бумажно-электронное голосование, голосование через электронный терминал на избирательных пунктах, удаленное (дистанционное) электронное голосование.

Бумажно-электронный вид голосования представляет собой голосование посредством обычных бумажных бюллетеней, обрабатываемых электронным способом. Подобный вид обработки применяется во многих странах, а том числе в Российской Федерации посредством использования комплексов обработки избирательных бюллетеней. Голосование при помощи специального электронного терминала, установленного на избирательном пункте и позволяющего осуществлять как сбор поданных голосов, так и их обработку и подсчет. Подобный вид волеизъявления законодательно закреплен в Избирательном кодексе Французской Республике [6], в Акте Соединенных Штатов Америки «О помощи при голосовании» [7]. Удаленное (дистанционное) электронное голосование является одним из самых перспективных форм электронного голосования. Данный вид дистанционного голосования используется на различных уровнях в Швейцарии и в Эстонии.

В Швейцарии дистанционное электронное голосование происходит в рамках кантональных выборов или референдумов [8]. Избиратель приобретает одноразовую карточку с уникальным ID-кодом, которым он затем вводит на сайте электронного голосования [9]. В Эстонии дистанционное электронное голосование осуществляется с помощью электронных идентификационных карт [10, параграф 21 п. 21], которые одновременно выполняют функцию удостоверения личности и не требуют предварительного получения секретных кодов и ключей.

Использование электронного удостоверения личности являет собой практичное решение, так как оно расшивает доступность процессов волеизъявления, делая его доступным и прозрачным для гражданина, обеспечивая участие широкого возрастного среза населения в процессе народовластия в государстве. Вместе с тем, позитивные эффекты внедрения ИКТ в избирательный процесс, влияние цифровизации не всегда однозначно. В частности, сопровождающие интенсивный «цифровой» процесс негативные эффекты могут вести к ущемлению прав и свобод граждан [11, с. 4]: проблематика обеспечения принципа тайны голосования, защиты персональных данных избирателей и в целом безопасности ресурсов проведения электронного голосования и электронного участия граждан в управлении делами государства от несанкционированных вторжений все еще остается открытой и активно обсуждается в доктрине.

При проведении выборов, референдумов без использования ИКТ тайна голосования в Республике Беларусь обеспечивается законодательством о выборах и референдумах [12], в частности посредством установления единообразного обезличенного бюллетеня, его заполнения в специальной кабине или комнате для тайного голосования. При заполнении бюллетеня запрещается присутствие кого бы то ни было, кроме голосующего [12, часть вторая ст. 52].

Принцип тайны (анонимности) голосования был впервые закреплен на конституционном уровне в Конституции Французской Республики от 1795 г. [13, титул III ст. 31]. Впервые анонимные бюллетени были использованы в Австралии в 1856 г. [14], и на сегодняшний день т.н. «австралийский избирательный бюллетень» является одной из самых распространенных форм волеизъявления избирателей, участников референдума и самой надежной гарантией сохранения тайны голосования [15, с. 163].

Принцип тайного голосования нашел свое закрепление в международном праве [16, часть 3 ст. 21; 17, абзац третий ст. 25; 18, абзац третий ст. 29; 19, ст. 5], национальном праве Республики Беларусь [20, ст. 38; 13, ст. 9] и является одним из основных принципов избирательной системы. Как отмечается в доктрине, тайна голосования представляет собой институционализацию конституционного права на неприкосновенность личной жизни путем обеспечения анонимности голосования.

Соблюдение тайны голосования при электронном голосовании является ключевым принципом обеспечения безопасности при проведении голосования через Интернет в соответствии с Рекомендациями R (2004) 11 Комитета министров стран-участниц Совета Европы по правовым и техническим стандартам электронного голосования [21].

Соблюдение тайны голосования в условиях дистанционного электронного голосования может вызывать определенные сомнения. Так, эстонская система голосования не раз становилась объектом внимания международных экспертов в части соблюдения тайны голосования с учетом реального обеспечения индивидуального осуществления голосования [22]: необходимости исключения присутствия в помещении (комнате) членов семьи голосующего, т.н. «семейном голосовании», так как в рамках семейного голосования один член семьи может наблюдать за голосованием другого члена, может воздействовать на него, тем самым нарушив тайну голосования и всего избирательного права в целом.

В отношении электронного голосования доктриной (И.Б. Борисов, Н.В. Лаврик, Т.С. Масловская) также подчеркивается важность

обеспечения соблюдения тайны голосования. В частности, отмечается, что сложности в обеспечении принципа тайного голосования при электронном голосовании связаны с потребностью фиксирования и хранения персональных данных избирателя и непосредственных данных о поданном голосе для установления итогов выборов. Проблематика является актуальной так как, информация о том, как человек проголосовал, о его политических пристрастиях, которые представляют собой сенситивные (чувствительные) персональные данные, относятся к личной жизни человека, также, как и его дружеские отношения, интимные связи, медицинские данные, этническое происхождение и т.д. и не подлежат разглашению [23, параграф первый ст. 9].

Как отмечает И.Б. Борисов, принцип сохранения тайны голосования трудно реализуем с учетом необходимости проверки правильности учета каждого голоса, так как на каждой стадии анонимизации голоса избирателя прерывается логическая цепочка правильности его учета и возможность пересчета голосов [11, с. 8]. Проблематика, очерченная И.Б. Борисовым, не лишена оснований, вместе с тем, предлагаемый нами риск-ориентированный принцип защиты персональных данных подразумевает процесс обезличивания данных проголосовавших посредством обратимых и необратимых видов обезличивания персональных данных: псевдонимизации и анонимизации соответственно [24, с. 28]. Практический потенциал использования обезличивания является широким и может быть реализован в рамках правового регулирования общественных отношений в области избирательного права. Позитивными примерами обеспечения тайны электронного голосования являются замена единого поименного списка избирателей ID-картами голосующих, «перемешивание» электронной урны перед ее открытием (Швейцария); хранения данных о проголосовавших на двух обособленных невзаимосвязанных носителях (Канада, Нидерланды).

На законодательном уровне механизмы обеспечения тайны электронного голосования закрепляются в технических нормативных правовых актах: в частности, в Швейцарии требования к структуре процедуры обеспечения электронного голосования содержатся в Приложении к Постановлении Федеральной канцелярии об электронном голосовании от 13 декабря 2013 г.: подготовка криптографических ключей [9, п. 2.2], обеспечение конфиденциальности и секретности персональных данных [9, п. 2.8], общие требования безопасности к проведению электронного голосования [9, п. 3].

В связи с вышеизложенным отметим, что электронное голосование является первым шагом к повсеместному внедрению информационно-коммуникационных технологий для качественно нового развития и

обеспечения демократических процессов. Вместе с тем, во избежание рисков негативного воздействия цифровизация на права и свободы человека от законодателя требуется высокая скорость принятия решений в области нормативного регулирования цифровизации общественных отношений в области избирательного права. Так формирование технических нормативных правых актов в области электронного голосования основанных на риск-ориентированном подходе к обеспечению защиты персональных данных голосующих позволит гарантировать соблюдение тайны волеизъявления, сохранение анонимности голосующего и недопущение нецелевого использования полученных персональных данных голосующих [21] как рамках нормативных, так и качественных требований соблюдения тайны голосования при его электронной (дистанционной) форме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журн. Российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
2. Электронная демократия : Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 30 января 2009 г. // Совет Европы [Электронный ресурс]. 2009. URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2009]/[Jan2009]/Res1653_rus.asp (дата доступа: 17.12.2020).
3. *Масловская Т. С.* Электронное голосование: опыт зарубежных стран [Электронный ресурс]. 2009. URL: https://pandia.ru/text/78/106/166.php (дата доступа: 16.12.2020).
4. *Садекова Г. У., Токарева Е. А.* Перспективы развития электронного голосования : совершенствование законодательства в условиях сближения международного и внутригосударственного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 4. С. 28–32.
5. *Антонов Я. В.* Развитие правового регулирования электронного голосования в России // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 63–71.
6. Code électoral de la République française // LegiFrance [Electronic resource]. URL : https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070239 (accessed: 16.12.2020).
7. The Help America Vote Act of 2002 // The United States Department of Justice [Electronic resource]. URL : https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title52/subtitle2/chapter209&edition=prelim (accessed: 16.12.2020).
8. Federal Act on Political Rights of 17 December 1976 // The portal of the Swiss government [Electronic resource]. URL : https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19760323/index.html (accessed: 16.12.2020).
9. Federal Chancellery Ordinance on Electronic Voting of 13 December 2013 [Electronic resource]. URL : https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/20132343/index.html (accessed: 16.12.2020).
10. Riigikogu Election Act of 12 December 2002 [Electronic resource]. URL : https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/514112013015/consolide/current (accessed: 16.12.2020).

11. *Борисов И. Б.* На пути к электоральной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3. С. 3–10.

12. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 фев. 2000 г., № 370-З // ЭТАЛОН. Банк данных «Международные договоры» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2000.

13. Constitution du 5 Fructidor An III. Déclaration des droits et des devoirs de l'homme et du citoyen de 1789 // Conseil constituionnel [Electronic resource]. URL : https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-du-5-fructidor-an-iii (accessed: 16.12.2020).

14. *Преснякова А. В.* Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. – М., 2010. – 196 л.

15. *Newman T.* Tasmania and the Secret Ballot // Australian J. of politics and history. 2003. Vol. 49, № 1. P. 93–101.

16. Всеобщая Декларация прав человека [Электронный ресурс] : резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года // ЭТАЛОН. Банк данных «Международные договоры» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

17. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят на XXI сес. Генер. Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1976. – № 17.

18. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Банк данных «Международные договоры» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

19. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Банк данных «Международные договоры» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

20. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

21. Рекомендация R (2004) 11 Комитета министров Совета Европы по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования. [Электронный ресурс]. URL: http://www. https://docs.google.com/document/d/16XLmy2AM6m1tNTRxPZNbXqICk6AtMNHowVdQpYpkMkE/preview (дата обращения: 16.12.2020).

22. Журнал 1213-го пленарного заседания Постоянного совета: отчет от 24 января 2019 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. 2019. URL: https://www.osce.org/ru/permanent-council/412211 (дата доступа: 17.12.2020).

23. On the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) : regulation (EU) of the European Parliament and the Council, 25 April 2016, №2016/679 // Official Journal of the European Union [Electronic resource]. URL : https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=OJ:L:2016:119:TOC (accessed: 16.12.2020).

24. *Кунец, А. Г.* Принципы защиты персональных данных в Республике Беларусь и за рубежом // Информационное право. 2020. № 1. С. 25–30.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ САНКЦИЙ СОВЕТОМ БЕЗОПАСНОСТИ ООН ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

Аземша И.С.

Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, Минск, 220030, Беларусь, ivanazemsha@mail.ru

В статье анализируются правовые основы для введения санкций Советом Безопасности ООН, а также предпринята попытка оценить их эффективность. В статье также рассматривается возможность установления судебного контроля в отношении санкций, принимаемых Советом Безопасности ООН. По итогам проведенного исследования в статье предлагается рассмотреть возможность создания специальной палаты в рамках Международного Суда ООН, которая бы осуществляла контролирующие функции в отношении решений Совета Безопасности ООН, связанных с принятием санкций в отношении государств. В процессе написания работы были использованы общие методы научного познания, а также частнонаучные методы, используемые в юридических науках – метод сравнительного правоведения и формально-юридический метод.

Ключевые слова: санкции, принудительные меры; Совет Безопасности; Международный Суд ООН; судебный контроль.

TO THE QUESTION OF THE EFFECTIVENESS AND JUSTIFICATION OF THE APPLICATION OF SANCTIONS BY THE UN SECURITY COUNCIL TO MAINTAIN PEACE AND SECURITY

Azemsha I.S.

Belarusian State University,
8 Leningradskaya Street, Minsk, 220030, Belarus, ivanazemsha@mail.ru

The article analyzes the legal framework for the imposition of sanctions by the UN Security Council, and attempts to assess their effectiveness. The article also discusses the possibility of establishing judicial control over sanctions adopted by the UN Security Council. Based on the results of the study, the article proposes to consider the possibility of creating a special chamber in the structure of the International Court of Justice, which could have exercised control functions in relation to the decisions of the UN Security Council related to the adoption of sanctions against states. In the process of preparing the manuscript, general methods of scientific research were used, as well as specific methods used in legal science - the method of comparative jurisprudence and the formal-legal method.

Key words: sanctions; coercive measures; Security Council; International Court of Justice; judicial control.

На современном этапе развития мировое сообщество сталкивается как с традиционными, так и новейшими угрозами международному миру и безопасности, что требует принятия необходимых мер реагирования. В настоящее время в качестве подобных мер, рассматриваются санкции, принимаемые Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (далее – ООН).

Несмотря на то, что указанный орган обладает достаточно широкими полномочиями в отношении действий, которые могут приниматься в ответ на угрозы миру, нарушения мира и акты агрессии, все больше в доктрине и практике высказываются мнения о достаточно низкой эффективности и необоснованности данных мер принуждения в отдельных случаях. Учитывая исключительную роль санкций, как инструмента, используемого для поддержания международного мира и безопасности, указанные аспекты нуждаются в обстоятельном научном осмыслении.

Целью данного исследования является выявление проблем, снижающих эффективность и обоснованность применения санкций Советом Безопасности ООН, и разработка научно обоснованных предложений по их разрешению.

В научной литературе термин санкции используется как в широком значении, так в узком смысле. В широком значении под санкциями понимаются как односторонние меры, принимаемые государствами, так и принудительные меры, которые принимаются Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (далее – СБ ООН) [1]. В узком значении под санкциями понимаются только принудительные меры, которые указаны в Уставе ООН [2]. В данном исследовании термин «санкции» будет рассматриваться в узком значении этого понятия.

В соответствии со статьей 41 Устава ООН СБ ООН уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений. В силу ст. 39 Устава ООН существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии определяет СБ ООН.

Санкции, по своей сути, являются единственным легально закрепленным средством, которое позволяет обеспечить решение

конфликта, не прибегая к использованию вооруженных сил. Цели принятия санкций – защита и восстановление нарушенных прав и правопорядка [3].

Так, период с 1966 г. СБ ООН ввел 30 режимов санкций. Санкции ООН могут принимать различные формы. Выработка санкций определяется той ситуацией, для решения которой он принимаются. В подавляющем числе случаев санкции применяются для обеспечения разрешения вооруженных конфликтов (60% случаев). Остальные санкции принимаются в рамках борьбы с терроризмом (14% случаев), поддержки демократии (10% случаев) и в иных целях [4].

Каждый режим санкций осуществляется под руководством определенного комитета по санкциям, возглавляемого одним из непостоянных членов Совета Безопасности. Комитеты, создаваемые резолюциями, которые вводят в действие определенный пакет санкций, осуществляют, прежде всего, контроль за выполнением санкций.

Несмотря на наличие подобных контролирующих институтов, которые, безусловно, создают условия для осуществления мониторинга воздействия принудительных мер на определенные государства или террористические организации, возникают споры относительно эффективности и целесообразности применения принудительных мер СБ ООН.

Вопрос эффективности и обоснованности санкций СБ ООН стал носить наиболее острый характер в 1990-х гг., что впоследствии привело к пересмотру характера принудительных мер, вводимых СБ ООН. Одним из поводов для обсуждения необходимости гуманизации санкций послужила ситуация, которая возникла в Ираке в результате применения санкций СБ ООН. Так, резолюция СБ ООН №661 (от 6 августа 1990 г.) предусматривала меры, которые были направлены на запрет импорта любой продукции, произведённой в Ираке, а также эмбарго на поставку любых товаров и услуг в страну, за исключением продовольствия, гуманитарной помощи и медикаментов [5]. Негативное влияние санкций ООН на социальную сферу Ирака было отмечено уже в марте 1991 г. в докладе миссии заместителя Генерального секретаря ООН М. Ахтисаари. В итоге санкции нанесли колоссальный ущерб населению Ирака, в то время, как С. Хусейн, против которого и были направлены санкции, и его окружение не пострадали и оставались у власти.

Данные события привели к тому, что с 1990-х годов в практике применения принудительных мер СБ ООН начали появляться новые виды санкций – целевые санкции, которые направлены на правящую элиту, определенные компании или сектор экономики государств, но не затрагивают население государства.

По мнению Л. Ван ден Херик, индивидуализация санкций СБ ООН является отличительной чертой развития концепции от всеобъемлющих до адресных санкций, которая отражает более общий тренд в гуманизации международного права [6].

Все же, на основании изученного, представляется возможным утверждать, что целевые санкции позволяют добиться большей справедливости в рамках применения принудительных мер СБ ООН, чем использование всеобъемлющих санкций.

Обращаясь к проблеме обоснованности применения санкций в отношении КНДР, нельзя не отметить наличие споров относительно обоснованности применения принудительных мер в отношении КНДР. К примеру, в резолюции 2371 (2017) СБ ООН указал, что распространение ядерного, химического и бактериологического оружия является «угрозой миру и безопасности». При этом факт испытания баллистических ракет КНДР несет угрозу Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Однако КНДР не является участником данного международного договора [7].

Таким образом, указанное выше свидетельствует о том, что аргументация, обосновывающая необходимость введения санкций СБ ООН, не всегда является точной с правовой точки зрения.

По мнению ученых, в своем нынешнем виде режим санкций СБ ООН носит квазисудебный характер, а санкционные процедуры не отвечают основополагающим принципам соблюдения должных процессуальных гарантий, предусмотренных в международных договорах по правам человека и в нормах международного обычного права [8]. Так, по мнению И.И. Лукашука, «допускаемое международным правом принуждение представляет собой не насилие, а одно из средств реализации права. Его необходимый признак – правомерность. Правомерность определяется в первую очередь основными целями и принципами международного права» [9, с. 39].

Соответственно, отсутствие какого-либо эффективного контроля в отношении мер, принимаемых СБ ООН, делает возможным принятие неправомерных принудительных мер, которые в силу подобного характера не будут соблюдаться государствами, которым они адресованы, так как противоречат принципу верховенства права.

А.Я. Капустин отмечает, что рассмотрение обвинений против физических и юридических лиц в ходе анализа соответствующей ситуации в СБ ООН ставит вопрос о соблюдении личных гарантий от злоупотреблений, что сближает в этом случае процедуры принятия решений в Совете с судебными процедурами. Поскольку права и свободы индивидов могут подвергаться серьезным ограничениям в результате

введения против них мер, предусмотренных адресными санкциями, то вполне обоснованно встает вопрос о необходимости соблюдения в данной процедуре требований «справедливого судебного разбирательства», как это предусмотрено во всех международно-правовых актах о правах человека, правда, в этом случае ответственность за реализацию этого права возлагается на государства [6].

Вопрос относительно применения СБ ООН санкций против физических и юридических лиц, политических или общественных организаций, террористических групп как объектов санкционного воздействия также является весьма актуальным, так как в науке и практике отсутствует единый подход относительно правомерности применения санкций в отношении данных субъектов.

Вышесказанное позволяет утверждать, что необходим орган, который, во-первых, будет получать полную информацию об объектах санкций, и, во-вторых, будет использовать единый подход к вопросу применения санкций в отношении государств, частных лиц и организаций.

Возможность осуществления судебного контроля в отношении санкций в своих научных работах предложила Е.Ф. Довгань. По мнению данного ученого, решения, признанные несоответствующими принципам и императивным нормам международного права и также принятые с превышением полномочий соответствующего органа (ultra vires), должны утрачивать свою силу с момента вынесения консультативного заключения МС ООН, а противоречащие нормам jus cogens – с момента их принятия [10].

Необходимость осуществления контроля в отношении резолюций СБ ООН, предусматривающих введение санкций, обуславливается тем, что на протяжении последних лет СБ ООН фактически приобретает все более весомые полномочия, при этом оценка соответствия круга этих полномочий Уставу ООН в рамках внешнего контроля не осуществляется.

Как показывает практика, СБ ООН не застрахован от ошибок при оценке той или иной ситуации как угрозы миру. Так, после взрывов 11 марта 2004 г. в Мадриде Советом Безопасности была сразу принята резолюция 1530 (2004). СБ ООН, опираясь на непроверенные данные и просьбы Испании, в своей резолюции возложил всю ответственность за содеянное на баскскую группировку ЭТА. Спустя некоторое время выяснилось, что совершение взрывов было организовано террористической организацией «Аль-Каида» [11].

Полагаем, что подобная избирательность и ошибки в деятельности СБ ООН не только не способствуют реализации целей ООН, но и, как

следствие, самым неблагоприятным образом сказываются на авторитете данной международной организации, в целом.

Следует отметить, что консультативные заключения МС ООН не носят обязательного характера, который необходим для осуществления полноценного судебного контроля и реализации принципа верховенства права. В то же время, создание отдельного подразделения (палаты) в рамках МС ООН позволило бы разрешать споры, связанные с обоснованностью, справедливостью и правомерностью применения санкций в отношении государств и иных акторов.

Рассмотрение подобных вопросов способствовало бы усилению авторитетности решений, принимаемых СБ ООН. Полагаем, что отсутствие в настоящий момент у МС ООН права подтверждать или опровергать правомерность принимаемых санкций СБ ООН, порождает неоправданные сомнения в силе права и может привести к произволу в процессе установления санкций (реализации права силы), а также несет опасность для состояния стабильности существующего порядка мироустройства.

В связи с вышеизложенным представляет возможным создание специальной палаты в структуре МС ООН, которая бы осуществляла контролирующие функции в отношении действий Совета Безопасности ООН, связанных с принятием санкций в отношении государств, частных лиц и организаций. Подобное расширение полномочий МС ООН будет способствовать принятию правомерных, обоснованных и справедливых мер для поддержания международного мира и безопасности, разрешению международных проблем гуманитарного характера, а также разрешению споров, возникающих в процессе применения санкций.

По итогам проведенного исследования можно сформулировать следующие положения:

1. Установлено, что санкции являются важнейшим инструментом невоенного характера, которые позволяют поддерживать международный мир и безопасность. В то же время исходя анализ практики введения санкция СБ ООН можно сделать вывод, что к причинам, способствующим снижению эффективности применения санкций можно отнести: дискуссионный характер некоторых аргументов, обосновывающих необходимость введения санкций; негативные гуманитарные последствия введения санкций, в том числе негативное влияние на реализацию прав человека и, как следствие, несоблюдение санкций многими государствами.

2. Считаем, что создание отдельного подразделения (палаты) в рамках МС ООН позволило бы разрешать споры, связанные с обоснованностью, справедливостью и правомерностью применения

санкций в отношении государств и иных субъектов. С этой целью МС ООН, во-первых, должен быть наделен полномочиями по отмене резолюций ООН в связи с тем, что они не соответствуют положениям Устава ООН и (или) императивным нормам международного права, во-вторых, МС ООН должен иметь право рассматривать споры между СБ ООН и субъектом, в отношении которого приняты принудительные меры.

Подобные полномочия следует закрепить в главе XIV Устава ООН путем внесения изменений в соответствии со ст.ст. 108–109 Устава ООН, а также закрепить данные нормы в Статуте МС ООН в соответствии со ст.ст. 69–70 Статута МС ООН. Осуществление предлагаемых мер позволит сделать процесс принятия санкции СБ ООН более транспарентным и справедливым, что в свою очередь будет способствовать достижению целей, устанавливаемых СБ ООН при принятии санкций, а также целей, установленных в ст. 1 Устава ООН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Тимофеев, И. Н.* Экономические санкции как политическое понятие // Elibrary.ru [Электронный ресурс]. 2018. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35059929_63731057.pdf (дата доступа: 18.04.2020).
2. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. – Женева, 1945. – 35 с.
3. *Курдюков, Г. И.* Механизм применения международно-правовых санкций Советом Безопасности ООН // Elibrary.ru [Электронный ресурс]. 2006. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11749199_19975259.pdf/ (дата доступа: 17.04.2020).
4. *Biersteker T., Hudáková Z.* UN sanctions and peace negotiations: possibilities for complementarity // HD Centre [Electronic resource]. 2015. URL : https://www.hdcentre.org/wp-content/uploads/2015/02/Oslo-Forum-Paper-UN-sanctions-and-peace-negotiations.pdf (accessed: 17.04.2020).
5. S/RES/661(1990) // United Nations Documents [Electronic resource]. 2015. URL : https://undocs.org/ru/S/RES/661(1990) (accessed: 22.04.2020).
6. *Капустин А. Я.* Санкции ООН: международно-правовая концептуализация принудительных мер // Elibrary.ru [Электронный ресурс]. 2018. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36762231_21553170.pdf. (дата доступа: 25.04.2020).
7. *Мезяев А., Б. Блэк К.* Международно-правовые аспекты санкционных резолюций совета безопасности ООН в отношении КНДР // Elibrary.ru [Электронный ресурс]. 2018. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35660197_12819039.pdf. (дата доступа: 23.04.2020).
8. *Милинчук В. В.* Санкции СБ ООН как механизм обеспечения международно-правовой ответственности государств в сфере борьбы с транснациональной преступностью // Elibrary.ru [Электронный ресурс]. 2011. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17217500_85630929.pdf. (дата доступа: 23.04.2020).

9. *Лукашук И. И.* Право международной ответственности. М. : Юрист. 2002. № 2. С. 30–43.

10. *Довгань, Е. Ф.* Верховенство права и Совет Безопасности ООН: проблемы применения целевых санкций // Электронная библиотека БГУ. [Электронный ресурс]. 2015. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/119707. (дата доступа: 22.04.2020).

11. *Исполинов, А. С.* Контроль Международного Суда ООН над решениями Совета Безопасности // ИСТИНА. [Электронный ресурс]. 2015. URL: https://istina.msu.ru/download/76168555/1fG9Gx:zS_tGuiCCvUInF805D_045dWlZI/. (дата доступа: 22.04.2020).

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ

Коваленко В.

Израильский Институт Правосудия,kov.vitalina.kov@gmail.com

Статья посвящена анализу влияния пандемии на соблюдение обязанностей государств, вытекающих из международного гуманитарного права. Во-первых, автор исследует вызовы, стоящие перед государствами по обеспечению выполнения обязательств по надлежащему обращению с телами людей, умерших от COVID-19. Во-вторых, автор исследует вызовы, стоящие перед государствами по обеспечению выполнения обязательств по гуманному обращению с лицами, содержащимися под стражей. Данное обязательство включает в себя, кроме прочего, гарантирование предоставления медицинской помощи, принятие мер для профилактики и контроля распространения инфекции, а также реализацию прав лиц, содержащихся под стражей, на отправку и получение корреспонденции. В условиях пандемии выполнение данных обязанностей требует от государств совершенствования стандартных практик, а также выработку новых подходов.

Ключевые слова: пандемия; вооруженные конфликты; международное гуманитарное право; защита жертв войны.

ARMED CONFLICTS DURING PANDEMIC: NEW CHALLENGES TO INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Kovalenko V.

Israel Institute of Justice, kov.vitalina.kov@gmail.com

The article analyzes the impact of the pandemic on the observance of the obligations of states arising from international humanitarian law. First, the author explores the challenges facing states to ensure they meet their obligations to properly handle the bodies of people who have died from COVID-19. Secondly, the author examines the challenges facing states to ensure compliance with obligations to treat detainees with humane treatment. This

obligation includes, but is not limited to, guaranteeing the provision of medical care, taking measures to prevent and control the spread of infection, and exercising the rights of detainees to send and receive correspondence. In a pandemic, fulfilling these responsibilities requires states to improve standard practices and develop new approaches.

Key words: pandemic; armed conflicts; international humanitarian law; protection of war victims.

COVID-19 представляет угрозу для всех нас, где бы мы ни находились, однако далеко не все подвержены этой опасности в равной степени [1]. В странах, охваченных войной, положение дел вызывает обеспокоенность всего мирового сообщества.

COVID-19 бросил вызовы не только системам здравоохранения государств, но и их международно-правовым обязательствам, вытекающих, в частности, из международного гуманитарного права.

Международное гуманитарное право, как известно, не содержит прямого запрета на ведение вооруженных действий. Цель, которую преследует данная отрасль международного публичного права, заключается в ином: обеспечить защиту лиц, которые не принимают или прекратили принимать участие в военных действиях; и гуманизировать средства и методы ведения военных действий. Для достижения данных целей международное гуманитарное право накладывает ряд обязательств на стороны вооруженного конфликта, одной из которых за частую выступают государства.

Выполнение некоторых из данных обязательств в период пандемии представляет определенные трудности. Данная статья акцентирует внимание на двух вызовах, стоящих перед государствами по реализации обязательств, вытекающих из международного гуманитарного права, а именно:

- реализация прав лиц, содержащихся под стражей;
- надлежащее обращение с телами людей, умерших от COVID-19.

Реализация прав лиц, содержащихся под стражей

В местах содержания под стражей, для которых характерны переполненность, неудовлетворительные гигиенические условия и недостаточная вентиляция, крайне трудно обеспечить профилактику и сдерживание распространения инфекций, включая COVID-19 [1].

Каждая сторона в вооруженном конфликте, как международном так и немеждународном, обязана обращаться гуманно с лицами, не принимающими непосредственного участия в военных действиях. К данной категории лиц относятся лица, содержащиеся под стражей.

Требование гуманного обращения накладывает на стороны вооруженного конфликта, в частности государства, целый ряд обязательств. В соответствии с данным обязательством государства обязаны, с одной стороны, гарантировать здоровье и гигиену лиц, содержащихся под стражей, а также необходимую медицинскую помощь и уход. С другой стороны, они обязаны гарантировать реализацию прав лиц, содержащихся под стражей, на отправление и получение корреспонденции. Однако реализация последнего может поставить под угрозу реализацию предыдущего, поскольку COVID-19 может передаваться через зараженные поверхности.

Таким образом, государства оказываются перед дилеммой, которая требует совершенствования стандартных практик, а также выработку новых подходов.

Надлежащее обращение с телами людей, умерших от COVID-19

Обращение с телами погибших во время вооруженного конфликта всегда вызывало большую озабоченность в культурном и религиозном плане, и международное гуманитарное право имеет богатую историю регулирования этой проблематики [2]. В частности, оно требует организовать должным образом работу с останками людей, погибших в ходе вооруженных конфликтов, и обеспечить достойное обращение с ними.

Необходимо не упускать из виду то, что обязанности государств по надлежащему обращению с телами лиц, умерших от COVID-19, коррелирует обязанность по защите жизни и здоровья медицинского персонала, задействованного в данных операциях. В связи с этим Международный Комитет Красного Крестам (далее – МККК) разработал ряд рекомендаций, адресованных соответствующим органом власти. Говоря об обращении с телами умерших, МККК акцентирует внимание на том, что важнейшим приоритетом должны быть безопасность и благополучие персонала, который работает с телами людей, умерших от COVID-19; медицинские работники и те, кто работает с останками, должны использовать надлежащие средства индивидуальной защиты [2]. Анализ данных рекомендаций позволяет сделать вывод о том, что недостойное обращение с умершими можно предотвратить, однако это потребует выделения соответствующих ресурсов на тщательную подготовку сотрудников сферы здравоохранения. Высказываются призывы к мировому сообществу об оказании соответствующей финансовой помощи странам, охваченными одновременно пандемией и вооруженными конфликтами, что позволит обеспечить должное уважение к умершим и к чувствам их родственников.

Таким образом, в данной статье было проанализировано влияние пандемии на соблюдение государствами некоторых обязательств, вытекающих из международного гуманитарного права.

Во-первых, были исследованы вызовы, стоящие перед государствами по гуманному обращению с лицами, содержащимися под стражей. Были сделаны выводы о необходимости совершенствования стандартных практик, а также выработки новых подходов.

Во-вторых, были изучены вызовы, стоящие перед государствами по надлежащему обращению с телами людей, умерших от COVID-19.

Рассмотренные рекомендации МККК по данному вопросу позволили сделать вывод о необходимости выработки баланса между необходимостью охраны здоровья работников, задействованных в погребение лиц, умерших от ковид, в одной стороны, и, с другой стороны, необходимостью достойного обращения с останками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. COVID-19 в зонах конфликтов: представить опасность наглядно // Международный Комитет Красного Креста [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://www.icrc.org/ru/document/covid-19-v-zonah-konfliktov-predstavit-opasnost-naglyadno (дата доступа: 01.11.2020).

2. Гуманность после смерти: уважение и защита умерших // Международный Комитет Красного Креста [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://www.icrc.org/ru/document/gumannost-posle-smerti-uvazhenie-i-zashchita-umershih (дата доступа: 01.11.2020).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ИНОСТРАННОГО ИНВЕСТОРА В ПРАВЕ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Бутич В.А.

Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, Минск, 220030, vladabutich@mail.ru

Право на собственность является одним из важнейших экономических прав человека. В связи с тем, что инвестиции являются в самом общем смысле частной собственностью физического или юридического лица, Особое место в международной правовой защите частной собственности занимают иностранные инвестиции. В этой связи в статье анализируются правовые основы для обеспечения прав иностранного инвестора в государствах – участниках СНГ. Автор приходит к выводу о необходимости наделения Экономического совета СНГ действенными контрольными полномочиями в сфере надзора за соблюдением норм международного инвестиционного права, а также о закреплении норм о правовой природе

международного инвестиционного спора, подведомственности и порядке его урегулирования в Экономическом суде СНГ.

Ключевые слова: право собственности; инвестиции; защита иностранного инвестора; право СНГ; СНГ.

ENSURING THE RIGHTS OF A FOREIGN INVESTOR IN THE LAW OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

V. A. Butich

Belarusian State University,
8 Leningradskaya Street, Minsk, 220030, Belarus, vladabutich@mail.ru

The right to property is one of the most important economic human rights. Due to the fact that investments are, in a general sense, the private property of an individual or legal entity, foreign investments are an important element in the international legal protection of private property. In this regard, the article analyzes the legal framework for ensuring the rights of a foreign investor in the CIS member states. The author comes to the conclusion that it is necessary to endow the CIS Economic Council with effective control powers in the field of supervision over the observance of international investment law, as well as to consolidate the norms on the legal nature of an international investment dispute, jurisdiction and procedure for its settlement in the CIS Economic Court.

Key words: property rights; investments; protection of a foreign investor; law of the CIS; CIS.

Право на собственность является одним из важнейших экономических прав человека. Согласно ст. 26 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.), право на собственность признаётся за каждым юридическим и физическим лицом [1]. Имущество может быть изъято только в общественных интересах, в судебном порядке и при соблюдении условий, предусмотренных национальным законодательством и общепризнанными принципами международного права [1]. Подобные положения содержатся также во Всеобщей декларации прав человека 1948 года и иных международных соглашениях.

Особое место в международной правовой защите частной собственности занимают иностранные инвестиции. Нельзя не согласиться с тем фактом, что инвестиции являются в самом общем смысле частной собственностью физического или юридического лица. Такая точка зрения была представлена Г. Шварценбергом и отвечает практике международного права и национального законодательства многих государств.

Между тем, вопрос о правовой природе инвестиций на сегодняшний день является дискуссионным. Это связано со сложной экономической сутью инвестиций.

В первую очередь капиталовложения характеризуется высокой степенью риска, так как они возвращаются и приносят доход только в успешных проектах. Вложение собственности в экономику другого государства зачастую также усложняется законодательством и политикой государства, принимающего инвестиции.

С другой стороны, инвестиции из-за рубежа поднимают экономический уровень государства, их принимающего, выводят имеющиеся производства на уровень нового формата, делают продукцию более конкурентоспособной, создают новые прибыльные проекты. Это приводит к заинтересованности государств с переходной экономикой в увеличении притока иностранных инвестиций.

Повышение инвестиционного рейтинга также будет способствовать переходу государства-реципиента инвестиций на новое место в международном рынке и вступлению в ведущие международные организации, что в настоящее время также довольно актуально.

Всё это обуславливает необходимость предоставления в международном праве особой защиты иностранного инвестора.

Можно выделить три необходимых фактора, которые требуются для надлежащего обеспечения прав и свобод человека на международном уровне: «международно-правовая основа», «международный надзор за исполнением международных обязательств» и «международный механизм по разрешению споров». Для оценки эффективности сотрудничества стран-участников СНГ в данной сфере предлагается провести критический анализ этих факторов.

Международно-правовой фундамент по правам иностранного инвестора в рамках СНГ представлен в первую очередь Соглашением о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности (Ашгабат, 24 декабря 1993 года, далее – Ашгабатское соглашение) и Конвенцией о защите прав инвестора (Москва, 28 марта 1997 года, далее – Московская конвенция).

Ашгабатское соглашение закрепляет основные положения, касающиеся защиты иностранных инвестиций, выводя её, тем самым, на новый уровень. Так данное соглашение предусматривает следующие гарантии и льготы:

- полная и безусловная правовая защита государства по месту инвестирования (ст. 7 Ашгабатского соглашения);
- возможно национализации и реквизиции иностранных инвестиций только в исключительных предусмотренных законами

случаях с выплатой инвестору быстрой, адекватной и эффективной компенсации (ст. 7 Ашгабатского соглашения);

- беспрепятственный перевод прибыли и других сумм, полученных от инвестиционной деятельности в другие государства (ст. 8 Ашгабатского соглашения);
- возможность реинвестирования или другого законного целевого использования на территории государства по месту инвестирования сумм, полученных от инвестиционной деятельности (ст. 9 Ашгабатского соглашения);
- освобождение от таможенной пошлины и налогов имущества, которое ввозится из другого государства в качестве вклада инвесторами государств-участников Ашгабатского соглашения в уставный фонд предприятий с их иностранными инвестициями, и предназначено для собственного материального производства (ст. 15 Ашгабатского соглашения);
- освобождение от взимания таможенной пошлины имущества, ввозимого для личных нужд работниками предприятий с инвестициями государства - участника Ашгабатского соглашения, принятыми на работу из других государств (ст. 15 Ашгабатского соглашения);
- льготный порядок налогообложения для предприятий с инвестициями государств-участников Ашгабатского соглашения в приоритетных отраслях хозяйства и в отдельных регионах (ст. 18 Ашгабатского соглашения) [2].

Московская конвенция развивает положения Ашгабатского соглашения и направлена на создание единого инвестиционного пространства на территории стран СНГ.

В первой статье Московского соглашения приведен ряд определений таких ключевых понятий, как «инвестор», «инвестиции», «страна происхождения инвестиций», «страна-реципиент», «вещное право». Унификация основных терминов в региональном соглашении способствует установлению единства терминологии и выработке единого подхода к применению Московской конвенции.

Ещё одним важным отличием Московской конвенции от Ашгабатского соглашения является расширение круга отношений, на которые распространяется ее действие. Так, в соответствии ст. 2, Московская конвенция распространяет свое действие, в том числе, на капиталовложения инвесторов стран, не являющихся участниками данной конвенции, что прямо закреплено в ее положениях [3].

Отдельно следует остановиться на так называемой «стабилизационной оговорке», которая закрепляется в обоих соглашениях. Данное правило заключается в том, что нормы,

ухудшающие положение иностранного инвестора, не действуют в отношении него в течение определенного периода времени.

Так, в соответствии со ст. 5 Московской конвенции, если, после присоединения к международному соглашению законодательство государства-участника изменится в сторону, ухудшающую положение иностранного инвестора, то вопрос о действии нормы, ухудшающей инвестиционную деятельность, будет вынесен на рассмотрение Экономического Суда СНГ и/или иных международных судов или международных арбитражных судов [3].

Если вынесенное судом решение будет подтверждать факт ухудшения условий и режима инвестиционной деятельности, действие данных норм законодательства приостанавливается с момента их принятия и возобновляется по истечении пяти лет с даты вынесения судебного решения [3].

Между тем, ни одно из данных соглашений не содержит положений, определяющих, какие нормы являются «ухудшающими условия деятельности». Поскольку вопрос о действии норм законодательства, ухудшающих условия инвестиционной деятельности может инициировать одно или несколько государств-участников конвенции, представляется целесообразным предусмотреть более чёткие критерии для признания условий ухудшающими положение иностранного инвестора.

Во внутреннем законодательстве некоторых стран СНГ данное понятие уточняется. В своём исследовании проблем правового регулирования иностранных инвестиций в праве СНГ Е.В. Бабкина пришла к выводу, что «под ухудшением условий деятельности для иностранных инвесторов понимается возложение дополнительных либо увеличенных в сравнении с ранее существовавшими обязанностей или ограничение их в правах либо лишение имевшихся прав» [4, с. 109].

Механизм применения оговорки в международных соглашениях СНГ также не предусмотрен. В связи с этим, рекомендуется его закрепить, поскольку внутреннее законодательство многих государств-участников СНГ не закрепляет ни понятие «стабилизационной оговорки», ни механизм её применения.

Следует отметить, что на сегодняшний день не все государства (например, Российская Федерация) являются участниками данных соглашений и ряд положений всё ещё не были имплементированы в законодательство некоторых государств-участников СНГ (в том числе Республика Беларусь).

Таким образом, фактически международно-правовую основу защиты прав иностранных инвесторов в рамках СНГ составляют

универсальные многосторонние соглашения и двусторонние инвестиционные соглашения. Это не может полностью обеспечить права иностранного инвестора в достаточной степени, поскольку универсальных международных договоров по правовому режиму иностранных инвестиций нет, а двусторонние соглашения о поощрении и защите инвестиций содержат разные формулировки и не формируют единое инвестиционное пространство на территории стран СНГ.

Наднациональный контроль за исполнением международных обязательств в сфере осуществлений иностранных инвестиций в праве СНГ не закреплён.

Ранее действовал Межгосударственный экономический Комитет Экономического союза, который наделялся действенными контрольными полномочиями за надзором соблюдения международных правовых норм в экономической сфере, например, запрашивать информацию у органов государств о выполнении отдельных обязательств; организовывать, с согласия правительств, обследования на местах; принимать совместно с органами управления государств меры по устранению возникших осложнений и разрешению споров.

По сравнению с данным органом, Экономический совет СНГ, созданный Решением Совета глав государств СНГ от 25 января 2000 года после ликвидации Межгосударственного экономического Комитета Экономического союза, был наделен более узкой компетенцией.

Механизмов по урегулированию международных инвестиционных споров в праве СНГ не предусматривается. Споры по осуществлению инвестиций по общему правилу могут рассматриваться судами или арбитражными судами государств-участников споров, Экономическим Судом СНГ и/или иными международными судами, или международными арбитражными судами. При этом, Ашгабатское соглашение и Московская конвенция не устанавливают вопросы правовой природы инвестиционного спора, определения подведомственности и порядка его урегулирования.

Пробелы и коллизии международного правового регулирования инвестиционной деятельности приводит к возникновению международных инвестиционных споров на территории СНГ. С учётом специфики международного инвестиционного спора, для обеспечения прав иностранного инвестора на достаточно высоком уровне, в рамках СНГ рекомендуется определить ряд вопросов.

Так, вопрос о правовой природе международного инвестиционного спора является остро дискуссионным. Чёткого определения понятия «инвестиционный спор» в международных правовых документах не содержится. При решении вопроса о том, можно ли конкретный спор

относить к категории инвестиционного, в практике принято определять, относится ли предмет спора к понятию «инвестиции». Однако, как уже отмечалось ранее, единого подхода к понятию «инвестиции» в международном праве также пока ещё не выработано.

Так же возникает вопрос о характере инвестиционного спора. Согласно одной точке зрения, инвестиционными спорами можно считать только те споры, которые носят частноправовой характер. С другой стороны, ряд исследователей придерживается позиции толкования инвестиционного спора, согласно которой данное понятие включает как частноправовой, так и публично-правовой аспекты [5]. При этом, более широкий подход представляется наиболее предпочтительным, поскольку:

- их причиной может стать нарушение не только внутреннего права государства в частноправовой сфере, но и международного договора;
- для их разрешения по существу может применяться внутреннее право государства-реципиента, а также международное публичное право (как договорное, так и обычное);
- стороны могут разрешать их как во внутренней судебной системе государства, так и в международных арбитражах [5].

Следует отметить, что значительное количество международных соглашений в сфере осуществления иностранных инвестиций предусматривают порядок разрешения межгосударственных инвестиционных споров, тем самым придерживаясь публично-правового подхода. К ним относятся: Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (Сеул, 1985), Договор к Энергетической хартии (Лиссабон, 17 декабря 1994 г.), соглашения в рамках Всемирной торговой организации и другие.

Между тем, практическое применение данных норм в процессе урегулирования межгосударственных инвестиционных споров только в рамках ВТО. В соответствии с Приложением 2 к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации (Марракеш, 15 апреля 1994 г.), государства-участники ВТО могут заявлять претензии о нарушении государствами международных обязательств, принятых в рамках ВТО.

Такой подход представляется верным и с точки зрения защиты прав иностранного инвестора, так как разрешение единичного спора между государством и инвестором (частным лицом) не является безусловным основанием для изменения инвестиционной политики конкретного государства. Урегулирование межгосударственного спора, в свою очередь, будет способствовать пересмотру политики государства в сфере

иностранных инвестиций и приведении его в соответствие с международно-правовыми обязательствами.

Все способы разрешения инвестиционных споров можно разделить на две категории: альтернативные способы урегулирования инвестиционных споров и арбитражное разбирательство.

В настоящее время во всём мире наблюдается тенденция повышения роли примирительных процедур на досудебном этапе при рассмотрении экономических дел. Это считается наилучшим способом разрешения инвестиционного спора, особенно в случае, если стороны заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве.

В соответствии с ст. 26 Договора к Энергетической хартии (Лиссабон, 17 декабря 1994 г.) споры между договаривающейся стороной и инвестором другой договаривающейся стороны, касающиеся инвестиций и нарушения обязательств, разрешаются по возможности дружественным образом [6].

При разрешении международных инвестиционных споров именно этот способ их урегулирования представляется наиболее действенным, так как обладает рядом преимуществ. Он не затрагивает вопросов иммунитета государства и носит не состязательный характер. Более того, разрешение инвестиционных споров более гибко выравнивает противоборствующие интересы, предоставляя сторонам возможность самостоятельно принимать решения и выдвигать предложения по урегулированию спора. Также, альтернативные способы урегулирования характеризуются гораздо более сжатыми сроками, нежели рассмотрение данных споров в арбитраже.

Возможность проведения примирительной процедуры уже закреплена в главе 3 Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Вашингтон, 18 марта 1965 г.). Данной главой регламентируются общий порядок проведения в Международном центре по урегулирования инвестиционных споров (далее – МЦУИС) примирительных процедур между инвестором и государством. Однако, с учётом затруднения определения юрисдикции МЦУИС рассматривать спор, рекомендуется закрепить в праве СНГ положения об инвестиционном споре и особенностях его рассмотрения, в том числе путём применения примирительной процедуры в данной категории споров.

Таким образом, Московская конвенция была принята в развитие ранее принятого Ашгабатского соглашения: она уточняет многие вопросы его применения, содержит ряд норм, регулирующих те же отношения. В связи с этим, представляется целесообразным трансформировать

указанные акты в единое многостороннее соглашение государств-участников СНГ, в котором следует предусмотреть критерии определения норм «ухудшающих условия и режим инвестиционной деятельности» и механизм реализации «стабилизационной оговорки».

Также, для более высокого уровня защиты прав иностранного инвестора в рамках СНГ, рекомендуется наделить Экономический совет СНГ действенными контрольными полномочиями в сфере надзора за соблюдением норм международного инвестиционного права, а также закрепить положения правовой природе международного инвестиционного спора, подведомственности и порядке его урегулирования в Экономическом суде СНГ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Конвенция о правах и основных свободах человека [Электронный ресурс] : заключ. в г. Минск 26 мая 1995 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Соглашение о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности [Электронный ресурс] : заключ. в г. Ашгабат 24 дек. 1993 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Конвенция о защите прав инвестора [Электронный ресурс] : заключ. в г. Москва 28 марта 1997 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Беларусь в современном мире: мат. VIII Междунар. конф., посвященной 88-летию образования Бел. гос. ун-та, 30 октября 2009 г. / В. Г. Шадурский [и др.]. Минск : Тесей, 2009. 362 с.
5. *Дубовик Э. Г. Фанибаро, Р. В., Кожин А. Д.* Эффективность медиации в разрешении инвестиционных споров [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Договор к Энергетической Хартии : заключена в г. Лиссабон 17 дек. 1994 г. [Электронный ресурс]. 1994. URL: http://docs.cntd.ru/document/499060547 (дата доступа: 25.11.2020).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Бабахин Д.М.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская 17, 220089, г. Минск, Беларусь

В статье рассмотрены основные тенденции развития прав личности в процессе установления нового мирового порядка. Автором проанализированы нормы ряда конституций зарубежных стран на предмет закрепления в них различные виды прав человека. В статье определены основные тенденции закрепления прав личности в конституциях зарубежных стран в процессе глобализации и интеграции.

Ключевые слова: права личности; конституции; зарубежные страны; универсальность.

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF HUMAN RIGHTS IN FOREIGN COUNTRIES

Babahin D.M.

Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Street, 220089, Minsk, Belarus

The article examines the main trends in the development of individual rights in the process of establishing a new world order. The author analyzes the norms of a number of constitutions of foreign countries with a view to securing various types of human rights in them. The article identifies the main trends in the consolidation of individual rights in the constitutions of foreign countries in the process of globalization and integration.

Key words: human rights; constitutions; foreign countries; universality.

Основные права человека зафиксированы во Всеобщей Декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. [1], Международном пакте о гражданских и культурных правах 1966 г. [2], Международном пакте о социальных и экономических правах 1966 г. [3]. Указанные международные документы представляют собой правовой ориентир для национального законодателя в части формализации билля о правах в конституциях государств.

Со времен Второй мировой войны уважение прав человека постепенно перестало быть чисто внутренним делом государств. С тех пор идея установления нового международного правопорядка укрепилась.

Среди наиболее важных направлений его формирования можно выделить следующие:

- универсализация проблематики и концепции прав человека, распространение ее на все большее количество государств;

- распространение примата, верховенства норм международного права по правам человека относительно соответствующих норм внутригосударственного законодательства;

- диверсификация, то есть разнообразие конкретного содержания и объема прав человека в разных странах;

- объективная информированность мировой общественности о состоянии соблюдения этих прав в разных странах;

- образования и развертывания деятельности негосударственных, неправительственных организаций по защите прав человека, международная и государственная поддержка таких правозащитных структур;

- повышение эффективности международных контрольных механизмов в сфере защиты прав человека [4, с. 91]. Следовательно, одним из общих направлений развития института прав человека в XX–XXI веках является его глобальная универсализация.

В современном конституционном праве зарубежных стран зафиксированные в конституции государства права, совершенно справедливо принято считать одним из важнейших институтов конституционного права. Как правило, закреплены две группы прав – человека и гражданина. Такое разграничение прав и свобод впервые было использовано Декларацией прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. во Франции. Первая группа – права человека. Признаются на территории конкретного государства за всеми людьми, независимо от гражданства. Их субъекты обозначаются в конституциях словами «все», «каждый», «всякий» [5, с. 74].

По способу осуществления права и свободы человека классифицируются на два вида: индивидуальные и коллективные. Индивидуальные права могут быть реализованы в одиночку или совместно с другими людьми. Коллективные права могут быть реализованы только группой людей (социальной общностью).

Индивидуальные права также принято разделять на общие или основные (человека), особенные (личности) и специальные (профессиональные).

1. Общие (основные) права. Данные права корреспондируются всем людям.

Существует два подхода в определении общих прав человека. Согласно первому из них, к общим (или конституционным) относятся все права, закрепленные в конституции страны.

Согласно второму – к общим относят основные права. Основные права – это закрепленные в конституции неотъемлемые и неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина. Учитывая особое значение основных прав, в Германии, например, их выделили как систему ценностей и требований в самом начале текста, в первом разделе конституции. Основной закон исходит из естественной принадлежности человеку его прав, которые не создаются конституцией, а признаются ею и являются непосредственно действующими. Следует, однако, иметь в виду, что помимо зафиксированных в разделе I, Основной закон ФРГ [6] гарантирует и другие права, которые по своим особенностям не отличаются от прав, обозначенных законодателем как основные. Помимо Германии основные права пользуются повышенной степенью конституционной защиты в таких странах, Испания [7].

В свою очередь в конституциях Болгарии [8], Венгрии [9] также говорится об основных правах, но они имеют одинаковый статус с конституционными.

2. Особенные права – это отражение персонифицированных прав (и обязанностей) конкретного человека (в зависимости от пола, возраста, семейного положения, места жительства), например, права детей и инвалидов.

3. Специальные права – это права лиц, принадлежащих к определенной профессиональной категории (военнослужащие, судьи, депутаты, госслужащие, бизнесмены и т.д.).

Вторая группа – права гражданина. Ими обладают только граждане данной страны. Их адреса чаще всего так и именуются «граждане». В то же время конституции ряда стран используют для обозначения прав гражданина название этноса, вокруг которого сформировалось соответствующее государство. Это, например, конституции Бразилии, Испании, ФРГ, Швейцарии, которые терминами «бразильцы», «испанцы», «немцы», «швейцарцы и швейцарки», обозначают не этнические, а государственно-правовые общности, т.е. своих граждан [5, с. 82; 6; 7].

Наиболее распространена классификация, закрепляемая в конституциях различных стран по следующим основаниям: по времени возникновения, по сферам общественных отношений, по принадлежности к социальным нормам регуляторам, политико-правовому статусу, по степени персонификации, по социальному субъекту-носителю прав, по универсальности и закреплению в конституциях и международных

нормах, по возможности временного ограничения, по роли государства в ограничении прав и свобод.

В настоящее время выделяются четыре поколения прав человека. Они отражают историческую последовательность углубления их понимания, временную очередность включения в общепризнанные международные документы.

Права каждого поколения, в свою очередь, разделяются на группы в соответствии со сферами реализации.

Группа прав, выделяемых по сферам общественных отношений. Они нашли закрепление в конституциях абсолютного большинства стран мира.

Личные (гражданские) права – совокупность естественных и не отчуждаемых основополагающих прав и свобод, принадлежащих человеку от рождения и не зависящих от его принадлежности к конкретному государству. К личным правам относятся: право на жизнь; право на достоинство; право на свободу и личную неприкосновенность; право на неприкосновенность частной и семейной жизни; право на свободу переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; право определять и указывать свою национальную принадлежность; право на пользование родным языком; право на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства; свобода совести, свобода вероисповедания; свобода мысли и слова; право на воспитание и заботу о детях; право на неприкосновенность жилища; право на гражданство и некоторые другие права.

Право на жизнь – неотъемлемое право каждого человека, охраняемое законом. Его содержание заключается в том, что никто не может быть умышленно лишен жизни. Правовой основой обеспечения этого права являются ратифицированные большинством стран мира: Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах [2].

Право на свободу и личную неприкосновенность – принцип, согласно которому человек не может быть произвольно лишен свободы. ст. 9 Всеобщей декларации прав человека [1] предусматривает, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию.

Право определять и указывать свою национальную принадлежность – гарантированная возможность каждого человека самостоятельно и свободно определять и указывать свою национальную принадлежность (принадлежность к определенной этнической группе), исключительно на основании самоидентификации, то есть собственного усмотрения. В отличие от существовавшего ранее порядка, когда национальность

человека определялась на основании национальной принадлежности родителей (за исключением случаев, когда родители принадлежали к разным национальностям).

Свобода совести, свобода вероисповедания – естественное право человека иметь любые убеждения. Всеобщая декларации прав человека закрепляет в ст. 18 право на свободу совести, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» [1]. В настоящее время во многих странах действует принцип непризнания государством ни одной из религий.

Политические права человека и гражданина – права и свободы, тесно связанные с принадлежностью к гражданству конкретного государства. К ним относятся: право участвовать в управлении делами государства; право на объединение; право на мирные собрания, митинги, шествия и пикетирования; право на обращение; право на свободу массовой информации; право на цензуру; право на защиту и покровительство за пределами своего государства; право на политическое убежище; право на иностранное гражданство и др.

Право на защиту и покровительство за пределами государства – право, обусловленное статусом гражданина, согласно которому государство несет обязанность обеспечивать реализацию гражданами, находящимися за рубежом их прав и законных интересов. В свою очередь, право на политическое убежище – предоставленное лицам, преследуемым у себя на родине за политические или религиозные убеждения, а также за действия, не квалифицируемые в международном и национальном праве демократических государств как правонарушение, право на выезд и пребывание на территории другого государства [10, с.70].

Социальные права человека и гражданина – права на обеспечение государством жизнедеятельности людей, признанные международным сообществом в качестве оптимальных с позиций развития личности, социальных групп и общества в целом. К ним относятся: право на социальное обеспечение; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; право на жилище; право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением; право на достойный уровень жизни [10, с. 70].

Право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением – право, обязывающее все физические и юридические лица, а также государственные органы принимать все возможные меры для сохранения окружающей среды. Впервые провозглашено в Конституции Испании 1978 г. [7].

Экономические права человека и гражданина – совокупность конституционных прав, определяющих юридические возможности человека в экономической сфере. К ним относятся: право на свободный труд; право на защиту от безработицы; право частной собственности; право на занятие предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельностью; право на трудовые споры; право на создание профессиональных союзов для защиты своих прав и интересов.

Право на свободный труд – право на работу и оплату труда в соответствии с его количеством и качеством, причем не ниже установленного государством минимального размера. В немногих демократических странах, где право на труд закреплено конституционно (Италия, Болгария и др.) [8; 11], оно не имеет четкого юридического содержания и означает лишь обязанность государства заботиться о создании соответствующих условий для обеспечения всех желающих трудиться рабочими местами.

Культурные права – особый комплекс прав и свобод человека, представляющих собой гарантированные конституцией или законом возможности человека в сфере культурной и научной жизни.

Право на образование – одно из прав человека «второго поколения» (социально-экономических и культурных; с точки зрения отсутствия дискриминации может рассматриваться также как гражданское право первого поколения). Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам выделяются четыре основные характеристики права на образование: наличие, доступность (отсутствие дискриминации, физическая и экономическая доступность), приемлемость и адаптируемость образования.

Право на доступ к культурным ценностям – право на доступ к национальным и общечеловеческим культурным ценностям. В ряде стран (Франция, Канада и др.) во всех или некоторых государственных музеях выделяется день, когда вход бесплатный.

Таким образом, рассмотрение социально политической сущности конституционно правового статуса личности и его соотношения с юридическим содержанием в конституционном праве государств современного мира позволяет сделать некоторые выводы и сформулировать следующие теоретические постулаты:

1. Понимание сущности основного количества конституционных прав и свобод так или иначе связано с признанием мировых, международных публично правовых стандартов. Права и свободы человека нашли свое закрепление в конституциях многих стран, что является необходимым и важным признаком современного демократического правового государства. На наш взгляд, в правовом государстве конституционно-правовой статус человека приобретает своеобразное и самостоятельное юридическое звучание и действие. С точки зрения защиты общечеловеческих ценностей правовое государство можно охарактеризовать как олицетворение государственной власти, основанной на доверии граждан. Следовательно, закрепление правового статуса человека в Конституции – это один из самых важных аспектов эффективной деятельности государственной власти любого государства.

2. Конституционно-правовой статус личности для любого государства мира представляет собой своеобразный идентификатор (маркер), определяющий степень легитимности конституции. Соотношение фактического и юридического статуса личности детерминирует условия конституционных реформ, принятие новой конституции либо ревизию действующей. На основе тенденций конституционного развития государств идет разработка теоретических основ современной конституции – основного закона, содержащего оптимальные конституционные формулировки для регулирования общественных отношений в условиях современной эпохи.

3. Современное регулирование конституционных отношений все чаще исходит из новых тенденций развития человечества. Как бы мы ни оценивали это, но в мире (да в определенной степени и во внутреннем развитии страны) происходят процессы глобализации и интеграции при одновременном учете местных особенностей. В основе регулирования конституционных отношений теперь все чаще лежит комплекс взаимосвязей: личность – коллектив – общество – государство (это и есть внутренняя интеграция). Такой подход не замыкается на двух моментах, как было раньше: власть и права человека. Новые конституции комплексно регулируют основы экономической, социальной, политической системы, духовной жизни общества, а также основы статуса человека и гражданина

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. Минск : Амалфея, 2012. 28 с.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят на XXI сес. Генер. Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1976. – № 17.

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят на XXI сес. Генер. Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1976. – № 17.

4. *Амиров, К. С.* Основные направления развития прав и свобод человека в современной России // Вестн. науки и образования. 2018. № 12(48). С. 90–94.

5. *Страшун, Б. А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для вузов. М. : НОРМА, 2005. 896 с.

6. *Маклаков В. В.* Основной Закон Федеративной Республики Германия, 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств : Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия : учеб. пособие / сост. и ред.: В. В. Маклаков. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 168–246.

7. Конституция Королевства Испании, 27 дек. 1978 г. // Конституции зарубежных государств / сост.: В Г. Тихиня, В. П. Серебренников. 2-е изд., доп. Минск, 2014. С. 126–163.

8. Конституция на Република България, 12 Юли 1991 г. : изм. и доп. ДВ. бр.100 от 18 Декември 2015 г. // Народно събрание на Република България. [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.bg/bg/const (дата доступа: 10.11.2020).

9. The Fundamental Law of Hungary, 25 April 2011 // The Constitution Court of Hungary [Electronic resource]. URL : http://hunconcourt.hu/rules/fundamental-law (accessed: 10.11.2020).

10. *Абашидзе, А. А.* Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журн. междунар. права. 2009. № 1. С. 69–82.

11. Конституция Итальянской республики, 22 дек. 1947 г. // Избранные конституции зарубежных стран : учеб. пособие / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 2006. С. 296–333.

Научное издание

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО ГЛАЗАМИ БЕЛОРУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Материалы международного научного форума

Минск, 30 октября 2020 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Е. В. Пильгун*

Подписано в печать 31.12.2020. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 7,90. Уч.-изд. л. 8,94.
Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика